50 и один шаг ближе

Лина Мур

18+

Annotation

Серия «Легенды Торонто». Позволь себе сделать шаг в дурманящую бездну пороков и любви. Открой для себя дверь в совершенно новую вселенную. Каждый в этом мире извращён желаниями. Необходимо только понять, какой вкус боли выбираешь ты.

50 и Один Шаг Ближе

Лина Мур

Порой делать шаг навстречу бывает больно и до безумия страшно.

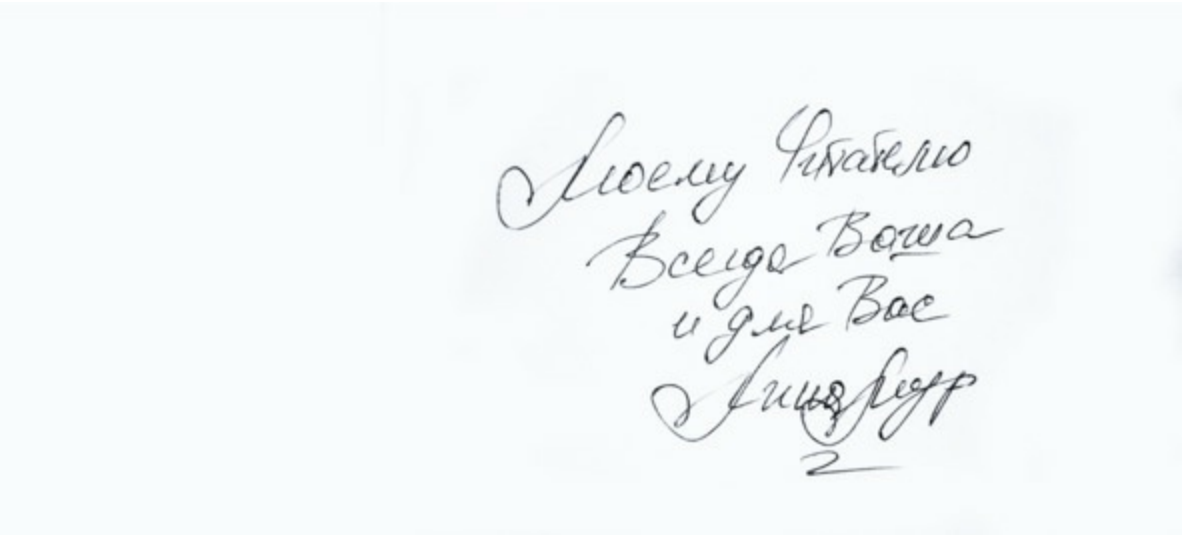
Порой решиться на что-то сложно, но так же необходимо.

Оно притягивает с невероятной силой.

Туманит разум, оставляя после себя мягкое послевкусие тёмного шоколада.

Но жажда окунуться полностью в нечто новое не смеет остановить.

Не оглядываться. Идти. Слепо. На голос. На стук сердца. Ближе… ещё ближе к нему.



Первый шаг

Тёмный кинозал «СинеплексСинема» в Торонто, где проходила премьера фильма нашумевшей книги «Пятьдесят оттенков серого», трещал от накалённой обстановки и ожидания обещанных жарких сцен. Тихие перешёптывания превратились в гул, и всё внимание было отдано экрану при музыкальном вступлении. Хотя некоторые из присутствующих попали сюда только по чистой случайности, а если быть совсем откровенными, то по настоятельному требованию их друзей составить компанию. Таких набралось немало. К числу этих «счастливчиков» принадлежала и девушка, сидящая в центральном ряду. Ей было намного интереснее наблюдать за парочками, которые окружали её, чем за действием на экране. Она откровенно скучала, поглядывая на часы или комментируя картину на экране.

— Теперь ты займёшься со мной любовью? — Запомни. Первое. Я не занимаюсь любовью. Я трахаюсь… жёстко

— А второе?

— Я все же стану геем, — фыркнула она довольно громко для внутреннего монолога, и вокруг неё раздались одобрительные смешки таких же «залётных птиц», как и она. Девушка усмехнулась, забросив в рот попкорн.

— Идём, — Кристиан Грей предложил руку Анастейше.

Пока окружающие люди, сидящие рядом с темноволосой шутницей, ожидали новой реплики, и она не заставила себя ждать слишком долго. Редко посетительнице этого сеанса удавалось держать свой язык за зубами, и это был её единственный порок. Так она думала.

— Идём, я покажу тебе, где выход. Сейчас засну от скуки, — она попыталась сымитировать тон главного героя, но это получилось ужасно глупо и перековеркано до жути, что ребята громче рассмеялись. К ним присоединилась и она, вальяжно закидывая ногу на ногу.

Но мало кто был рад такому внедрению в ход картины, и тут же повсюду раздались шикающие звуки и возмущения. Закатив глаза, девушка решила прекратить издеваться над картиной и не нарушать наслаждение кинолюбителей, хотя это было крайне сложно. Так и кипело внутри её желание произнести очередную едкую фразу.

— Угомонись уже, Миша, — едва она успела открыть рот, как её ткнула в ребро рыжеволосая подруга и недовольно выпятила губы.

— Большинство заценило, — равнодушно пожала плечами она, махнув головой в сторону девушек, которые поддерживали её язвительную натуру, продолжив комментировать со своих мест.

— Займись делом — ложись спать, но рот закрой. Ты мне мешаешь, — шикнула на неё Сара, предоставив своё плечо, из-за чего та скептически выгнула бровь.

— Ну уж нет, детка, теперь мне стало крайне любопытно, — ехидно ответила она, уже предвкушая, как глаза взорвутся от того, что творилось на экране. Села ровнее в кресле, бросая в рот очередную порцию попкорна.

Остальную часть фильма она честно пыталась не заснуть, зевая и развлекая себя комментариями то фраз главных героев, то их внешности, то неправдоподобности сюжета, то, вообще, обдумывала планы на лето, до которого ещё так далеко. И под конец фильма, многие уже рыдали от смеха из-за её высказываний, смешанных с личным опытом и психологическими знаниями, а другие ругались и пытались избавиться от нарушительницы их тайного свидания с этим фильмом. К их числу принадлежала и Сара, лучшая подруга, постоянно толкавшая её. Если бы за насилие в Торонто не сажали, то железная банка из-под газировки давно была бы уже у неё в горле.

— Наконец-то мои мучения окончились. Моя задница стала плоской, — на финальных титрах девушка поднялась, поправляя тёмные волосы, собранные в хвост. Размявшись всего секунду, она собрала опустошённую тару из-под попкорна, пустые бутылочки пепси, пытаясь одновременно потереть свои ягодицы сквозь джинсы.

— Прекрати, это было великолепно, надо будет ещё раз сходить, — цокнула рыжая, забирая из её рук мусор.

— Только через мой охладевший труп и после сорока дней, иначе восстану и трахну тебя. Жёстко, — повторила темноволосая интонацию Кристиана Грея, это вызвало смех у её подруги.

— Но Дорнан горяч, детка, я б от такого не отказалась, — бросила рыжая, идя за ней следом к выходу. Миша была уверена, что подруга уже представила себя рядом с распиаренным красавчиком и состряпала родословную до седьмого колена. Это было в её духе.

— Сара, я опущу комментарии по поводу внешности главных героев. Это не этично, — усмехнулась она, протискиваясь сквозь толпу. — Но вот никогда и ни за какие деньги не согласилась бы быть на её месте. Я бы ему показала красноречивый средний палец и послала в известную тёмную прогулку. Это было гадко и низко. Я не говорю уже о том, что его возбуждает закушенная губа, потные ноги, мешки под глазами и явно нездоровая любовь к фразе «Я не романтик». Не упоминаю о его садизме, маниакальном желании причинить боль и возрадоваться, но серая мышка влюбилась в это чудовище. А он ведь унижал морально, пытался сломать её личность, а она раскрыла рот и терпела от него всё, ради невозможной сказки. Даже в таких отношениях должно быть уважение как минимум. Это насилие над человеком, которое преподносят, как любовь. В итоге этот фильм привёл меня к новым умозаключениям — любовь самое гадкое и низменное чувство, которое я ненавижу. Лучше бы пошли на вечеринку к Лютеру.

— Мы ещё успеем. Не ной, актриса без работы, — рассмеялась Сара, заметив блеск в тёмных глазах подруги, которая уже ухватилась за эту мысль, достав из сумки мобильный, чтобы проверить время.

— Боже, ты наградил меня за муки, которые я вытерпела, — Миша довольная своим настроем молниеносно отписалась друзьям, что скоро в их компании будет прибавление, и спрятала «BlackBerry» в задний карман джинс.

Цокнув из-за слишком медленного движения к выходу из зала, напоминающее ритм зомби, темноволосая схватила Сару за руку и грубо начала проталкиваться вперёд, чтобы оставить воспоминания о киносеансе в прошлом и вернуться в свой мир, в котором уже всё предопределено.

На этот фильм пришло много людей, совершенно различных как, по религиозным соображениям, так и по возрасту. В том числе и мужчины посетили кинотеатр в этот вечер,

выбрав картину, о которой мечтали многие. Двое парней следовали за возмущающейся Мишей и восторженной Сарой, с раздражением слушая разговор, и один из них вздохнул от облегчения, когда девушкам удалось оторваться от них на пару человек вперёд.

— Слышал? — Подняв бровь, один из двух темноволосых и модно одетых парней обратился к своему другу.

— Ещё бы, я её слушал весь чёртов фильм. Она слишком много разговаривает, у меня кровь из ушей брызжет, — скривился друг и натянул поглубже кепку.

— Пока мы сидели и смотрели эту хм… картину, мне пришла одна замечательная идея. Сейчас зима, а это время года навевает на меня тоску, впрочем, как и на тебя. Предлагаю интересное времяпрепровождение, — парень зазывно поиграл бровями, на что другой только цокнул.

— Только из чистого любопытства, говори.

— Спорим, что вот эта мисс «Шутница-от-Бога» никогда не получит удовольствия от реальных тематических игр и никогда не скажет настоящему Мастеру слова любви? Да и контракт, как мне помнится, где-то я видел…

— Тише, — шикнул на друга парень и пихнул его, оглядевшись по сторонам.

— Какие мы сегодня нежные, — понизил голос напарник. — Итак, что ты скажешь?

— Глупо, — отрезал темноволосый.

— Я так и предполагал, что испугаешься взять ту, которая, мало того, не обучена быть нижней, так ещё и явно имеет самый неподходящий характер для нашей темы, — он задел за живое молодого мужчину и тот зло заскрипел зубами. Лучший друг и партнёр по бизнесу надавил на самую больную мозоль — сомнение в его мужской силе и умению добиваться всего, что он хочет. Да и вообще сомнения в этом мужчине, как в личности, в любой сфере жизни, раздражали, выводили из себя. Он назло брал всё в свои руки, отвечая обидчику известным способом — уничтожал его. А так как пари предложил его названый брат, то ему ничего не оставалось, как только утереть нос снова.

— Согласен, только я выдвину условия, чтобы была реальная причина для меня браться за это дело, — прошипел парень, натягивая впопыхах кожаную куртку.

— Идёт. Встретимся утром в офисе.

— Готовь контракты.

Второй шаг
Мишель

— Доброе утро всем, — улыбаясь семье, сажусь за стол.

— Привет, дорогая. Ты вчера припозднилась, — замечает, выглядывая из-за газеты, папа, а мама жестом показывает нашей домработнице Лидии поставить для меня приборы.

— Ага, пятница тринадцатое же. Мы ходили с Сарой на вечеринку одного из студентов, — пожав плечами, довольно беру чайник с чаем.

— А почему меня не позвала? — Обиженно тянет Тейра и выпячивает нижнюю губу.

— Потому что тебе шестнадцать, а в твоём возрасте благовоспитанные леди спят в своих постельках и видят единорогов, — пытаясь удержать смех, обращаюсь я к сестре.

— А ты не такая и взрослая, всего девятнадцать, — фыркает она, складывая воинственно руки на груди.

— Девочки, вы не забыли, что сегодня мы идём на благотворительный приём? Встречаемся в восемь вечера внизу при полном параде, — напоминает мама. Скривившись и зажмурив один глаз, показываю тем самым ей, что мне эта идея совершенно не нравится.

— Сегодня ведь день всех влюблённых, мам. И у нас с Сарой двойное свидание, — жалостливо смотря на неё, хлопаю ресницами для правдоподобности своей подводной просьбы — освободить меня от этого занудного вечера. Очередной приём, где лишь время потеряю.

— Вот потом и сходите, — сурово говорит папа. — Если хочешь, Сара тоже может пойти с нами. Я внесу её в список приглашённых, а через пару часов вы свободны.

— Правда? — Недоверчиво переспрашивая, поворачиваюсь к нему. Это не в его правилах так спокойно отпускать меня с какими-то парнями, которых он в глаза не видел, даже если они только выдуманные. Обычно таким разговорам сопутствуют расспросы, очередная ссора и моё вынужденное заточение. А сейчас его лёгкое предложение довольно странно.

— Да, — кивает он.

— Где подвох? — Прищуриваюсь я, глядя на него.

— Никакого. Условие: вести себя подобающе своему положению, — чётко отвечает он.

Но это была бы не я, если бы так просто поверила ему. Что-то тут не так. Неужели, снова решил познакомить меня с кем-то из отпрысков своих друзей? Точно! Так, видимо, и есть, поэтому настолько лояльно отнёсся к моему выдуманному двойному свиданию.

Пока остальное семейство обсуждает предстоящий вечер, я строю планы по своему спасению. И как некстати потеряла свой телефон, а точнее, его кто-то украл. Сволочь! Да нет, не сволочь, это я рассеянная. Положила его в задний карман и привлекла этим самым обычного мошенника.

Вздохнув из-за своих печальных мыслей, решаю, что для начала заеду за Сарой, и мы съездим в торговый центр за обновками. Затем восстановлю номер и куплю новый телефон.

Обычный субботний день в нашей семье. Отец отправляется в офис, даже не помню, когда последний раз оставался дома, чтобы провести свободное время с семьёй. Он работает в крупной нефтяной корпорации, где занимает одну из ведущих должностей. А так как рынок сейчас очень нестабилен, то ему приходится жить там, а не дома.

Мама поедет в теннисный клуб, где собираются все жёны высшего света. Сестра будет щебетать со своими подружками и издеваться над школьными ухажёрами. И это моя семья, вот такая, где никому нет дела до того, кто чем занят. Почему? Отчего мы не можем быть немного ближе друг к другу?

Деньги.

Ради них каждый будет рвать себя, чтобы добиться всех благ этого мира. Хотя мне должно быть совестно так размышлять, потому что нахожусь на иждивении родителей. Сейчас я только оканчиваю первый курс финансового факультета и вечерний курс психологического. Хотела ли я этого? Меня не спросили. Не выбирала свою профессию, куда папа сказал, туда и пошла. Так заведено в нашем мире, против его слова идти не имела права. Хотя моя душа лежит к иному. Фотосъёмке. Но это может быть хобби, никак не заработок, оно не даст мне того, о чём я мечтаю. Финансовую стабильность в этом извращённом мире. Свободу, чтобы позволить себе такое увлечение, как фотография для души. Когда-нибудь я вспомню о ней.

Припарковавшись у многоэтажного дома, выхожу из машины и направляюсь за подругой. Вариантов, чтобы донести до неё благую весть о моем появлении, нет.

Сара моя лучшая подруга с начала школьной поры. Больше чем подруга, сестра. Мы с ней совершенно разные в плане представления о мире, выборе парней, да и, вообще, полные противоположности. Но они, как известно, притягиваются.

— Доброе утро, — медленно произношу я незнакомой домработнице, открывшей мне дверь. Пытаюсь вспомнить хотя бы одно упоминание Сары о найме иностранки, что с особой тщательностью осматривает мою обычную одежду, и не могу.

— Доброе утро, чем я могу вам помочь? — С акцентом спрашивает она, окончив сканировать меня, и явно не разрешая войти внутрь.

— Передайте Саре, что Миша ждёт её в машине, — бросаю ей и, развернувшись, иду к условленному месту. Больно и надо было заходить.

Забравшись обратно в «Ауди», подсоединяю айпод и нахожу одну из любимых песен. Простукивая ритм по рулю, подпеваю и наблюдаю за проходящими мимо людьми.

Торонто. Люблю свой родной город, и у меня нет планов никуда уезжать. А зачем? Тут всё есть. Конечно, путешествовать это одно, а вот менять место жизни, не планирую ближайшие… да и, вообще, не планирую. Я канадка и мне нравится быть в этом месте. Довольна своей жизнью или пытаюсь заставить себя так думать, желать большего не имею права. Взгляд цепляется за парочку, жадно целующуюся перед такси, и я кривлюсь от этого. Никогда бы себе такого не позволила, хотя у меня есть парень. Лукас или просто Люк. Самый обычный, стоящий на несколько ступеней ниже моего социального положения, звезда спортивных секций университета. Отец предпочитает не слышать о нём, как и мать. Но мы гуляем вместе, целуемся где-нибудь в укромном уголке, ходим за ручку и иногда…

Не успеваю закончить мысль, как дверь автомобиля с шумом распахивается и тут же захлопывается, являя мне ураган в лице моей лучшей подруги Сары, расположившейся в пассажирском кресле. Меня ослепляет белой улыбкой и обдаёт любимыми сладковатыми духами моей попутчицы.

— Привет, — бодро произносит она, смахивая с лица рыжую прядь.

— И тебе не хворать, — рассмеявшись, завожу машину.

— Миша, мне тут пришло странное сообщение утром, но я даже не придала значения. А вот сейчас, узнав, что ты подняла свою тощую задницу и зашла ко мне, меня заинтересовало

это, — без предисловий только она, моя верная спутница жизни, начинает грузить меня в субботний день.

— У меня шикарная задница, между прочим. И что за сообщение? Неужели, тебе сказали, что ты выиграла жёсткий секс и доминанта в придачу? — Усмехаясь, я двигаюсь по уже заполненной автомобилями дороге.

— Если бы. Это по твою шикарную тощую задницу, к сожалению, — она достаёт свой айфон и, углубляясь в него, что-то ищет. — Зачитываю: «Доброе утро, вчера в кинотеатре был найден красный „BlackBerry“, и первый номер в нём был ваш. Как передать владельцу его телефон?»

— Оу, — удивлённо выдыхая, бросаю на подругу быстрый взгляд. — Какая радость!

— Ты что, действительно потеряла мобильный? — С сомнением спрашивает она.

— Ага, вчера пришла домой и хотела написать тебе и Люку, а оказалось, что спёрли, — подтверждаю её догадку.

— Тогда намекну ему, что мы будем в «Итон-Центр», да?

— Поблагодари его, а может быть, её. И скажи, что могу подъехать за ним по любому адресу, если этого человека с неопределённым полом затруднит пересечься там с нами, — подсказываю ей и Сара, кивнув, начинает печатать ответ.

— Сделано. Зачем нам по магазинам? — Интересуясь, подруга ищет в моём айподе свою любимую песню.

— Мы идём на банкет. Сегодня. И надо что-то новенькое, — задумчиво отвечаю, стараясь в голове определиться хотя бы с цветовой гаммой наряда.

— Мы?

— Мы.

— Чёрт, Миша, а как же вечеринка? У Люка проходят самые крутые с выпивкой. Я хочу попасть на неё! — Возмущается Сара.

— Попадём. Я тоже не горю от счастья, но папа сказал, что мы там с тобой пробудем часа два и сваливаем. Хотя планирую смотаться раньше, — успокаиваю уже возбуждённую от праведного негодования Сару.

— А ну тогда ладно. Мой папочка вчера улетел в Париж с новой шлюшкой, а мне оставил деньги и записку: «Не скучай». Мило, да? — С сарказмом произносит она.

— Сама забота, — поддакиваю я.

Её телефон орёт церковным звоном, и подруга расплывается в улыбке, как Чеширский Кот.

— Дрейк пишет и признаётся в симпатии, как и Ель, как и Вито, как и Чейз, — наигранно устало вздыхает она.

— Бедняжка, искренне сочувствую, — хмыкаю я.

— О, так ещё одна и это тебе, читаю. «Мне несложно подвезти пропажу к моллу. Это обязанность мужчины. Я должен быть уверен, что телефон попадёт в правильные руки». Это он, а не она. Я ведь говорила, — тянет подруга.

— Вот меня интересует другое, что мужик делал на этом фильме? Гей? — Стучу пальцами по рулю, ожидая, когда машина впереди освободит движение, чтобы я свернула к парковке.

— Дура, — закатывает глаза она. — Этот фильм, как и книгу обожают миллиарды людей, в том числе и мужчины, и не только геи. Ты только подумай, как это романтично. Сегодня день влюблённых, неизвестный находит твой телефон, и как принц мчится тебе его

вернуть. Он ответственный. Он настойчивый. Он…

— Он больной. Так, Сара, сворачивай свою фантазию, где мы уже наплодили мелких сыщиков и вернись в реальность, — перебиваю её. — Ни один нормальный человек не пойдёт на этот фильм и не притащит свой зад, только чтобы отдать пропажу. Ау, детка, мы живём не по сценарию, а в реальном мире.

— Ты просто слишком… нудная, — бурчит она и задумывается над ответом.

— Спроси, как я его узнаю? — Вновь подсказываю я.

Выключаю мотор, и мы выходим, направляясь к лифтам, которые поднимут нас в торговый центр. Предвкушаю шоппинг. Да, я девочка и люблю одеваться красиво, хотя в основном это ботинки, кеды, джинсы. Но! У меня есть особенное «но», обожаю наблюдать, как люди поднимают челюсть с пола, когда видят меня в полной боевой готовности. Наверно, да нет, не наверно, не отличаюсь ничем от обычной студентки с достатком больше выше среднего в семье, которая спокойно может потратить на одежду десять тысяч. Не могу сказать, что я избалована. Просто стараюсь в обычные дни слиться с толпой и быть как все, ища свою индивидуальность. Я бываю несколько резкой и грубой, но не из-за того, что слишком зазналась или смотрю на людей свысока. Нет, просто мой язык — враг мой, и думаю, у каждого человека есть среди знакомых вот такая змея, изливающая правду матку всем и вся, не думающая, что говорит и даже не замечает этого, а потом ей стыдно за свои откровения. Она это я. Я несколько цинична, эгоистична и ядовита. В психологии эти качества называют мнимыми, но это, к сожалению, не про меня. Знаю, как устроена эта жизнь, в свои девятнадцать повидала достаточно много разрушенных судеб, и глубоко соболезную каждому человеку, рождённому в эту чёрную эпоху.

— Он написал, — Сара берёт меня под руку, открывая сообщение, пока мы гуляем вдоль бутиков. — «Крошка, мимо меня редко кто проходит не оглянувшись. Но не тебе нужно меня узнавать, а твоей подруге».

— Урод, — обиженно фыркает она, а я хрюкаю от смеха. Да, этот парень стал одним из немногих, кто открыто дал отпор подруге.

— Дай, — выхватываю у неё телефон, когда мы входим в один из магазинов. Пока Сара отправляется гулять по рядам, решаю сама взять ситуацию под контроль.

«Малыш, неужели, ты выступаешь в цирке уродов? Это будет занимательно, люблю посмеяться»

Хихикнув из-за своего грубого ответа, довольно присоединяюсь к подруге. Самомнение у мужика не хромает, но и мы не лыком шиты.

«Крошка, советую контролировать свои слова с незнакомыми людьми. Это тебе сыграет плохую службу. Передай подруге, что буду у фонтана рядом со „Старбаксом“ через двадцать минут»

Ха, и ещё одно ха в этого придурка.

«Малыш, советую попридержать свои слова, иначе язык засохнет от твоей манеры общения или его кто-нибудь вырвет. Я же добрая сегодня. Мне не нужно ничего передавать, это и есть та самая подруга», — зло напечатав последнее сообщение, передёрнула плечами от такой наглости.

— Ну что? — С интересом спрашивает Сара, заметив моё негодование.

— Почитай, какой твой супермен самовлюблённый, — фыркаю я и бросаю айфон подруге, подхватывая одно из платьев.

Пока меряю темно-зелёное платье выше колен, подруга за шторкой хихикает, а затем уже вовсю смеётся.

— Правильно, Миша, надо этого придурка отшлёпать, — успокоившись, произносит Сара.

— На тебя слишком воздействует кинематограф, — хмыкаю, но всё же улыбаюсь, оглядывая себя в зеркало.

Пойдёт, возьму его, а затем ещё туфли, клатч… а может, чёрное или алое? Хотя зачем это мне, ведь это нудный вечер, в компании родителей и их друзей, где меня будут выставлять, как товар. Нет, на этом мои покупки завершены.

— Он прислал сообщение, что на месте, — уведомляет подруга, пока натягиваю свитер.

— Ну, что, шоу началось, — пою, подходя к кассе. — Пусть подождёт, я же дама.

— За что ты так с ним? Ну, грубый немного, но он привёз твой мобильный. Сейчас осталось мало парней, которые будут такими честными, — Сара кривит нос, пытаясь донести до меня свои мысли, но вряд ли это ей удастся.

— Я ему сочувствую, — притворно смахиваю слезу и передаю кредитную карточку девушке за кассой.

Мы выходим из магазина, я оставляю подругу в следующем, а сама иду к эскалатору, чтобы спуститься к назначенному месту.

«Не пройдёт ни одна мимо», — вспоминаю про себя его слова, и с удовольствием готовлю план по разбитому вдребезги мужскому эго.

За что я так с ним? А чёрт его знает, но адреналин и больное желание поставить его на место затмевают тихие голоса разума. Лучше кусать раньше, чем от тебя оторвут мясо. Научена той же самой богемной жизнью.

Юркаю в магазин с домашними принадлежностями, что располагается напротив фонтана, чтобы найти глазами этого спасателя чужих телефонов и сделать первичную оценку. Мои глаза пробегают по гуляющим людям и туристам, пока не останавливаются на одном мужчине, вальяжно облокотившемся о стойку «Старбакса», и отпивающем из фирменной кружки.

Длинные ноги в тёмных потёртых джинсах, расстёгнутая кожаная куртка, открывающая широкую накачанную грудь. Даже через тонкий темно-бордовый свитер можно было разглядеть его мускулатуру. И не я одна этим занимаюсь сейчас, каждая девушка, проходящая мимо него, бросает взгляды и шлёт улыбки ему. А он, как по законам жанра, приподнимает ехидно уголок губ в лёгкой усмешке.

Отросшая щетина тёмного цвета и в тон ей волосы, уложенные в современную причёску.

Мои глаза медленно изучают его лицо. Если бы я была падка на внешность, то точно бы уже свалилась в обморок от мужественной и в то же время чувственной красоты мужчины. В нём таится что-то странное.

«Сочный, засранец». Улыбаюсь, ловя себя на мысли, что поддаюсь окраске, которую сама ненавижу. В момент разум леденеет, заставляя внутри всё собраться и решительно поднять подбородок, дабы противостоять иной природе своего женского тела. Выйдя из своего убежища, лёгкой походкой иду на встречу… к другому парню, стоящему от него в нескольких шагах с приятелем точно возле фонтана.

Улыбаясь своей самой отрепетированной улыбкой, прохожу мимо нужного мне человека и отмечаю, что он на полголовы выше меня, а то и больше, насколько мне удаётся прикинуть. Но демонстративно не смотрю в его сторону, моё внимание подарено иному, являющимся пародией на мужчину в облегающих синих джинсах и яркой красной парке. Хотя лучше вот такой, чем тот, что стоит недалеко. Лучше проще, чем идти в неизвестность.

— Привет, — обращаясь к незнакомцу, дотрагиваюсь до его плеча. Парень отвлекается от разговора с другом, переводя на меня удивлённый взгляд.

— Ты нашёл мой телефон, и мы договорились встретиться у фонтана, — поясняю голубоглазому, а он сдвигает брови галочкой.

— Эм… нет, — его губы растягиваются в виноватой улыбке, на что я наигранно хмурюсь. — Но я не против поискать его вместе. Я…

— Её это совершенно не интересует, — холодный и властный голос раздаётся позади меня, что мурашки пробегают по спине.

Резко оборачиваюсь и встречаюсь с сужеными глазами цвета шоколада, пристально изучающими моё лицо. Всего секунда, чтобы прийти в себя от умения этого человека, заставить потерять все слова, которые были уже выстроены в моей голове. Секунда и я улыбаюсь, оборачиваясь к парню.

— Прости, обозналась, — пожимаю плечами.

— Да ничего, бывает. Как закончишь, мы будем на втором около игровых автоматов, приходи, — он подмигивает мне и уходит вглубь торгового центра.

— Кхм, — кашлянув, мужчина напоминает о себе. Вновь поворачиваюсь в его сторону.

— Привет, — сухо киваю я.

— Добрый день, — пониженный тембр, приподнятый уголок губ, обнажающий белоснежные зубы, и это подтверждает, насколько может быть опасен он.

Не знаю почему, но инстинктивно улыбаюсь ему, теребя ногтем ручку пакета, который держу в руке.

Я должна держать оборону, унизить его и показать, что он всего лишь человек, а не небесное светило, коим хочет казаться сейчас, нагло осматривая меня. Но что-то идёт не так. Не понимаю, что именно, но сглатываю неприятный ком, образовавшийся в горле.

Возможно, это из-за того, что мне приходится смотреть на него снизу вверх. Возможно, потому что я не могу оторваться от его тёмных глаз, удерживающих зрительный контакт. Возможно, просто переоценила свои возможности, и первый раз расплачиваюсь за собственную самоуверенность и грубость. Не имею понятия, но я так и стою, как монумент, и смотрю на него.

Неприятное чувство внутри, подобно разочарованию в себе, заставляет меня перевести глаза за его спину и переступить с ноги на ногу, чтобы поменять позу на более непринуждённую.

— Хм, телефон, — прочистив горло, я напоминаю об этой вынужденной встрече и цепляюсь взглядом за цепочку на его шее, в районе грудной клетки свисает подвеска в виде ключа. Самого обычного, металлического, небольшого, не ювелирного. Странного.

Почему-то мне становится неловко и хочется развернуться, и бежать. Далеко бежать из-за своих слов. Чёрт, я первый раз за всю жизнь готова была принести публичные извинения, что так некрасиво вела себя в переписке с ним.

— Да. Я тоже же здесь за этим, — мой собеседник тянет слова, как будто даёт мне время, чтобы я привела свои сумбурные мысли в порядок. Но он ведь не может знать, что в

данный момент, моя кожа на руках покрылась мурашками, скорее всего, от холода. И что я отмечаю его спокойный голос, но в то же время стальной, такой встречается редко, по крайней мере, мне.

— И? — Я поднимаю подбородок и смотрю в его глаза.

— Какая плата? — Нагло спрашивает он.

— Кофе? Булочка? — Опешившая сначала от его наглости, нахожусь и складываю руки на груди, этому даже не мешает пакет, свисающий с руки.

— Не интересует. Что-нибудь ещё? — Разочарованно цокает он и, достаёт из внутреннего кармана куртки знакомый телефон, демонстрируя его мне.

— Можешь просто отдать, и я скажу тебе: «Спасибо», — ехидно улыбаюсь. И только тянусь за мобильным, как он играючи поднимает его выше, наблюдая за моей реакцией. От этого в моем теле поднимается буря из злости и возмущения. Он словно меня на прочность проверяет.

— Слушай, — тру лоб, желая прекратить это знакомство как можно быстрее. — Я тебе благодарна за спасение моего телефона, и видимо, у тебя огромный запас времени. Но меня ждут, и я не хочу играть. Давай, ты вернёшь мне мою вещь, и мы распрощаемся?

Ловлю его глубокий взгляд, который на секунду вспыхнул, а затем стал ледяным.

— Я умею ценить время, в отличие от тебя. Но признаю, здесь ты права. Не смею удерживать это у себя, — хмыкнув, он протягивает телефон, который я, совершенно сбитая смыслом его слов, осторожно, беру, не затрагивая его пальцев, и сжимаю в руке. Он словно знает обо мне всё, и даже не хочется доказывать обратное. Именно эти мысли пугают меня, и отступаю назад.

— Спасибо, — киваю ему.

— Всегда, пожалуйста, — он улыбается, немного наклонив голову набок.

— Всего доброго, — махнув рукой, я быстро разворачиваюсь и резвым шагом направляюсь на эскалатор. Что произошло? Казалось, как будто эта встреча длилась час, а то и больше, вместо нескольких минут. И он… откуда он такой появился?

Встав на двигающиеся ступеньки, оборачиваюсь, продолжая размышлять внутри себя, и замечаю, что мужчина до сих пор стоит на том же самом месте и, не мигая, наблюдает за мной. Я тут же отворачиваюсь, опасаясь этого пристального взгляда, и прячу телефон в сумку.

Странный. Он действительно какой-то не от мира сего. Сила, исходившая от него, ощутима так явно для меня первый раз. Раньше я не встречала подобных субъектов среди своего окружения. Другой.

Мотнув головой, сбросив с себя ненужные мысли о незнакомце, я вновь оборачиваюсь на втором этаже, но его уже нет внизу. Облегчённый вздох срывается с губ. Улыбаясь, иду искать подругу, чтобы окончить шоппинг и немного расслабиться на массаже. Проходя мимо людей и заглядывая в магазин, где должна быть Сара, улавливаю вибрацию своего телефона. Но это невозможно, ведь он должен быть выключен. Копаюсь в сумке, доставая «BlackBerry», и удивлённо приподнимаю брови, замечая, что он заряжен до ста процентов.

+1 (647) 9466777: «До встречи, Мишель. Будь осторожна и собрана, в следующий раз меня не будет рядом, чтобы помочь тебе»

Гласит сообщение от незнакомого мне номера, и я останавливаюсь, чтобы перечитать

внимательней.

Рука отчего-то потеет и даже появляется чуткое ощущение, что за мной продолжают пристально следить. До сих пор ощущаю на себе взгляд тёмных глаз, обрамлённых чёрными ресницами.

Обернувшись и удостоверившись, что не схожу с ума и это лишь плод моего воображения, да и только, всё же удаляю сообщение.

Мы больше никогда не встретимся с ним. Торонто огромный город, в котором теряются как люди, так и всё человеческое в них.

Единственное, что не могу выбросить из головы — откуда он узнал моё имя?

Третий шаг

Ровно в назначенное родителями время спускаюсь по мраморной лестнице в нашем пентхаусе в одной из модных новостроек, куда мы перебрались год назад. Поменяв решение ещё в магазине о своём внешнем виде, купила платье холодного молочного цвета на одно плечо с длинным рукавом, облегающее тело до коленных чашечек, как вторая перчатка, и в тон ему туфли лодочки известного дома моды. Сделав обычные манипуляции со своими тёмно-каштановыми волосами, я уложила их в элегантную причёску, которая всегда выручала на таких вечерах. Вдела в уши подаренный комплект украшений на моё девятнадцатилетие и на этом успокоилась, хотя в душе желала переодеться в более свободную и молодёжную одежду и отправиться праздновать этот день на вечеринку моего официального парня в его дом.

— И последняя, — констатирует моё появление папа в тёмном смокинге, держа под руку маму в элегантном тёмно-синем платье в пол.

— Сара? — Отец вопросительно изгибает бровь, пока я надеваю белую норковую шубу до колен.

— Там встретимся, — бросаю я, подхватывая сумочку.

— Тогда пора начать этот великолепный вечер, — улыбается мама, выходя из квартиры, а мы с Тейрой следуем за родителями, как две обученные мартышки.

Погрузившись в лимузин, папа откупоривает бутылку шампанского и предлагает маме бокал. Понятное дело, что нам остаётся пить только апельсиновый сок, от которого и я, и Тейра отказываемся. Родители обсуждают благотворительный приём. Достаю из сумки телефон и пишу сообщение Саре, уже так же выехавшей из дома.

Не люблю подобные мероприятия, для меня в силу возраста и увлечений они до неприличия скучны, но положение отца в компании обязывает быть примерной старшей дочерью. На меня возлагают надежды на будущее. Как я могу нарушить мечты любимых родителей? Правильно, у меня даже мыслей подобных не возникает, поэтому тихо плыву по течению в такие моменты и стараюсь быть незамеченной как можно чаще… и дольше.

Лимузин останавливается у знакомого мне за последние два года «TIFF BellLightbox», где проходят самые яркие события Торонто, и мы выходим на красную ковровую дорожку, по которой мне удаётся пролететь к входу и не быть пойманной фотовспышками. Для меня это лишнее, а вот для сестрёнки, наоборот, она купается в этой роскоши и мнит себя знаменитостью. Хотя самое смешное, что никто даже не знает о том, кто она и не интересуется этим.

Мимо меня проходят гости, а я ожидаю свою семью у стеклянных дверей, кутаясь в шубу, чтобы спастись от непогоды этим вечером.

Папа бросает на меня предостерегающий взгляд, говорящий о том, что мои скачки по ковровой дорожке не прошли незамеченными для него. Только закатываю глаза и вхожу вслед за родителями в холл, где мы сдаём верхнюю одежду и направляемся в главный зал.

Скука смертная. Оглядываю помпезное помещение и нахожу глазами наш столик под номером восемь. Оставив семью здороваться и болтать со знакомыми, направляюсь к нему и благополучно приземляюсь на мягкий стул, оставаясь наконец-то одна.

Множество разряженных персонажей и все играют друг перед другом роли. На это смотреть довольно противно, зная внутри, что они представляют из себя на самом деле.

Неприятно понимать и то, насколько я следую таким же правилам высшего света, как и каждый тут. Нельзя оставаться самой собой, тебя не примут и это только усугубит твоё положение здесь. А у меня уже не осталось лимита прощения, поэтому приходится подняться и подхватить бокал с шампанским, двигаясь навстречу подруге в золотистом платье и с заплетёнными в замысловатую причёску шикарными рыжими волосами. Невообразимо красивая копна её волос сводит меня с ума уже долгое время, и я бы отдала всё за такую густоту волос.

— Привет, дорогая, — Сара тянется к моей щеке и в воздухе оставляет поцелуй, копируя манерную встречу на такого рода вечерах.

— Привет, — тяну я, пискляво имитируя настоящую представительницу высшего света, хлопая ресницами.

— Ох, ты даже не представляешь, какой ужас случился со мной буквально пару минут назад, — подруга берёт меня под руку и наигранно испуганно прикладывает другую руку к груди.

— Боже, ты должна мне рассказать, — подыгрываю ей, отпивая шампанское, пока мы маневрируем между гостями, направляясь к моей семье.

— Я до сих пор не отошла от шока, — она закатывает глаза и обмахивает себя левой рукой.

— Ну же не томи, дорогая, а то я выпрыгну из своих стринг, украшенных бриллиантами, — я уже готова смеяться, но вместо этого взвизгиваю, что мужчина, мимо которого мы проходим, удивлённо оборачивается на слове «стринги», заинтересовано оглядывая нас.

— В общем, я вхожу в зал, и меня настигает такое удивление. Дело в том, что ты, сучка, напиваешься уже без меня, — оканчивает фразу она своим голосом, и я смеюсь, допивая шампанское, ставлю его на пустой поднос, мимо проходящего официанта.

Подруга подхватила мой смех и мы, веселясь, подходим к компании, где стоят мои родители и младшая сестра.

— А вот и она, наша Мишель, — мама замечает меня первой и поворачивается к нам, размыкая круг.

Мы ещё хихикаем с Сарой, перебрасываясь понятными только нам взглядами, когда занимаем свои места в этом шоу. Мне приходится опустить голову, рассматривая обувь людей, чтобы не показаться невоспитанной, когда одна из женщин, стоящих рядом, на высоких нотах восхищается вечером, прекратить смеяться становится не в моих силах.

Папа, как я и предполагала, знакомит меня с парнем по имени Зак, племянником одного из руководящих работников компании, его родителями и дядей. Мне приходится сдержанно улыбаться и деликатно отнекиваться от вариантов совместного завтрака, обеда или ужина. Парень меня не впечатляет, совершенно неинтересен мне, по одной причине — он из высшего света.

Никогда не задумывалась о любви, потому что между моими родителями её не существует. Они поженились по сговору родителей, но единственное, в чём они были искренни друг перед другом — это в уважении. Ни у кого из них не было любовников, и каждый чтил такой институт, как брак. Они говорили с нами об этом открыто, указывая на то, как следует строить ячейку общества.

Любовь. Я даже ни разу не была влюблена, по-настоящему, до искр перед глазами. Гормоны не затмевали разум, утягивая меня в водоворот безысходности. Не хотела делать

сумасбродные вещи с каким-то парнем. Зато я узнала, что такое безысходность без влюблённости. Каково это — не любить и быть зависимой от своих желаний и добрых побуждений.

Что со мной не так? Вряд ли такие чувства приходят благодаря внешности. Даже у моей подруги не было постоянного парня. Она говорит, что ещё слишком молода, чтобы подарить своё сердце и юность кому-то одному. Конечно, у меня не такая эффектная внешность, как у Сары. Но никогда не испытывала чувства зависти к ней. Мы разные. Я симпатичная, а некоторые парни даже считают меня красивой, ухаживаю за собой, холю и лелею своё тело на тренировках в спортзале, но делаю это исключительно для себя. Необходимо иметь физическую силу, чтобы была возможность защищаться.

А нужна ли мне любовь? Зачем она? Чтобы превратиться в одну из сломленных женщин, коих вокруг и так огромное количество, что можно отстреливать, и никто не заметит?

Нет, такая глупость мне не нужна. Это последнее, чего я желаю. Даже мыслей таких нельзя позволять себе, лучше запить горечь остатками шампанского, чего не замечают мои родители, обсуждая какие-то только им важные события за столом.

— Миша, когда мы свалим? — Шепчет Сара на ухо, и я поднимаю голову от нетронутого второго блюда.

— Сейчас проверю обстановку, — так же отвечаю я.

За нашим столиком помимо моей семьи и подруги располагается тошнотворный Зак с родителями и дядей. Взрослые о чём-то продолжают бурно болтать, парень копается в своём айфоне, как и моя младшая сестра. Благотворительный вечер протекает стабильно вяло, хотя просидели мы тут немного больше часа. Ещё рано сбегать отсюда, потому что папа не выпил достаточно виски, чтобы не заметить моего отсутствия.

— Прекрасная песня, — слышу мамино замечание и перевожу на неё взгляд, качающую головой в такт музыке. — Очень романтичная, а ведь сегодня как раз день всех влюблённых.

— Ты права, Сессиль, — поддакивает мать моего несостоявшегося кавалера.

— Заккерий, прекрасная возможность узнать Мишель поближе, пригласи на танец, — это звучит не как предложение, исходящее от его отца, а приказ. Этот тон вызывает отвращение. Умоляюще смотрю на маму, которая отрицательно мотает головой, говоря, что я должна встать и позволить этому парню меня лапать.

— Ты прав отец. С удовольствием, папа, — елейным голоском отвечает парень и встаёт, обходя стол и предлагая мне руку. По выражению лица Сары вижу, что она сочувствует мне изо всех сил, а моя младшая сестра только прыскает от смеха на такую «удачу».

Вынужденно улыбаюсь и позволяю Заку вывести меня на танцпол, где уже развлекаются как молодые пары, так и в возрасте. Он поднимает одну мою руку на уровне своего плеча, а свою кладёт на сгиб моей поясницы.

— Выше, — требую я, глядя в серо-голубые хитрые глаза.

— Не понял?

— Руку с моей задницы убрал, — зло шиплю, не в силах взять под контроль чувства, а его щупальца и вправду спустились на моё любимое место во всём теле.

— Да брось, наши родители этого и хотят. Развлечёмся, я тоже не против, — он всё же следует моему приказу, и его ладонь поднимается у меня на спине.

Кажется, что даже через ткань ощущаю насколько потные его ладони. Кривлюсь про себя, и в ту же минуту хочется застонать от последствий его руки на моём идеальном светлом платье. Урод.

— Я против, — отвечаю сухо и перевожу взгляд за его спину, пока мы медленно двигаемся. — Музыка закончится и попрощаемся.

Прекрасные звуки фортепиано, и я немного расслабляюсь, отдаваясь ритму, улыбаясь только красоте музыки. Под такие ритмы хотелось бы ощущать только сильные руки и плечо, на которое можно опустить голову. Но, увы, такого нет, и мне остаётся только с ровной спиной делать повороты и устало терпеть издевательства своего недалёкого партнёра, который то и дело пытается сжать мою ягодицу. А я демонстративно поднимаю его руку на талию и зло сверкаю глазами, желая убить одним взглядом.

Только открываю рот, чтобы высказать всё, что я о нём думаю, когда Зак растягивает губы в самодовольной улыбке и прижимает меня к себе ближе, опуская вновь руку. Как кто-то отрывает меня от него и я, пошатнувшись на каблуках, не могу совладать с равновесием и испугом, впечатываюсь в чью-то грудь, хватаясь за лацканы пиджака. Пару секунд, а мой мир за это время успевает перевернуться с ног на голову.

— Насколько я заметил, девушка ясно дала понять, что твои прикосновения ей не нравятся, — холодный голос мне знаком. Поднимаю голову, встречаясь лицом к лицу с мужчиной, который вернул мне телефон.

— А ты кто такой? — Заносчиво спрашивает Зак, поправляя свой пиджак.

— Друг, — тот же надменный голос. Просто стою и не могу собраться с мыслями, вдыхая аромат одеколона, и переваривая эту сцену.

— Дорогая, ты его знаешь? — Фамильярно обращается ко мне несостоявшийся кавалер и протягивает ко мне свои руки, как меня отодвигают от него. Этот нахал серьёзно просто берёт и переставляет меня, словно шкафчик с вещами, задвигая немного за себя.

— Знает, а теперь свободен, — грубо отвечает за меня мой спаситель, Зак бегло осматривает его и моментально ретируется.

Шокировано смотрю на спину удаляющегося парня и ловлю себя на мысли, настолько умело заставлять людей делать то, что ты хочешь, дано не каждому. Мне, увы, видимо, нет.

— Значит, снова неприятности, Мишель? — Мужчина обращается ко мне с укором, а я даже имени его не знаю, про себя окрестив обычным «ОН».

— Я …да, всё нормально. У меня всё было под контролем, — пожимаю плечами. Не признаюсь же, что он появился вовремя и спас Зака от вульгарных выражений и меня от очередной ссоры с родителями.

— Я заметил, — хмыкнув, он притягивает меня за талию, подхватывая руку, и двигается под Барри Уайта.

А я? Ничего не делаю, ошеломленно смотрю на него, не веря в происходящее. Какого черта он так себя ведёт?

— Откуда ты знаешь моё имя? — Выпаливаю первый вопрос, появившийся в моей голове, смотря в тёмные шоколадные глаза.

— Всё довольно просто, — неопределённо отвечает он.

— А ты кто такой, и как тебя пропустили сюда? — Спрашиваю я, оглядывая быстро его дизайнерский чёрный пиджак и белую сорочку с бархатной бабочкой. Дольче, у меня есть такая же в арсенале.

— Это тоже довольно просто, — понижает голос и придвигает своё лицо ко мне ближе. Ощущаю, насколько мало между нами расстояние, всего каких-то два — три сантиметра. Это слишком близко, но отчего-то довольно комфортно и… интересно? Новое открытие в сфере мужского внимания и флирта откровенно льстит, но разум бунтует, подсылая мне красочные

картинки возможной личности человека, держащего меня в своих руках.

— Знаешь что, довольно простой спасатель…

— Не стоит, крошка. Когда молчишь, ты даже более чем приятная и красивая, а особенно в этом вульгарном платье, — перебивает он и, оттолкнув от себя так быстро, что не успеваю отреагировать на его недокомплимент и эту «крошку», прокручивает меня вокруг своей оси и возвращает в кольцо своих рук.

Отмечаю про себя, как уверенно он движется, делая обычные па, но в памяти свежи его слова перед эффектным выступлением, и я перебираю в голове варианты для точного попадания словами.

— И румянец тебе к лицу, — добавляет он, вновь перебивая мои мысли своим зазывным и пониженным на октаву голосом, протягивая гласные. Первый раз не могу сконцентрироваться на том, чтобы отвадить непонятного и странного мужчину. Раньше мне это удавалось с особой лёгкостью. Так, где все мои таланты? Испарились в его ароматном облаке дерзкой сексуальности?

— Какой румянец? — Возмущаюсь я вслух.

— Вот этот, — держа мою руку в своей, внешней стороной указательного пальца проводит по моей щеке, очерчивая скулу.

— Какого…

— Молчи, Мишель, — его необычный и властный взгляд, заставляет меня обиженно поджать губы. Он неотрывно следит за моим выражением лица, поднося мою руку к своим губам. Как заворожённая, смотрю за его действиями в замедленной съёмке в моей голове. Поцелуй, оставленный на моих пальцах, горяч, как будто обжёг меня, оставив на мне свою метку или клеймо, отчего я резко вырываю свою руку и отстраняюсь, сделав шаг назад. Такой фривольности по отношению ко мне ещё никто себе не позволял. Ладно, позволяли, но тут же получали за это хорошую пощёчину или между ног. А сейчас что? Я просто наблюдаю со стороны, как незнакомый мужчина соблазняет меня, и не делаю никаких попыток даже нагрубить ему. А наслаждаюсь?

— Не убегай, — он вновь обхватывает меня за талию, словно не замечает, насколько я потеряна сейчас, прижимая как безвольную куклу к себе, не отпуская меня своими чёртовыми глазами. О чём можно думать, когда он смотрит на тебя и гипнотизирует вкупе с бархатным интимным шёпотом? Конечно, о том, что мне это не нравится. Да-да, не нравится. Я видела тысячи карих глаз и эти ничем не отличаются. Хотя, возможно, они яркие и живые, в отличие от его голоса, ровного и спокойного, даже убаюкивающего. Но он всё равно мне не нравится и точка!

— Ты преследуешь меня? — Тихо, но настойчиво спрашиваю я.

— Это ты преследуешь меня. Сначала я спасаю твой телефон из рук воришки. Теперь из лап какого-то урода, которому ты позволяешь оставлять на своём теле слюни из его рта и отпечатки его рук, — с отвращением в голосе отвечает он, и эта смена реакции удивляет меня и вновь приносит глупый интерес.

— Я не позволяла, — быстро защищаюсь, а через секунду поджимаю губы, потому что мои слова выглядят, как оправдание перед ним. Но ведь ничего ему не должна, я, вообще, не знаю, кто он и откуда. Ничего не знаю о нём, только то, что обладает цепляющей внешностью, тёплыми руками и мягкими губами, таинственными глазами и невероятно нерушимой манией величия.

— Мне это нравится. Ты меня заинтересовала, Мишель, поэтому продолжай не

позволять другим касаться тебя. Только я могу это делать. Запомни, — шепчет мне на ухо, оставляя на коже своё дыхание, что она покрывается неизвестно откуда взявшимися мурашками. Сглатываю сухость во рту от неожиданности ответа моего тела. Моя рука крепче сжимает его плечо под пиджаком, я пытаюсь дышать, но задыхаюсь. Маленькие иголочки играют на моей пояснице и приятно покалывают, а незнакомец продолжает танцевать со мной, не придавая значения моему состоянию. Так кажется в первые секунды, но он усугубляет мою потерянность своей реакцией, прижавшись ко мне теснее, что я ощущаю на своём бедре его выпирающее подтверждение извращённой близости, происходящей на глазах у множества людей.

Подняв голову, всматриваюсь в его глаза, а мы ведём диалог без слов — телами. На его лице не дрогнул ни один мускул. На губах играет слабая, даже скучающая улыбка, скрывающая любую эмоцию его души. Он переводит взгляд на меня, и хочется остановиться. Просто перестать играть тут роль и остановиться на месте, чтобы запомнить этот момент. Карие глаза манят к себе своей глубиной и меняющимся оттенком шоколада, без которого я раньше могла спокойно обходиться. Да он был весь похож на десерт, если переесть, то можно получить диатез и больше никогда не выбрать его в будущем. А если… если…

Мне больше не хочется даже анализировать ситуацию, моя рука на его плече расслабляется, и я медленно провожу ей по его груди. Даже через ткань чувствую тугие мышцы, и настолько увлекаюсь, что не замечаю, как мой партнёр останавливается, а музыка меняется на более живую. Едва уловимое касание по дорогой мягкой ткани его рубашки к скрытым пуговицам, и мужчина перехватывает моё запястье, отводя от себя. Я поднимаю взгляд на его лицо и встречаюсь с горьким шоколадом в глазах и сурово сжатым ртом. Охнув от наглости, что позволила себе несколько мгновений назад, обескуражено только открываю и закрываю рот.

— Я доведу тебя до родителей, Мишель. Если ты продолжишь, то от меня тебя уже никто не спасёт. Пока рано знакомиться так близко, — он отстраняется и, продолжая держать меня за руку, опешившую от всего этого и своего покорного молчания, ведёт за собой, кивая, видимо, знакомым, которые с интересом наблюдали за нами. А я что? Беспрекословно иду, перебирая ногами и пытаясь поймать хоть одну человеческую мысль в голове. Но ни одной и это странно, как будто у меня изначально не существовало мозговой активности. Когда я превратилась в жадную на внешность глупышку?

Внутри меня всё возмущается реакции на этого человека, который сумел сказать мне абсурдные вещи, обращаться со мной, словно с дешёвой девкой. Это отвратительно. Несвойственно мне и стыдно. Следует сказать ему, и только решившись на это, понимаю, что поздно, мы уже в нескольких шагах от нашего столика. Папа, заметив нас, хмурится и поднимается со стула, сурово смотря то на меня, то на мужчину, крепкой хваткой держащего меня за руку.

— Мишель? — Отец вопросительно изгибает бровь и высокомерно проходится взглядом по моему спутнику, а затем задерживает его на моей руке, которая до сих пор во власти чужой крепкой и тёплой ладони.

— Добрый вечер, мистер Пейн, — незнакомец не отпускает мою руку, и я замечаю, что за нашим столиком повисает молчание, и все взгляды направлены на нас. А он, как будто угадывая, насколько ненавижу быть в центре внимания, успокаивающе поглаживает большим пальцем тонкую кожу моей кисти.

— Добрый вечер, — сухо кивает папа.

— Николас Холд, — незнакомец представляется и протягивает свободную руку отцу. Мой родитель пожимает её и заметно расслабляется, улыбаясь этому наглецу.

А почему мне не открыл своего имени? Что за неуважение?

От злости я кручу своей рукой в его крепком захвате, и мне удаётся освободиться.

— Мистер Холд, я не ожидал встретить вас на банкете. Какая удача лично познакомиться с вами. Присоединяйтесь к нам, — папа, к моему удивлению, лебезит перед этим человеком, вызывая во мне полное недоумение происходящим. Кто такой Николас Холд? Какая-то шишка, я бы слышала о нём, или очередной сынок из элиты? Нет, он непохож. Бросаю быстрый взгляд на мужчину слева от меня и точно знаю, что он неизбалованный отпрыск.

Чёрт, вот теперь сожалею, что раньше пропускала мимо ушей имена всех мужских особей, упоминаемые отцом.

— Друг пригласил меня составить ему компанию. Вот, к слову, и он, — Николас указывает в сторону, где к нашему столику уверенной походкой идёт тёмноволосый мужчина в элегантном чёрном костюме за приличную сумму денег.

Да что за чёрт? Что где-то взорвался завод по изготовлению жеребцов и их завезли сюда, чтобы украсить этот вечер?

— Райли Вуд, мой хороший друг. Познакомься это Тревор Пейн, руководитель аналитического отдела компании «M.P. Corporation», — пока мужчины представляются, аккуратно пытаюсь продвинуться к своему месту. Но один взгляд, косо брошенный на меня Николасом, и я останавливаюсь, как вкопанная. Что-то было пугающее в блеске карих глаз. Замираю, а мужчины продолжают разговаривать, к ним присоединяется отец Зака, затем наши матери. А я, словно провинившийся ребёнок, стою в стороне от веселья.

Встречаюсь взглядом с Сарой, которая молча спрашивает меня: *«Что тут происходит?»*. Только пожимаю плечами, наблюдая за смехом и свободной обстановкой.

Злость оттого, что этот Николас обращается со мной, как с глупой куклой, переполняет чашу терпения. И, задрав гордо подбородок, демонстративно шагаю к подруге, даже несмотря на него. Да, вообще, почему я должна следовать всем его взглядам и ещё сносить недвусмысленные фразочки? И не важно, что он заставляет мою мозговую активность просто отключаться. Я была не подготовлена к такой встрече и явной атаке на мою женскую чувственность. Впредь буду умнее, если когда-нибудь ему посчастливится увидеться со мной вновь.

— Миша, время. Может, скроемся? — Предлагает подруга. Взглянув на наблюдающего за мной Николаса, хитро улыбаюсь и киваю.

Пока все заняты обсуждением политики и финансовой стороны рынка ценных бумаг, я подхватываю свой клатч и оповещаю восхищённую сестру, что ухожу, а та даже не обращает внимания на это, отмахнувшись. Конечно, куда ей до моих глупостей, когда тут два модельных красавчика расточают свои познания и покоряют своей силой окружающих?

Сара, взяв меня за руку, спиной двигается к выходу, а затем, обернувшись, несётся к гардеробу, а я, хихикая, бегу рядом. Мы, словно две преступницы, сбегаем с этого унылого праздника на другой, ещё более интересный.

«Не убегай».

Останавливаюсь перед открытой дверцей такси, оборачиваясь, смотрю на здание, которое покинула несколько минут назад. Слишком много шампанского, что шёпот Николаса чудится за спиной. Мотаю головой, сбрасывая с себя это наваждение, и юркаю в салон

машины, называя адрес.

Пришло время веселиться!

Четвёртый шаг

— Это издевательство, — всплёскиваю руками, когда мы входим в дом, заполненный уже пьяными студентами.

— Миша, привыкай. Это сейчас модно, — смеётся Сара, распуская волосы и заплетая в небрежную косу. Подмигивает мне, предлагая сделать то же самое. Я, не теряя времени, освобождаю волосы из тугой ракушки, позволяя локонам свободно лежать на плечах. Словно и сама сбрасываю с себя бремя примерного дитя, и могу позволить себе всё. Точнее, что-нибудь очень крепкое, чтобы выбросить из головы мысли о Николасе.

— Привет, красавица, — меня за талию обнимает Люк, целуя в висок. Сара, бросив на моего парня насмешливый взгляд, закатывает глаза и кривится, показывая мне, насколько ей он неприятен. Осторожно выпутываюсь из его рук и поворачиваюсь лицом к русоволосому футболисту университета.

— Привет, с праздником, — улыбаюсь я. — Хм, отчего такой странный выбор антуража?

Обвожу рукой комнату в красном свете и разбросанные повсюду элементы садизма.

— Стильно, — пожимает он плечами. — Тебе не нравится? Я думал, что используем что-нибудь новенькое.

— Не сегодня. Я терпеть не могу, когда причиняют боль, — несколько резко отвечаю, и парень недовольно поджимает губы.

— Миша…

— Давай выпьем, — перебивая его, кладу руки на его плечи. — Сегодня был нудный вечер, и я хочу расслабиться. С тобой. Выпьем покрепче и будем отмечать.

По его лицу замечаю, что он недоволен моими словами. Не дав ему возмутиться, хватаю его за руку и тащу за собой к бару, где Сара уже в компании одного из её почитателей. Подруга, заметив нас, указывает на приготовленные стопки с текилой.

— На раз — три, пьём, — командую я. Мы все берём рюмки в руки. Махнув головой, опрокидываю в себя горький напиток и закусываю лаймом. Немного передёрнув плечами от рвотного позыва, я перебарываю его и делаю повторный заказ. Алкоголь на голодный желудок тут же даёт о себе знать, опускаясь тяжестью к ногам.

Плевать. Вторая стопка идёт уже легче, а на третьей хихикаю от поцелуев Люка и позволяю себя вывести в другую комнату, где грохочет музыка.

— Ты такая сексуальная, Миша, в этом платье, — шепчет Люк мне на ухо, притягивая меня к себе. И я это позволяю, желая просто быть обычной, а не зажатой, безэмоциональной, примерной девочкой. Просто надоело, хочется свободы от оков пьедестала. Я двигаюсь, подстраиваясь под ритм музыки, обнимая парня за шею, и практически висну на нём.

Голову охватывает лёгкий туман, заполняя меня совершенно иным ароматом. Музыка позволяет мне двигаться развязней, порочней, не думая больше ни о чём, кроме как о расслаблении внутри. Плавные и возбуждающие движения. Руки, ласкающие мои бедра. Поворачиваюсь спиной к Люку, а его губы опускаются на мою шею, оставляя на ней мокрые поцелуи. Мои руки взмывают вверх, а тело податливо выгибается.

Фантазия бурлит во мне. И я представляю себя на чужом месте, наслаждающейся этой обстановкой. Только слишком неприятные поцелуи Люка мешают моему разуму вспоминать иного… Николаса. Его руки, сильные, тёплые на моей талии. Вспышки в голове. Раскрываю

губы, выпуская горячий воздух, наполнивший тело. Смачиваю языком нижнюю губу, резко выгибая спину, и прижимаюсь ягодицами к возбуждённому члену парня, лаская свою шею, плыву в своих фантазиях, возбуждая и наслаждаясь сама собой. Несильные спазмы внизу живота и сердце бьётся чаще.

— Миша, черт, пойдём в мою спальню. Ты обещала, — шёпот врывается в мой разум, туманя образы, которые я вижу в своей голове.

— Принеси выпить, потом обсудим, — резко отвечаю и мотаю волосами, прогоняя надоедливое существо от меня, чтобы это не портило моего состояния. Оно настолько необычное и новое, боюсь его спугнуть. Лёгкость во всём теле, в кончиках пальцев и с губ срываются строчки песни.

Приоткрываю глаза, продолжая двигаться. Не понимаю, что происходит со мной, но моё воображение рисует мужчину, с интересом наблюдающего за мной, напротив. Делаю два шага к нему, не сводя взгляда с его тёмных глаз, которые кипят от моего возбуждения. Иллюзия. Всё это моё опьянённое состояние, которое затягивает меня глубже. Ощущаю, как мужские руки проходят по моей талии и притягивают к сильному телу. Мной ведёт текила или же я сама, но противиться не в силах. Не хочу. Не могу. Не буду. Теряется грань между реальностью и моей фантазией. Состояние наркотической дозировки, когда ничего больше не волнует, кроме того, как хорошо. Искусственный дым и только ритм тел. Мои руки ложатся на его плечи, и я теснее прижимаюсь к нему, прохожусь ногтями по его коже и запуская пальцы в мягкие волосы. Как крепко обнимает, гладит по спине, изучая пальцами позвоночник от основания и вниз.

Аромат, которому даже не найти определения. Приятный мускусный запах и тепло. Этот мужчина пахнет горячим летним солнцем, и я загораю под ним, не опасаясь сгореть.

В моём организме переизбыток алкоголя, не могу думать, наслаждаюсь медленными движениями, а он ведёт меня. Из стороны в сторону, то прижимаясь к нему, то отдаляясь. Дышать сложнее, а его рука хватает меня за волосы, наматывая их на кулак, а другая ласкает мою спину, опускаясь к ягодицам. Вздрагиваю от острого возбуждения, пронёсшегося по всему телу.

— Тебе противопоказано пить, крошка, — знакомый голос раздаётся прямо в моё ухо. Растворяюсь в ощущениях, улыбаясь его тембру.

— Мне хорошо, — шепчу я и, мотнув головой, освобождаю волосы из его хватки. Секунда и иллюзия приобретает силу, резко поворачивая меня спиной и заставляя откинуть голову на плечо партнёра, продолжать двигаться и закрыть глаза.

Теперь те самые руки, которые так врезались в память, гладят живот, опускаясь на бёдра и немного сжимая их. Схожу с ума, отдаваясь полностью власти страсти, тягуче плещущейся во мне. Приятно, чертовски приятно. Мои ягодицы прикасаются к твёрдой выпуклости. Издаю тихий стон, когда он подаётся вперёд, крепче прижимаясь ко мне. Грубый рывок за волосы, и я задыхаюсь от новых ощущений, заметно вздрогнув и покачнувшись от безумного возбуждения.

— Сейчас тебе тоже хорошо? — Зубы прикусывают мочку моего уха, слабо посасывая её. Внизу живота буквально всё горит, непроизвольно хватаюсь за руку, что сжимает мою талию. Распахиваю глаза, резко возвращаясь в реальность. Оборачиваюсь и упираюсь в знакомую усмешку превосходства. Глупо моргаю, рассматривая мужчину, продолжающего держать меня за талию. Перевожу ошеломлённый взгляд на его глаза, таящие в глубине себя нескрываемый голод. Мой.

— Николас? — Шокировано, упираясь ладонями в его плечи, нахмурившись, прошептала я и остановилась.

— Тише, — подаётся вперёд, не давая мне вернуться из тумана, что продолжает кружить голову.

— Продолжай, — шепчет он, сжимая мою талию, ведёт тело из стороны в сторону.

— Но…

— Закрой рот, Мишель, иначе мне придётся это сделать самому. Я требую продолжения, — рычит воображаемый Николас в мой рот. Пытаюсь стряхнуть наваждение головой. Не позволяет, сжимая затылок ладонью, и прижимаясь к моему лбу.

— Чувствуй, крошка. Прочувствуй меня и доверься, — произносит он в мои губы, и я приоткрываю их, закрывая глаза, подчиняясь этому призыву.

Мои руки вновь находят его шею, а тело расслабляется в его объятиях. Балансирую на краю собственной пропасти. Он ведёт меня. Уверенно. Сильно. И я отдаюсь первый раз в жизни, ощущая лёгкость внутри.

С каждым движением грудь становится ощутимой и тяжёлой. Прижимаюсь к нему, втягивая в себя аромат, стирающий все опасения. Чувствую его дыхание на своих пересохших губах и смачиваю их кончиком языка. Его рука сжимает мои волосы, тянет их назад. Издаю стон от пронзившей боли и одновременно сладкого нектара, влившегося в мою кровь. Дуновение горячего ветра и мягкое прикосновение губ к пульсирующей быстро вене, от неожиданности и вспыхнувшей внизу живота тугой искры дёргаюсь. Выдыхаю. Слишком близко. Слишком сладко. Смертельно вкусно. Умираю и улыбаюсь, поднимая голову и встречаясь с его глазами.

— Блять, Миша, какого хрена тут происходит? — Разъярённый возглас Люка обрушивается на меня.

Распахиваю шире глаза и перевожу затуманенный взгляд на своего парня, а затем на другого человека, продолжающего обнимать меня. В одну секунду всё мешается в голове, а под моими ладонями сильное тело напрягается.

— Ты лишний, — Николас зло бросает взгляд на Люка, а я вымолвить ничего не в силах, онемев вновь от происходящего.

Как такое возможно? Нет. Он ненастоящий. Невероятно… боже, он настоящий и я трогаю его, ощупываю и теперь понимаю. Хотя ни черта не понимаю, потому что мой мозг слишком опьянён, как и кровь отравлена дозой алкоголя.

— Это ты лишний, — фыркает Люк, применяя силу и пытаясь схватить меня за руку, но Николас не даёт этого сделать и передвигает за свой бок в противоположную сторону от опешившего парня.

— Миша, блять объясни мне, что это за урод и какого черта он забыл в моём доме? — Повышает голос Люк, держа в одной руке бокал с каким-то напитком.

— Это… вроде как Николас, — мямлю я, облизывая губы.

— Не понял? Ты что, кинула меня? — Орёт Люк и бросает бокал на пол так, что попадает в кого-то, и раздаётся визжание.

— Я… ик… я… не знаю, — шепчу, начав заикаться от алкоголя.

— Всё. Довольно этого цирка, — Николас решительно обхватывает мои колени и взваливает на плечо.

Такая дезориентация вызывает бунт в моём организме, и я кашляю, понимая, что меня сейчас просто вырвет.

— Мне плохо, — скулю, повиснув на плече и ударив несильно Николаса по спине.

— Ты ни черта не имеешь представления, что такое плохо, — рычит он, шлёпая меня по ягодице, что от неожиданности я вскрикиваю и утыкаюсь носом в ткань его пиджака.

Как вкусно от него пахнет. Глупо улыбаюсь, пока меня несут, как мешок с картошкой из дома моего парня. Вроде уже как бывшего? Или я снова была в прострации? Плевать. Я расслабляюсь и получаю невероятную дозу наслаждения, как будто наркотик протекает по моим венам, а разум, конечно, не отвечает.

Резко на меня наваливается желание провалиться в сон, но стараюсь держать разум в здравом опьянённом ритме.

Меня опускают на землю, а я качаюсь и хватаюсь руками за лацканы пиджака Николаса, дабы привыкнуть к тому, что стою. Закинув голову назад, вижу подтверждение своей фантазии.

— Мистер Холд, какая встреча, — пьяно тяну я и хихикаю, смотря в тёмные глаза, недовольно сверлящие меня.

— Мисс Пейн, вы надрались, как портовая девка, — официально холодно произносит он. Снова хрюкаю от смеха.

— Ага, — киваю и так резко, что мир пошатнулся, как и я.

— Ты такой наглый… очень наглый субъект… я должна вернуться… наверное… моя одежда…

— Рот закрой, — грубо перебивает он мою бессвязную речь. — Стой здесь, если надо — облокотись о машину.

Отцепляет мои руки от своей одежды и, разблокировав спортивный автомобиль, бросает на заднее сиденье мою шубу и сумку. Я удивлённо хлопаю глазами, потирая лоб. Переступаю с ноги на ногу, ощущая, как меня начинает знобить, а зубы стучат друг о друга. Николас подходит ко мне и выгибает бровь, замечая моё состояние.

— Алкогольное отравление, — цокает он.

— Я…

— Пошли, — он, обнимая меня за талию, подводит к машине.

— Мне… мне…

— Закрой же ты свой рот! Хотя бы на минуту создай идеальную тишину, — повышает он голос, что я тут же затыкаюсь и опускаюсь на пассажирское сиденье его машины, уже не желая пререкаться.

Растирая свои плечи, покрытые мурашками, пытаюсь хоть как-то сконцентрировать зрение. Оно прыгает, огоньки впереди светятся и сливаются.

— Если будет плохо — скажешь, я остановлюсь. Пей, — в его руках волшебным образом появляется бутылка воды и он бросает её мне на колени.

— Ты грубый, — обиженно высказываю, перекладывая бутылку куда-то в ноги.

— Ты ещё не знаешь, насколько я бываю грубым, Мишель. И сейчас, да поможет тебе Бог, не узнать этого, — чётко произносит он мне, а я закатываю глаза от этой манеры общения.

— Переигрываете, мистер Холд, — фыркаю и откидываюсь на сиденье, закрывая глаза.

Рычание мотора и в следующий момент слишком резкий страт, что неприятная кислота появилась во рту, а желудок сжался от позывов тошноты. Охаю, закрывая лицо руками. Хочется безумно спать, и в то же время разум бодрствует, явно показывая мне разъярённого отца. Незаметно для себя я засыпаю, но как только голова опускается вбок, то тут же

вздрагиваю и распахиваю глаза.

— Расслабься, Мишель, — звучит сбоку от меня, и я поворачиваю туда голову.

Он красивый, даже сейчас, играя скулами явно от злости. Невыносимо сексуальный и такой вкусный.

— Ты ненормальный, — шепчу я, сама не понимая, что говорю это вслух. Бросает на меня злой взгляд, а затем возвращается к дороге, сильнее сжимая руль.

А когда в ярости, то становится неприступным, как скалистый одинокий остров в океане. И так легко разбиться, подобравшись ближе…

Хихикаю от своих мыслей, так интересно кружащихся в голове.

— Я с тобой завтра разберусь, когда ты будешь понимать то, что несёшь, Мишель. И, поверь, тебе придётся ответить за каждое движение и фразу, — цедит он, сворачивая к знакомому фасаду моего дома.

— Завтра я пошлю тебя к чёрту, — указываю на него пальцем и улыбаюсь.

Он резко тормозит, что я чуть не лечу в лобовое стекло, но ремень безопасности спасает меня от опасного столкновения, хотя не могу припомнить, чтобы пристёгивалась.

Мужчина выскакивает из машины и открывает мою дверь, нагибаясь, чтобы освободить меня. Он не церемонится со мной, а просто вытаскивает из машины, оставляя на улице. Достав с заднего сиденья мою шубу, накидывает её мне на плечи и в руки вкладывает клатч.

— Свободна, — отмахивается от меня.

— Эм, — теряю дар речи, продолжая стоять и дивиться его манерам обращения с людьми.

Закатывает глаза, а затем жмурится и раздражённо вздыхает.

— Мишель, в последний раз говорю, делай так, как я сказал. Иди домой, — подняв голову, он складывает руки на груди и ожидает от меня каких-то действий, но их нет. Стою и рассматриваю бесстыдно его лицо.

— Почему ты был в доме Люка? — Выпаливаю я, наблюдая, как он удивлённо приподнимает брови и опускает руки.

— Что? — Переспрашивает он и делает шаг ко мне.

— Почему… зачем ты ходил на фильм? Там я потеряла свой телефон… а в доме Люка, ты же был. Вроде был, да? И ты, а я… — пытаюсь вспомнить, что же хотела спросить, хмурюсь и ищу помощи.

— Вот поэтому тебе нельзя пить, крошка. Ты не контролируешь свои мысли, как и своё тело. Тебе надо научиться пить, — спокойно говорит он и усмехается.

— Вопрос. Я задала вопрос. Несколько, — напоминаю упрямо.

— Если ты будешь делать так, как я скажу, то, возможно, получишь ответы. Когда-нибудь, — произносит он мягко или это мне так кажется. Его рука неожиданно касается моей щеки, и его выражение лица сменяется серьёзным.

— У тебя очень нежная кожа.

— Спасибо, — шепчу я, не сводя глаз с него.

Его ладонь, опускаясь ниже, подхватывает мой подбородок, а я не делаю попыток воспротивиться. Мне интересно, этот глупый интерес разрешает ему провести большим пальцем по губам, как будто стирая чужое прикосновение. Моё сердце из-за новой эмоции ускоряется и меня бросает в жар. Лицо полыхает, но отнюдь не от стеснения. Обрывки картинок врываются в мой разум.

Его палец изучает изгиб верхней губы и опускается круговым движением к нижней,

нажимая на неё, что я непроизвольно облизываю верхнюю. Поднимая глаза, смотрит прямо в мои, и дыхание перехватывает от остроты желания, которое вижу в его взгляде. Это отражение. Там я. Сумасшедшая. Опьянённая.

— Такие мягкие. Я хочу узнать, что они умеют. Покажешь мне? — Низко произносит он, убирает руку и отдаляется от меня, оставляя вопрос в воздухе.

— Доброй ночи, Мишель. Перед сном прими две таблетки «Новалгина», — кивает мне в знак прощания и, не дожидаясь от меня ответа, быстрым шагом проходит к своей машине, запрыгивая в неё, демонстрируя мне всю мощь своего железного коня.

А я стою посреди улицы, смотрю на удаляющийся «Астон Мартин».

Совершенно непонятно, что произошло со мной. Был ли он тут? Как оказалась одна на морозном воздухе. Что он хотел, чтобы я ему показала?

Ненужные мысли. Встряхиваю волосами, издавая стон от начинающейся головной боли.

Но. Было какое-то «но», я не могу его сейчас понять. Что-то идёт не так. Мне остаётся только направиться домой, а разум продолжает воспроизводить этот день с самого начала. Над головой раздаётся гром, и я, вздрагивая, поднимаю лицо к небу.

Он, Николас Холд, ворвался в мою жизнь подобно тайфуну и снёс за несколько часов всё на своём пути странно правильным образом. Только почему?

Сейчас слишком сложно отвечать себе, только тихо войти в семейное гнездо, сняв заблаговременно туфли и бросить одежду на пол, шлёпая в свою спальню. Завтра обдумаю всё, надеюсь, это даст мне вразумительный ответ на все мои вопросы, что сейчас наполняют голову. Завтра, а сегодня я пьяна.

Пятый шаг

Наутро, а точнее, в три часа дня, еле отрываю голову от подушки, чтобы дойти до душа и смыть с себя жутчайшее похмелье. Когда у меня было такое состояние в последний раз? Да никогда! Не помню такой огромной головы, рвотных позывов, трясущихся рук и чёрных точек в глазах. Я не любительница напиваться до состояния не стояния, но что-то случилось в этот раз, и мой контроль над ситуацией полетел к чёртовой матери. Переступила через собственное табу.

— Ник, — шепчу, стоя под сильным напором прохладного душа.

Да, он был там. Или нет? Был, точно был, меня же привёз домой именно он. Николас Холд. Ник.

Но вот, что было до прибытия к дверям нашего гнезда, припоминаю смутно, в тумане и отчего-то у меня нет желания даже напрягать мозги, чтобы воспроизвести все события вчерашнего вечера. Я интуитивно чувствую, что произошло то, о чём точно буду сожалеть и ощущать вину. Хотя уже сейчас червячок стыда и раскаяния пробивает подкорку головного мозга, и от этого мне крайне некомфортно.

Немного придя в чувство, я переодеваюсь в спортивный костюм и спускаюсь на первый этаж, чтобы убить отвратительное послевкусие во рту. Тело ломит, а глаза слезятся.

— Больше не буду так пить, — заверяя себя, закрываю глаза на секунду, чтобы побороть слабость организма и головокружение.

Удивительно, что меня унесло в астрал всего от трёх стопок текилы. Это был первый раз за всю мою взрослую жизнь. Объяснение я нахожу тут же — палёный алкоголь. Видимо, Люк решил сэкономить и заказал где-то дешёвую выпивку. Даже после водки с тоником… пять бокалов… я не чувствовала себя так гадко, как сегодня.

И это придётся пережить. Достаю из холодильника прохладную воду и лимон. Один взгляд на еду, и я готова подарить содержимое желудка фарфоровому другу.

— Дорогая.

— Почему ты так орёшь, мам? — Скуля, я навожу себе спасительный напиток.

— И это нормально, Мишель? Прекрасный вечер окончился похмельем, — отчитывает она и проходит к шкафчику с лекарствами. Сажусь за обеденный стол и прижимаюсь щекой к стеклянной поверхности. Да, так несколько лучше.

— И, к твоему сведению, — продолжает поучать меня, — я сейчас говорю как обычно. Даже не повышая голоса, хотя должна бы. А тебе пора понять, что спиртное не принесёт наутро ничего, кроме головной боли и несварения желудка. А также ты испортишь свой цвет лица, кожу, появятся пигментные пятна, целлюлит и ещё много побочных отложений на твоём внешнем виде.

Эти нравоучения я слушаю уже третий год и благополучно пропускаю их мимо ушей. По законам жанра через десять минут присоединится папа и тоже не упустит возможности вставить свои познания в том, какие последствия буду переживать лет так через пять, а как испорчу гены, которые они хотят видеть в своих внуках. Мама дорогая!

Прикрываю глаза, чтобы приготовиться к нотациям, в этот раз, как бы ни было отвратительно признавать — готова выслушать их и больше так не делать. Но моему покорному повиновению и искреннему желанию раскаяться, не дано свершиться. Раздаётся грохот от входной двери, что я подскакиваю на месте, открывая глаза и садясь ровно. Но тут

же издаю стон от тянущей боли в лобной части и опираюсь головой в ладони, поддерживая себя локтями на столе.

Причиной шума становится папа, залетевший в столовую с бордовым от злости лицом и выражением: «Кому-то будет плохо». Не надо говорить, что кто-то это я. Только он вряд ли уже знал, что я переживаю своё первое в жизни явное похмелье.

— Так, Мишель Пейн, какого чёрта, объясни мне, ты творишь?! — Кричит он. Мои капилляры в глазах, кажется, взорвутся от высоты его голоса и силы. Кривлюсь.

— Дорогой, что случилось? — Спокойно спрашивает мама, подходя ко мне, ставит передо мной бокал с мутной жидкостью.

— Пей, Мишель, это поможет, — подталкивает меня к бокалу она и возвращает всё внимание на мужа, который кипит от ярости. Вижу папочку в таком состоянии по отношению ко мне в первый раз. Ладно, не первый, но очень редко заставляю его так сильно выходить из себя.

— А случилось то, что за последние двадцать четыре часа меня два раза обвинили в том, что я ужасный отец! Случилось то, что какой-то сопляк читает мне нотации о моем невнимательном отношении к собственной дочери! — Папа ударяет кулаком по стеклянному столу. Успеваю подхватить спасительный бокал, пока мой рот приоткрывается от удивления из-за его слов.

— Я ничего не понимаю, — качаю головой, отпивая неприятный напиток.

— Не понимаешь? — Продолжал источать на меня свой гнев папа. — Николас Холд вчера после того, как ты отправилась гулять, посоветовал мне тщательнее отбирать для тебя партнёров, а не подкладывать под недозревших парней с буйством гормонов, лапающих тебя у всех на глазах. Сегодня за завтраком в гольф клубе я подошёл к нему, чтобы поздороваться, а он смерил меня презрительным взглядом и осведомился о твоём состоянии. Как мне стало известно, он привёз тебя вчера, и я выслушал нотации, к чему приводит женский алкоголизм. Мишель, я очень рассержен сейчас!

Пока в моей голове укладываются его слова, и всё встаёт на свои места, до меня начинает доходить, что этот мужчина без спроса влезает в мою жизнь и портит её, откровенно и даже не стесняясь того, что он никто! Раздражение перебивает моё похмелье, придавая силы, как и злость. Допиваю лекарство до конца, отставляя бокал на стол, и решительно произношу:

— Этот Николас Холд меня преследует, папа. Он маньяк. Сначала он каким-то образом привозит мой потерянный телефон, затем имитирует спасение из лап Зака. А у меня, между прочим, было всё под контролем, я умею постоять за себя. Дальше появляется на вечеринке у Люка. Как он смог туда попасть и узнать о ней? Он следит за мной. Он просто болен.

— Дочь, — папа вздыхает и устало трёт лоб. — Я бы поверил в это всё, если бы мы говорили об обычном студенте. Но это Николас Холд, он не станет заниматься глупостями и делать то, о чём ты здесь говоришь. Тем более преследовать тебя ему нет смысла. Ему не двадцать и даже не двадцать четыре. И он мне ясно дал понять, что не поощряет твоего поведения, и открыто обвинил меня в недостатке внимания для тебя. А наша компания нуждается во внедрении извне и «W.H InternationalCorporation» идеальные инвесторы. От него зависит моя карьера и твоё благополучие тоже, как твоей матери и сестры!

— А как Ник связан с «W.H.»? — Недоуменно спрашиваю я о самой мощной во всей Канаде, даже мире, корпорации, затрагивающей несколько крупных отраслей, таких как: грузоперевозки, лизинг, промышленность и строительство. Слышала об этой компании,

многие наши студенты говорили о практике там, но это было невыполнимо, и я благополучно забыла о её существовании.

— По неофициальным данным и слухам, Николас Холд руководит сознанием Райли Вуда и его деньгами. Как он скажет, так и будет, словно он и есть владелец этой компании. Вуд всегда советуется с ним по поводу вложений и приобретений, хотя Холд даже не работает в корпорации, не появляется там. Но это только поговаривают. Холд ведёт отдалённую от светских раутов жизнь, иногда появляется на благотворительных вечерах, но его невозможно поймать, и мало кто знает его в лицо. Поэтому, Мишель, ты опозорила меня перед ним, а значит, и перед Вудом. Он донесёт всё ему. Ты хоть представляешь, как я сейчас себя чувствую? — Отец красноречиво смотрит на меня, а я поджимаю недовольно губы.

— Но он действительно следит…

— Довольно, Мишель. Я не намерен больше слушать эти глупости и с сегодняшнего дня ты под домашним арестом. С меня хватит! Больше никаких вечеринок, мальчиков и поездок загород. Учёба, курсы, дом — это на ближайшую неделю твоя жизнь. Дальше посмотрим. От тебя одни проблемы, — перебивает он и указывает на меня указательным пальцем.

— Но папа! — Возмущаюсь я и подскакиваю.

— Никаких, но папа. Иди к себе, Лидия принесёт тебе обед, а я отправляюсь разгребать дела в офисе. И убеждать Вуда о вложениях, доказывать ему, что я хороший отец и моя дочь воспитанная девушка. А не алкоголичка, которая выдумывает глупости, — яростно, посмотрев на меня и маму, разворачивается, направляясь к дверям.

— Мишель, — с укором произносит мама.

— Мам, но я говорю правду, — обиженно отвечаю.

— Тебе, возможно, показалось. В твоём возрасте хочется, чтобы все мужчины обращали только на тебя внимание. Но так не бывает. Ты придумала себе это. И мы должны благодарить его, что он привёз тебя домой в целости и сохранности от твоего Люка. Я говорила, что не следует заводить хоть какие-то отношения с подобными парнями. Молодёжь сейчас пошла очень распущенная и неуправляемая, а ты из высшего круга нашего города, поэтому отец прав. Ступай и отдохни, от тебя воняет перегаром, и выглядишь совершенно неподобающе. Не могу смотреть на тебя. Я буду в салоне, а затем у меня ужин с девочками, — отчитывает она меня.

Я зло хватаю бутылку воды и направляюсь на второй этаж, громко топая.

Какого черта, он лезет в мою жизнь? Кем он себя возомнил, урод?!

Меня трясёт от негодования, за что расплачивается моя дверь, с грохотом закрывшаяся за мной. Никогда не была под домашним арестом, даже в шестнадцать. Наоборот, меня не трогали. Папе было откровенно всё равно: пью или нет, где пропадаю и что делаю. Главное, чтобы меня не забрали в полицию или я не совершила иные вещи, которые порочили бы его имя. Обещала, что такого никогда не произойдёт. Обидно, прямо до слёз. Но их, как назло, не было. С силой пинаю стул, который падает на пол.

Сажусь на постель и беру телефон в руки. Так этот козел ещё и звонил мне. Моей ярости нет предела, а я не знаю, куда её выплеснуть и растираю лицо ладонями, чтобы хоть как-то утихомирить себя.

Решив, что сейчас я ничего не сделаю, и это наказание совершенно не отличается от моей обычной жизни, немного остываю. Достаю ноутбук и открываю страничку в фейсбуке, затем вбиваю в поисковике имя этого наглого лгуна, но ничего. Кажется, что такого человека не существует, а вот его друг популярен.

Моё нутро желает мщения, жестокого мщения за это внедрение. Телефон подаёт признаки жизни, и я перевожу взгляд на него.

— Да пошёл ты, урод, — фыркаю, сбрасывая звонок.

Но это повторяется ещё два раза, а я продолжаю игнорировать звонившего.

Что ему, вообще, от меня надо? Он меня преследует, и пусть родители не верят, но это так. И то, что Николас Холд звонит уже в пятый раз, подтверждает мои слова. Но, конечно, они скажут, что я ему просто навязалась или забыла в его машине что-то. Да и ещё прикажут улыбаться ему, зацепятся за мои слова. А это самое страшное для меня. Поэтому умолчу.

Через полчаса приходит сообщение, и я недовольно открываю его.

+1 (647) 9466777: «Злишься. Не стоит, Мишель, это только усугубит твоё положение. Я же желаю тебе добра и хочу уберечь тебя от последствий»

Хочется кричать от этой наглости. Быстро набираю ответ: *«ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! ОСТАВЬ МОЮ ЖИЗНЬ В ПОКОЕ, ЗАЙМИСЬ СВОЕЙ, НЕВИДИМКА ЧЁРТОВ»*

Довольная собой отправляю послание и тут же отключаю телефон. На всякий случай. Оставшийся день провожу лёжа на постели и болтая с Сарой, которая рассказывает мне занимательные вещи о том, что вчера было и как зол Люк.

Вот этого ещё не хватало, он мне нравится и с ним удобно, а из-за какого-то придурка мы расстались. Придётся поправить положение завтра.

С этими мыслями я засыпаю, до сих пор переживая отголоски похмелья, планируя тщательно свои слова.

Утро начинается как обычно: отец отсутствует, как и мама, которая до сих пор спит. Сестра только издевается надо мной, припоминая моё наказание. От этого я фыркаю и, окончив завтрак, направляюсь в университет Торонто на занятия.

Встретив в коридоре одного из корпусов Сару, бросаю ей, что хочу найти Люка перед парой. Её не воодушевляют мои слова, и она обиженно цокает. Подруга считает, что этот парень мне не подходит, что я достойна лучшего, но… не хочу заводить отношения с кем-то из нашего круга. Она знает меня лучше других, и не хочет понять, насколько мне необходимо быть обычной. Люк идеально подходит под мои критерии. Он не так богат, как наши семьи с Сарой. Он из обычной семьи с достатком чуть выше среднего и старается зарабатывать сам. Это меня в нём и привлекло — самостоятельность.

Нахожу Люка в кругу своих друзей-футболистов. Улыбаясь, подхожу к компании, и дотрагиваюсь до его плеча. Он резко оборачивается и сбрасывает мою руку.

— Чего тебе? — цедит он.

— Хочу поговорить, — виновато произношу я и бросаю взгляд на ребят, прячущих улыбку.

— Нам не о чем говорить, после субботнего вечера, — он передёргивает плечами и отворачивается.

— Слушай, прости. Я напилась и, вообще, не помню, что было, — лгу я.

— Идите, сейчас приду, — он указывает головой парням, чтобы оставили нас, и те со смешками уходят.

— Люк, — беру его за руку и тем самым заставляю посмотреть на меня, — правда, прости. Мы же не расстаёмся из-за этого недоразумения?

— Недоразумения?! — Шипит он, сужая глаза. — То, что тебя чуть не трахнул в моём доме какой-то урод, да ещё и унизил меня на глазах у всех, а ты позволила это, называешь всего лишь недоразумением?

— Я была пьяна, — оправдываюсь, пожимая плечами. — Ну ладно, если не хочешь…

Только разворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватает меня за талию и прижимает к себе.

— Я приревновал. Сильно приревновал, он целовал тебя в шею, а тебе нравилось это, — шепчет он мне на ухо.

— Я думала, что это ты, наверное, — продолжаю беззастенчиво врать.

— Правда? — Недоверчиво переспрашивает Люк.

— Конечно, — уверенно заверяю и поворачиваюсь, улыбаясь ему. — Я совершенно не помню, кто там был. Видимо, текила слишком ударила по моей голове. Я тебя видела, и ведь сбежала именно к тебе.

— Ты знала, как его зовут. Николас, — прищуривается, пытаясь поймать меня на лжи.

— Боже, какой ужас, — имитирую испуг. — У него какие-то дела с папой, я не в курсе. И даже не представляю, что он там делал. Правда.

— Джексон говорит, что мы с тобой разные. Ты богатая девочка, а я всего лишь учусь на стипендию от футбольной команды. И это меня волнует, — он тяжело вздыхает и опускает глаза.

— Какая разница, дорогой? Я ни разу не упрекнула тебя, да и не требую от тебя ничего. Ты мне нравишься просто так, потому что ты интересный, весёлый и замечательный, — ласково говорю, дотрагиваясь до его щеки.

— А этот… он богатый. Если твой отец захочет, то ты будешь с ним. Один его костюм…

— Не надо, — прижимаю палец к его губам и заставляю замолчать. — Он никто, избалованный наглый придурок, считающий, что ему все должны. Ты в разы лучше его, поверь. И мне никто ничего не прикажет. Я сама выбираю тех, с кем встречаюсь. Я выбрала тебя.

— Хорошо, я прощаю тебя, но не хочу, чтобы ты с ним общалась, — стравит он условие. Смеюсь от облегчения.

— Боже, Люк, я его даже не знаю. Встретились на вечере первый раз.

Теперь мне можно давать премию, как лгунье года, но что поделать, иначе я могу потерять этого парня. С ним можно быть простой и свободной, как и мечтаю. Он тот, кто не даст мне вернуться обратно.

— Мы опоздаем, а мне нельзя пропускать занятия, — Люк берёт меня за руку и ведёт по коридору.

— Может, пообедаем вместе? У меня перерыв с четырёх до шести, перед курсом психологии, — предлагаю я, пока он провожает меня к моей аудитории. Но он отрицательно качает головой.

— У меня тренировка до шести, а потом смена в баре, — грустно отвечает Люк.

— Тогда напиши мне, ладно? — Останавливаюсь перед необходимым кабинетом.

— Хорошо, Миша, я…в общем, ты знаешь, как я отношусь к тебе. Я хочу быть с тобой и готов прощать тебя, — он чмокает быстро меня в щёку, и я уже смотрю на удаляющуюся спину.

Когда-нибудь моё сердце дрогнет от его слов? Или буду всегда такая запрограммированная и неживая? Когда оно застучит?

Мотаю волосами, чтобы сбросить с себя печальные мысли, захожу в аудиторию и

плюхаюсь на место рядом с Сарой.

День выдаётся тяжёлым, предстоят тесты по окончании первой половины второго полугодия и мой головной мозг просто вскипает от напряжения. Подруга уходит раньше на свидание с новым ухажёром, и мне приходится отправиться пообедать одной. Накидываю на себя пальто и выхожу из здания университета, направляясь к парковке. Подойдя к машине, я открываю дверь, как до моего плеча кто-то дотрагивается. Вздрагиваю от испуга и оборачиваюсь, удивлённо смотрю на высокого мужчину в чёрном костюме. Холодные голубые глаза незнакомца не выражают ни единой эмоции, пугающие меня до жути. Его классический костюм не может унять страха внутри.

— Да? Вы что-то хотите? — Вопросительно поднимая брови, делаю шаг назад и ожидаю объяснения этому вторжению в моё пространство.

— Мисс Пейн, вас ожидают. Прошу пройти со мной, — сухо произносит он, а я сглатываю от неприятного ощущения.

— Кто?

— Мистер Холд, — на этом имени весь страх улетучивается, оставляя лишь раздражение.

— Мистер Холд, значит, — тяну я. — Передайте этому человеку — пошёл он в задницу.

— Мисс, мне бы не хотелось это передавать ему, поэтому прошу вас, — его интонация меняется и теперь он пытается давить на меня.

— Не хотите? — Задыхаюсь от наглости этих слов, и он кивает.

— Также мне придётся применить силу, — продолжает мужчина, делая шаг ко мне.

— Вы совсем рехнулись? Нет! Если прикоснётесь ко мне, то я заявлю на вас. Вы совершенно не представляете, кто я такая, чтобы со мной так обращаться и приказывать мне! — Возмутившись, отворачиваюсь, чтобы забраться в машину.

— Мишель, — замираю, как только до меня доносится знакомый голос. Медленно поворачиваю голову, встречаясь со взглядом карих глаз.

Передо мной вместо этого шкафа стоит Ник в классическом тёмно-синем костюме и, вновь не мигая, смотрит на меня. Властный и настойчивый урод!

— Я тебе ясно сказала, отвали от меня, — зло шиплю, делая шаг в его сторону.

— Да, твои орущие буквы намекали на это, но…

— Никаких «но», — перебиваю его, чем вызываю секундное удивление. — Что ты хочешь? Ты портишь мою жизнь, преследуешь меня, говоришь… я не понимаю.

— Не кричи, крошка, хочу пригласить тебя на обед, ты ведь туда и едешь, — спокойно произносит он. Прищуриваюсь, ища подвох. Но он расслаблен и это меня раздражает, я ведь готова подлететь в воздух, как пробка из шампанского, а ему хоть бы хны.

— Нет, — резко отвечаю я.

— Что ж, тогда мне придётся снова посоветовать твоему отцу, чтобы он больше уделял внимания твоему воспитанию, — приподнимает нагло уголок губ. Сжимаю руки в кулаки.

— Какого чёрта?! Прекрати это, — вскрикиваю я.

— Один обед, — заверяя меня, подходит ко мне и забирает из моих рук ключи от «Ауди».

— Что ты… — шепчу, обескуражено наблюдая, как он захлопывает дверцу моей машины и блокирует её.

— Я голоден. Составишь мне компанию? — Как ни в чём не бывало, продолжает он, вкладывая обратно в мою руку ключи от машины.

— Хорошо, только объяснишь мне, зачем ты ходишь за мной, — ставлю я условие, и он довольно улыбается, указывая рукой вперёд.

— Поедем на моей, — мужчина идёт к внедорожнику, припаркованному недалеко от нас.

— Не волнуйся, я верну тебя сюда к занятиям, — произносит он, оборачиваясь ко мне.

— Хватит копаться в моей жизни, — устало вздыхаю и запускаю руку в волосы, пропуская их сквозь пальцы. Взгляд Ника приковывают мои движения. Он, как коршун, следит за каждым миллиметром волос, проскальзывающих между моих пальцев. Быстро прекращаю расчёсывать свои волосы. Но ведь я так делаю, когда сильно волнуюсь, к сожалению, многие принимают это за попытку флирта.

Мужчина моргает, поднимая на меня голову. Нахмурившись, больше ничего мне не говоря, направляется в сторону машины, мне ничего не остаётся, как последовать за ним. Его шофер открывает мне дверь заднего сиденья и предлагает руку, на которую я даже не обращаю внимания и забираюсь в кожаный салон. Ник через несколько секунд располагается рядом.

Должна разобраться с ним и вернуться в свою жизнь, где ему нет места. Мне необходима моя размеренность и уверенность в завтрашнем дне. А этот мужчина ломает весь мой распорядок, и сегодня я с ним попрощаюсь навсегда. Должна, как бы ни был он интересен.

Шестой шаг

Мы едем, храня молчание. Ощущаю тепло, исходящее от мужчины, сидящего рядом. Концентрируюсь на вопросах, которые хочу ему задать, но чёрт возьми, не могу этого сделать. Почему теряю себя, когда он появляется рядом? Что за невероятное помутнение рассудка?

Машина останавливается у башни «TelusTower». Шофёр выходит первым, открывая дверь для Ника, а затем он сам предлагает мне руку, чтобы спуститься на землю. Демонстративно игнорирую любую помощь и, спрыгиваю сама, гордо смотрю на него.

— Будь здесь, — бросает Ник мужчине и тот, кивнув, возвращается в тёплый салон.

— Пошли, — он с улыбкой указывает мне рукой, предлагая идти первой, и я быстро прохожу мимо него к раздвигающимся стеклянным дверям. Он следует за мной, немного отставая, как будто показывает мне, что его не стоит бояться.

Мы входим в лифт. Он нажимает на кнопку с цифрой тридцать. Я только сейчас замечаю, какие у него красивые пальцы. Идеальные мужские холёные руки с глубоким загаром и выступающими венами. Мужчина уже убирает руку с моего поля зрения, но в голове всё ещё удерживаю это восприятие и нервно переступаю с ноги на ногу. Мне кажется, Ник это замечает и улыбается.

— Ты была уже в ресторане «Aria»? — Интересуется он, дабы заполнить уже ставший тяжёлым воздух.

— Нет, ещё не успела, — вежливо отвечаю, понимая, зачем мы тут. Я слышала об открытии модного и дорогого места с панорамой Торонто, но даже не желала посещать его, выбирая для расслабления недорогие и уютные кафешки. А он решил показать мне свою значимость, купить меня, одним словом.

— Тебе понравится, очень гармоничное место, спокойное и малолюдное в это время дня, — продолжает он вести светскую беседу. Нетерпеливо смотрю на меняющиеся цифры этажей, желая побыстрее выбраться из закрытого пространства. Мне неуютно находиться тут рядом с ним. Я ощущаю аромат его духов, что приятно щекочут нос. Как отзывается каждая клеточка тела, а разум показывает мне воспоминания, что так не вовремя появляются с демонстрацией той ночи.

Наконец-то дверцы открываются, и Ник пропускает меня вперёд, делая шаг в сторону. Буквально вылетаю оттуда, быстрым шагом подходя к гардеробной. Сдав своё пальто, мой кавалер неожиданно перехватывает у меня номерок и бросает его в карман своего пиджака. Этим самым он сразу обозначает, кто тут главный. Я это проглатываю, стараясь не ругаться хотя бы по таким пустякам. Но это не означает того, что не потребую от него объяснений.

Нас встречает ухоженная блондинка, расплываясь в улыбке перед Ником, отчего я закатываю глаза. Меня она даже не замечает, а точнее, специально игнорирует.

— Мистер Холд, мы рады видеть вас снова, ваш столик готов, — томно произносит разукрашенная девушка, хлопая накладными ресницами, и он ей широко улыбается.

— Благодарю, Шанна, ты, как всегда, точно знаешь, что я хочу.

Чёрт возьми, он флиртует с ней, беззастенчиво и не смущаясь даже моего присутствия. Меня возмущает такое отношение! Это не поддаётся никаким моим определениям и понятиям, становится неприятно и вновь обидно, что он обращается со мной, как с пустым местом.

Девушка тут же краснеет и, стушевавшись, неуклюже подхватывая меню, ведёт нас мимо столиков. У меня уже пропадает аппетит, но я останусь только для того, чтобы высказать ему всё, что думаю о нём с момента первой встречи и использовать при этом ненормативную лексику.

Но должна признаться, что это место и, правда, красивое и уютное. Необычная лёгкость интерьера и интересные люстры над головой сделали ресторан запоминающимся.

Ник останавливается у дальнего столика, рядом с панорамным окном и приглашает меня сесть, отодвигая стул. Кивком головы, сухо благодарю его и опускаюсь на стул. Передо мной сразу же кладут меню, и девушка удаляется, бросив обожающий взгляд на Ника.

— Она к тебе неравнодушна, — как бы невзначай замечаю, осматривая предложенные блюда.

— Я упоминал, что мимо меня нельзя пройти, — самодовольно заявляет он. Поднимаю голову, чтобы смерить его презрительным взглядом.

— Много заплатил за такое самомнение? — Хмыкаю я.

— Это врождённое. Не волнуйся, если хочешь, я научу тебя, — он не перестаёт улыбаться. — Выбирай или могу сделать заказ за тебя?

— Делай, — складываю руки на груди, бросая ему вызов.

Ник изгибает бровь, давая понять, что я выгляжу глупо, и моментально поднимает вверх левую руку, не сводя с меня глаз. Растягиваю губы в улыбке и удерживаю его взгляд. Неужели, угадает?

Вот что меня интересует в нём. Он всегда смотрит в глаза, когда говорит, наблюдает за реакцией и оценивает каждого человека именно по взгляду.

— Добрый день, мистер Холд, я готов принять у вас заказ, — молодой мужчина улыбается ему и заискивающе смотрит на него, а меня удостаивает мимолётным взглядом.

— Девушке «Цезарь» с лобстером и равиоли с шампиньонами, воду без газа с лимоном охлаждённую, но нехолодную. Мне салат «Капрезе» с «Моцареллой Буффало» и фирменную «Тальятелле» от шефа, свежевыжатый апельсиновый сок и воду без газа, — не смотря в меню, уверенно произносит Ник, и официант кивает, собирая у нас меню, и удаляется. Я могу сделать вывод как по встрече, так и по заказу, что он тут постоянный гость. Позволяю себе опустить взгляд и улыбнуться, мне нравится то, что заказал. Странно и интригующе.

Мне необходимо сейчас думать в ином ключе, поэтому оглядываю ресторан и отмечаю, кроме нас, вообще, никого нет. Ненавязчивые спокойные мелодии звучат над нами, и я немного расслабляюсь.

— Ты обещал рассказать, зачем преследуешь меня и ломаешь мне жизнь, — нарушаю я молчание.

— Верно, обещал, — кивает он. — Скажем так, ты меня сильно заинтересовала, Мишель. Очень сильно.

— Мило, — усмехаюсь такому заявлению. — Только у меня есть парень, и ты меня не интересуешь, Ник.

— Николас, — поправляет он меня.

— Ник, — упёрто отвечаю я.

— Николас, — уже жёстче говорит он.

— Ник, — широко улыбаюсь и понимаю, что ему не нравятся сокращённые имена, а мою кровь, наоборот, заставляет бурлить.

— Ты специально задеваешь людей, делая всё наперекор им. Зачем? — Он склоняет

немного голову набок и ожидает от меня ответа.

— С чего ты взял, Ник? — Делаю ударение на его имени и ядовито улыбаюсь.

— Сделал выводы, полагаясь на наше недолгое знакомство, — спокойно отвечает он. — Вернёмся к твоему парню, как я помню, бывшему.

— Ошибаешься, сегодня попросила у него прощения за своё недостойное и постыдное поведение, и мы снова вместе, — я довольно растягиваю слова. — Тем более была слишком пьяна, чтобы понимать, кто рядом со мной. Я представляла его.

Он облокачивается локтем о стол и изучающе рассматривает меня, потирая подборок. Становится некомфортно от такого внимания, что появляется желание нагрубить или спрятаться под столом, ощущение, словно он хочет прочесть всю мою душу. Уличить меня во лжи.

— Что мне с тобой делать, крошка? — Это риторический вопрос, и я поднимаю голову, удивлённо приподнимая брови.

— Отстать, — предлагаю я.

— Ты этого не хочешь, хотя яростно кричишь об обратном. Ты меня заводишь. То, как ты смотришь на меня, не отводя глаз, как ты откликаешься на мои ласки. Ты играешь во взрослую жизнь, а когда она касается тебя, то пытаешься бежать. Только от меня тебе не скрыться, потому что я готов показать тебе, что такое реальность, — его голос завораживает и одновременно таит в себе некую недосказанность. Восприятие реальности теряется, как и мои мысли в этот момент, улыбку стирает с лица.

— Мне девятнадцать, и это нормально пробовать что-то новое. Но к счастью, моя жизнь полноценна без твоего вмешательства, поэтому я прошу тебя более меня не преследовать. И также прекратить третировать своими советами моего отца. Ты создаёшь мне проблемы, — довольно грубо отвечаю и отворачиваюсь к окну, не желая смотреть на него.

— Я лишь говорю то, что вижу. И твоему отцу полезно проводить с тобой время, тебе его не хватает, — продолжает он. Сглатываю от неприятного чувства тревоги внутри.

— Ты не имеешь права…

— В ту ночь ты дала мне все права, Мишель, — нагло обрывает моё шипение, и я резко поворачиваюсь к нему.

— Я не понимала, что делала в ту ночь. Много алкоголя, — холодно произношу, с вызовом смотря на его спокойное выражение лица.

— Врёшь, ты сама себе врёшь, Мишель. Алкоголь лишь помог тебе. Вспомни, в моих руках ты отдаёшься полностью ощущениям, твои губы пересыхают, как сейчас. Твоё сердце бьётся быстрее, и ты открываешься полностью, только твой страх не позволяет тебе быть настоящей. А я наблюдал за тобой весь день. Сначала передо мной была наглая студентка, затем примерная дочь, и третье твоё лицо сказало мне о том, что ты готова попробовать на вкус мою жизнь, — рассуждает он, а я поджимаю губы от недовольства.

Он не имеет никакой власти надо мной, как и прав вот так раскладывать мою жизнь по полочкам, как психотерапевт. Он, вообще, ни на что не имеет права в моей судьбе!

— Я была пьяна. Это ничего не значит. Для меня ничего не значит. Понял? — Парирую я. Раз хочет бороться со мной, то он получит то, на что напоролся. За последствия не отвечаю.

— И снова ложь, крошка, — усмехается он, — алкоголь позволил тебе раскрепоститься и разрешить себе чувствовать. Ты это делала, а сейчас же обманываешь только себя. И я не советую тебе продолжать эту практику. Ты знаешь, насколько тебе было плохо и это сильно

вредит твоему здоровью. Тем более алкоголь, который ты пила, был некачественным.

— Хватит, — резко обрываю его нотации, которых дома мне вполне достаточно. — Тебя не касается ничего, что связано со мной. Мне плевать на тебя, это ты прицепился ко мне, Ник. В чём твоя проблема?

— Ты моя проблема. Твоя чувственность, врождённая сексуальность, молчаливый призыв к решительным действиям. Чёрт, ты хоть понимаешь, как действуешь на мужчин? Ты раздариваешь себя не тем людям, Мишель. Ты достойна наслаждения, а не второсортного продукта вроде твоего парня. Ты ничего не чувствуешь к нему, но держишься за него из последних сил. Я знаю почему, потому что ты боишься получить большее, тебе необходим адреналин. В этом мы с тобой похожи, я могу подарить тебе это, а ты откроешь в себе новую сторону. В чём твоя проблема, крошка? Зачем противиться себе и мне, если мы оба знаем, что ты точно будешь в моих руках? — Его самоуверенность и этот зазывной тембр с тёмными нотками возбуждения обескураживают меня, что я глупо моргаю и смотрю в его глаза, где прячутся странные и непонятные эмоции.

— Ты что, меня на секс разводишь? — Цежу я, подаваясь вперёд, наполненная возмущением.

— Боже, как с тобой сложно. Откуда у тебя такие мысли? Я никогда никого не развожу, как ты выразилась, тем более на интимную близость, Мишель. Она меня не интересует, — он жмурится и потирает пальцем висок.

— Я не понимаю тебя, прости. Совершенно не могу понять, зачем ты говоришь это. Почему… — я замолкаю, краем глаза замечая, что к нам подходят два официанта, поднося наш заказ, и через несколько мгновений расставляя тарелки перед нами.

А я готова уже бежать, и снова необъяснимые импульсы оживают в теле. Хочется плакать и одновременно ударить что-то, точнее, кого-то. Эта близость… его близость ломает все мои представления о нормальной жизни. В мои планы не входит интрижка с невидимкой, о котором ходят только слухи. Да и мне неприятно слушать, насколько прозрачна моя оболочка для него. Откуда ему столько известно обо мне? Известно то, что я даже прячу внутри?

— Приятного аппетита, — с улыбкой желает нам официант и удаляется.

— Мишель, подними голову, — тихо просит Ник. Упрямо игнорирую его, раскладывая салфетку на коленях, и беру приборы, втыкая вилку в лист салата и пробуя его на вкус.

— Крошка, я не хотел тебя оскорбить. В моих планах нет спорить с тобой или же унижать. Наоборот, хочу подарить тебе заботу, в которой ты нуждаешься. Я понимаю, что ты воспринимаешь все мои слова в штыки, и ты в силу своей неопытности потеряна. Но дам тебе время, ты сможешь узнать меня ближе, если захочешь. Этот разговор останется только между нами. К тому же ничего не буду делать против твоего настоящего желания, которое вижу, — я поднимаю голову от этой речи и упираюсь в бархатную бездну глаз.

— Ты ошибаешься, — тихо произношу, опуская взгляд на его тёмно-синий галстук в чёрную полоску. — Ты не знаешь меня и я…

— И вновь лжёшь, — властно перебивает он меня. — Мы пока оставим эту тему, а то ты опоздаешь на занятия. Принимайся за еду.

Не хочу есть, не хочу сидеть с ним за одним столом, только скрыться от него, от этих цепких лап, потому что интуиция сжимает моё сердце, и я не могу дышать ровно, только обрывисто. Но лучше быть занятой едой, чем разговором с ним.

Ник сделал прекрасный выбор, я наслаждаюсь пищей и тишиной. Он так же молчит, но

знаю, что наблюдает за мной, ожидает моего прокола или взрыва. Не подарю ему этого. Как только вернёт меня в университет, попрощаюсь с ним, как и намеревалась.

Парадокс: он пугает меня своей настойчивостью, и я понимаю, что мне это нравится. Мои защитные барьеры с громким треском ломаются и это плохо, это чертовски плохо.

— Расскажи мне о себе, — нарушает он тишину, когда я откладываю приборы, осилив только половину равиоли.

— Ты и так знаешь про меня, — бурчу, беря в руки бокал с водой. Откуда он знает, что я пью именно воду с лимоном?

— Мишель, хватит дуться. Ты хочешь быть взрослой, так не веди себя как ребёнок. Я задал вопрос, ты отвечаешь. Это у нормальных и воспитанных людей называется диалог, — с расстановкой объясняет он, как отсталой. Посылаю ему раздражённый взгляд, а его идеальные губы растягиваются в улыбке.

— Я тоже задавала тебе вопросы, но ты их проигнорировал, — упрекаю его.

— Я отвечу на них, обещаю, только всему своё время, крошка, — он продолжает улыбаться. Чёрт, я снова пялюсь на его губы, а затем глубоко вздыхаю и перевожу взгляд на свои пальцы, играющие с ножкой бокала.

— Что ты хочешь знать? — Сдаюсь и вопросительно смотрю на него.

— Чем ты живёшь? Что ты любишь? Как проводишь свободное время? — Подсказывает он, и я начинаю хмуриться, обдумывая свою речь.

— Ты копался в моих данных? — Неожиданно даже для себя спрашиваю я.

— Да, — без тени стыда отвечает он.

— Тогда ты знаешь дату моего рождения, мою группу крови, кто мои родители, мою сестру ты видел, где я учусь тоже для тебя не новость и то, что помимо финансов хожу на психологию. Люблю фотографировать, в шестнадцать подруга подарила мне фотоаппарат, и я сильно увлекалась этим, обожаю портретную чёрно-белую съёмку, — вспоминая своё хобби, я немного улыбаюсь, и Ник ободряюще отвечает мне тем же.

Я уже чувствую, что напряжение вновь отпускает меня, и могу свободно говорить с ним о своей жизни.

— Почему именно чёрно-белую? — Интересуется он, потягивая апельсиновый сок.

— В них есть таинственность, некая недосказанность и мне нравятся оттенки серого, ведь на фото присутствуют только два цвета: чёрный и белый, а остальное это производные. И удивительно насколько их много, изображение становится чем-то большим, чем обычный щелчок фотоаппарата. И когда я пересматриваю такие фото, будь то человек или природа, это как будто… знаешь, воспоминание, имеющее свою историю, она живая и реальная. У неё есть продолжение, есть прошлое и будущее, — возбуждённо заканчиваю свой монолог, а затем смущаюсь такой открытости, опуская голову. Никогда не делилась этими своими ощущениями, и это начинает меня раздражать, что он так просто вытянул их из меня.

— Не надо этого делать, Мишель, мне понравилось, с какой страстью ты говорила, это завораживает. Сейчас ты была собой, — он произносит это мягко и даже нежно, что я недоверчиво поднимаю голову, дабы убедиться в этом. Его глаза ласкают меня, и мне нравится такая перемена в нём.

— А ты? — Спрашиваю я.

— Нет, я не люблю фотографировать, — он смеётся и это тоже для меня в первый раз. Его смех настолько чистый и заразительный, что я не могу сдержать улыбки. В уголках его глаз появляются мимические морщинки, и это его очеловечивает, делает смертным, а

не мраморной греческой статуей.

— Я имела в виду, это правда, что ты имеешь отношение к корпорации «W.H.» и твоё слово, для Райли Вуда решающее? — Поправляю себя и вновь задаю вопрос. Он реагирует резкой сменой настроения и теперь вместо улыбки, надевает холодную маску и впивается в меня глазами.

— Зачем тебе это? — Грубо спрашивает он.

— Папа сказал, и мне стало интересно, — тихо произношу я.

Что-то происходит с ним, потому что он смотрит на меня зверем и мне становится страшно, действительно страшно за то, что я спросила. Почему он так реагирует?

Моё сердце колотится так громко. Стараюсь не оглохнуть от этой птицы внутри. Его глаза превращаются в мрачную зловещую темноту, и я начинаю непроизвольно потеть.

— Спасибо тебе за обед, но мне пора, — быстро говорю, только бы убежать от него, только бы скрыться от его глаз.

Торопливо достаю из сумки кошелёк, но мужская рука накрывает мои трясущиеся пальцы, что я замираю.

— Прости, крошка, — раздаётся шёпот рядом с ухом. Я даже не заметила, как он встал и подошёл ко мне.

— Всё нормально, — натянуто улыбаюсь, но он берёт мой подбородок двумя пальцами и поворачивает к себе. Теперь тону в этих обжигающих глазах. Никогда бы не подумала, что на меня такое впечатление произведёт карий цвет.

— Я не хотел тебя пугать, — тихо говорит он, а я бегаю взглядом по его лицу, желая уцепиться за что-то иное.

— Всё хорошо просто мне, правда, пора, — слышу в своём голосе оправдание, но мне всё равно. Мне необходимо окончить всё.

— Нет, Мишель, ты испугалась и вновь бежишь. Я не хотел. Понимаешь, первый раз потерял контроль над собой. Нет, не несколько минут назад, а ещё раньше, когда ты была честна передо мной. Я залюбовался тобой, и хочу видеть такую тебя чаще. И больше не доставай при мне свой кошелёк, это вульгарно даже для тебя, крошка. Показывай свою самостоятельность тем, кого обманываешь. Не мне, я вижу иное, — он нежно улыбается и большим пальцем трёт мой подбородок, отчего я отпускаю чувство страха и просто киваю.

Ник выпрямляется в полный рост и подзывает официанта, пока я вновь пытаюсь собрать свои чувства по осколкам. Откуда у него такая власть? Может одновременно вызывать противоположные ощущения, это путает меня. Он похож на лабиринт, ты только видишь выход из него, а это, оказывается, очередной тупик, и ты блуждаешь по нему, испытывая жажду, и теряешься среди темноты.

— Мишель, — зовёт меня тягучим голосом Ник, и я поднимаю голову. — Мы можем идти.

Неуверенно киваю и понимаю, что до сих пор держу крепко в руках кошелёк и, наверно, выгляжу так глупо, что тут же пихаю его в сумку и встаю.

Ник берёт меня за руку, переплетая свои пальцы с моими, и улыбается мне, не обращая внимания на надоедливую блондинку, бросающую нам в спину слова благодарности и прощания. Этот жест меняет всё вокруг, он как будто открывается передо мной.

Выпускает мою руку, чтобы помочь мне надеть пальто и, поднимая волосы, касается кожи на затылке, отчего моё дыхание тут же сбивается, и я нервно делаю шаг от него.

— Спасибо, — выдыхаю и застёгиваю пуговицы.

Ник не придаёт значения моему состоянию и, пребывая в расслабленном состоянии, нажимает на кнопку вызова лифта. Мы стоим друг от друга довольно далеко, на противоположных концах дверей и также я становлюсь в лифте.

— Я рад, что ты согласилась, мне очень понравилось, — неожиданно произносит он, и я улыбаюсь, не произнося ни слова.

Мы выходим к машине, где он сам распахивает передо мной дверь, вновь предлагая руку, но из-за своего желания быть самостоятельной, забираюсь на заднее сиденье, отчего его лицо мрачнеет, и он сжимает губы, закрывая дверцу.

— Майкл, к университету, — бросает Ник и достаёт из кармана переднего сиденья айфон.

Отворачиваюсь к окну, и мы снова продолжаем хранить молчание, пока из колонок доносится успокаивающая классическая музыка.

— Не отключай больше телефон, Мишель. Отвечай на мои звонки и сообщения, — говорит он, я только хмыкаю.

— Иначе мне придётся навестить тебя. Думаю, твой отец будет в восторге, — ехидно добавляет он и становится снова для меня ненавистным субъектом.

— Да пошёл ты, — бурчу себе под нос, не поворачиваясь.

— Мне показалось или ты действительно меня послала?

— Не показалось, — резко отвечаю.

— Мишель, не играй с огнём, — его голос приобретает стальные нотки, от которых ёжусь.

— В машине есть огнетушитель, это предусмотрено правилами дорожного движения и сервисом, — ядовито произношу я.

Он ничего не отвечает, а просто игнорирует меня, давая указания своему водителю, который заученно и односложно ему вторит.

Это последняя наша встреча, в этом теперь не сомневаюсь, и плевать я хотела, кто он и на его глупые угрозы. И на реакцию моего тела тоже плевать.

Машина плавно останавливается недалеко от парковки, и я дожидаюсь, когда смогу выйти. Не медля ни секунды, распахиваю дверь и выскакиваю из автомобиля, хлопая за собой со всей силой. Мои быстрые шаги повторяют биение сердца, но сильная хватка за мой локоть останавливает меня, что я теряю равновесие и падаю прямо на грудь Ника, хватаясь за его пиджак.

— Ещё раз так сделаешь, я тебя…

— И что ты сделаешь? — Перебиваю его и зло смотрю в горький шоколад его глаз, которые изводят уже меня, не дают покоя и заставляют дрожать.

Он хватает меня за волосы и наклоняется, что наши губы слишком близко, едва не касаются. Чувствую, что он зол, чертовски зол на меня, у меня такие же эмоции, и я не скрываю их, с вызовом смотрю на него, ожидая следующей реплики.

— А теперь соври мне, что между нами ничего нет. Соври, что ты не возбуждена, и не хочешь видеть меня. Тебе не понравилось наше общение и не реагируешь на меня. Выдумай новую сказку для себя, насколько силён алкоголь в твоей крови до сих пор. Ну же, Мишель, соври мне, — рычит он.

— Отвали. От. Меня, — чётко говорю я.

Ощущаю его прерывистое горячее дыхание на своих губах, и его глаза меняются, злость сменяется чем-то иным и его зрачки расширяются, я вижу себя в их отражении. Меня трясёт

от него.

— Молодец, прекрасная ложь, — уже спокойней произносит он и склоняется к моему уху. — Буду ждать новой встречи, крошка. Думай обо мне, как я о тебе.

С этими словами он оставляет на моей скуле лёгкий поцелуй и отстраняется, не дав мне ответить, да и, вообще, сообразить. Обескуражена. Смотрю на него, как он быстрым шагом идёт к своей машине, а я остаюсь в холодном мире, без его тепла и этот осадок опускается к моим ногам. Моя рука непроизвольно дотрагивается до отпечатка его губ. Мои щёки полыхают, как и всё внутри меня.

Седьмой шаг

— Я дома, тюремщики! — Громко кричу с порога, снимая ботинки и сбрасывая с себя пальто.

— Мишель, добрый вечер, — мне навстречу идёт наша домработница Лидия, и я улыбаюсь ей.

— А где все? — Спрашивая её, подхватываю сумку и направляюсь на кухню.

— Мистер и миссис Пейн на деловом ужине с партнёрами, Тейра куда-то уехала, она не поставила меня в известность. Твой отец сказал, что я должна тебя встретить, накормить и никуда не выпускать, — женщина виновато поджимает губы и указывает мне на стул.

Горько усмехаюсь и подхожу к раковине, чтобы всполоснуть руки. Мы двигаемся молча, у меня нет желания сейчас обсуждать что-то, а Лидия слишком хорошо меня узнала за всю жизнь, чтобы надоедать мне поверхностным трёпом. В висках ощущаю неприятную пульсацию и начинаю надавливать на точки пальцами, закрывая глаза.

Это был сумасшедший день, и мой организм не справляется с таким потоком информации и сменой эмоций. Я не переживала в жизни ещё ни разу накатываемые волны различных состояний. Всё, что ново — пугающе, а я зациклена на стабильности и чётком графике жизни. Удивительно, что этот дисбаланс творится со мной только из-за одного человека. Всего лишь какого-то мужчины. Мужчины, о которых раньше я думала, как об обычных ползающих насекомых.

Честно пыталась не анализировать наш обед с Ником и его слова, настойчиво прогоняла от себя воспоминания, углубляясь в лекции. Но сейчас, когда я одна, то эти пиявки неприятно высасывают из меня кровь и энергию.

— Мишель, твой ужин, — Лидия прерывает ход моих шестерёнок в голове. Устало поднимаю голову на неё, благодарю кивком и вымученной улыбкой.

Мой взгляд падает на мясо с овощами. Всё выглядит очень аппетитно, и я не сомневаюсь вкусно, но не испытываю голода. Во рту до сих пор чувствуется вкус лобстера и равиоли под сливочным соусом. Взяв в руки вилку, опираюсь головой в согнутую руку и начинаю катать горошек по тарелке.

У меня появляется ещё больше вопросов к Нику, чем было раньше. И зря себя успокаиваю, что сегодня мы виделись в последний раз. Я теперь уверена, что он не оставит меня в покое, если…

Сажусь ровнее, когда гениальная мысль приходит в голову. Меня озаряет, и теперь знаю, как распрощаться с ним. Ему нравится то, что я противостою ему. А если буду соглашаться. Конечно, для себя установлю рамки. Но не буду больше ему перечить, буду милой и пушистой. Тогда ему надоест и его запал пройдёт, он переключится на новую жертву и оставит меня в покое. Скорее всего, такой мужчина, как он, любит вести игру, пока жертва ещё может отказывать. Но когда получит заветное, то сразу же исчезнет. Хотя мне нравится его манера общения, это маниакальная забота, которая выглядит довольно глупо. Глаза. Да, больше таких глаз никогда не встречу. Но он представляет для меня опасность. Вызывает интерес во мне, и я могу зайти слишком далеко. Не готова к этому. Интуитивно мне подсказывает сознание, что вся эта история творится вокруг меня не просто так. Я реалистка и не верю в любовь с первого взгляда, а особенно от такого мужчины, как Ник. Он сам признаётся, что у него всё отлично в интимной жизни, хотя упомянул, что секс ему не

интересен. Ложь. Каждый мужчина зациклен на этом и ставит себе галочки. Он знает, что я бурно реагирую на это и испытывает на мне всё своё обаяние.

Только зачем?

Этот вопрос мне не даёт покоя. Да, один из ответов был — его завораживает игра в кошки-мышки. Но Ник походит на айсберг: глыба без изъянов над поверхностью воды, а под ней скрывается истинный масштаб «проблемы».

— Мишель, прости, что отрываю от ужина, но к тебе посыльный, — Лидия появляется в дверях столовой, и я моргаю, переводя на неё взгляд.

— Что за посыльный? — Удивлённо спрашиваю её, вставая со стула.

— Говорит, что должен передать пакет только тебе в руки, — она неопределённо пожимает плечами. Двигаюсь к входной двери, где стоит парень в красной кепке с большим почтовым конвертом.

— Добрый вечер, — киваю ему, и он отвечает мне тем же.

— Мишель Пейн? — Уточняет он.

— Верно.

— Подпишите тут, — он передаёт мне небольшой планшет, где я пальцем вывожу свою подпись, и он с улыбкой вкладывает мне в руки посылку.

— Всего доброго, — бросает он, и Лидия за ним закрывает дверь.

— Буду у себя, — говорю я, на ходу поднимая с пола сумку, и быстрым шагом поднимаюсь в спальню.

Что за ерунда?

Сажусь на постель и вскрываю конверт, вытряхивая из него всё содержимое. На колени падает свёрнутый втрое белый лист, и ещё какая-то бумажечка. Мой рот непроизвольно приоткрывается от шока и глаза распахиваются шире, когда подношу к лицу маленький билет с сеансом фильма, на котором я была с Сарой. Девятый ряд одиннадцатое место, а у меня был восьмой и десятое место. Он сидел позади меня. Но зачем Ник прислал это мне? Торопливо разворачиваю листок, где выведено аккуратным и уверенным почерком:

«Пусть у тебя останется напоминание, с чего всё началось. Что стало пересечением наших миров.

P.S. Включи телефон, а то мне скучно без твоих дерзких фраз»

Сжимаю пальцами послание и почему-то улыбаюсь. Это ведь романтика, та чёртова романтика, которую все так жаждут. Свернув обратно лист, кручу между пальцами билет, всё же не понимая, как так получилось. Зачем он показал мне, что тоже был там? Зачем продолжает затрагивать во мне интерес? Чего хочет этим добиться? Секс? Слишком просто для такого, как он.

Складываю лист и билет, пряча всё в тумбочку рядом с кроватью. Подойдя к сумке, я достаю свой «BlackBerry» и включаю его после суточного сна. Пока он просыпается, раскрываю ноутбук, чтобы проверить, не писала ли мне Сара. Телефон сразу же начинает пищать, оповещая о пропущенных звонках и сообщениях.

Быстро просматриваю звонки и отмечаю, что в пропущенных у меня два от Люка, три от Ника и один от Сары. Открыв сообщения, тут же нажимаю на незаписанный, но уже знакомый набор цифр, и читаю, как этот нахал бесился, что я его игнорирую.

Пока улыбаюсь гневным сообщениям и обещаниям расправиться со мной самым жестоким образом, приходит новое оповещение от него же.

+1 (647) 9466777: «Ты получила мой подарок?»

Набираю ответ: *«Да, спасибо, довольно мило с твоей стороны. Только это не означает, что моё мнение изменилось в отношении тебя».*

Откладываю телефон и звоню Саре по скайпу, пока идут гудки, приходит новое сообщение.

+1 (647) 9466777*: «*Мило? Всего лишь мило? И тебе не повредит, крошка, узнать для себя что-то новенькое, и это могу показать только я. Ты поужинала?»

Усмехаюсь, мои заверения и решения, принятые ранее, спокойно испаряются, втягивая в новую партию. Даже мысли отпускают меня, будоража сознание ещё большим интересом.

«Да. Всего лишь мило, Ник. Нет, готовлюсь сбросить пару килограмм. Как думаешь, мне пойдёт?» — отправляю.

— Эй, ау, Миша, я тут, вообще-то, — раздаётся обиженный голос подруги, и я перевожу взгляд на экран, где вижу Сару, валяющуюся на постели с маской на лице.

— Привет, как сходила? — Спрашиваю её, поглядывая на телефон.

— Скучно, сбежала, — пожимает она плечами. — А ты как?

— Эм… обедала кое с кем, — немного кривлюсь и отвожу глаза от удивлённого выражения лица подруги.

— Я так понимаю, не с придурком Люком? — Уточняет она.

— Прекрати, он не придурок, — упрекаю её, отчего она только закатывает глаза. — Нет, он был занят, и я обедала с кем-то другим.

— С кем это?

— Ну, помнишь на банкете Николаса?

— Это тот, что привёл тебя? — Она приподнимается на постели, и я киваю.

— Это тот, что послал Люка и утащил тебя на плече?

— Да.

— Это тот, кого ты терпеть не можешь и обещала вырвать его наглые глаза вкупе с языком?

— Да.

— Это тот…

— Всё, Сара, да, это всё тот самый Николас Холд, — перебиваю я новое воспоминание моих слов, и подруга начинает смеяться.

— Вау, ничего себе и как… почему… рассказывай. Вот! А я говорила, что химия и искра — это самые главные эмоции на первой стадии отношений! И моё пророчество на день всех влюблённых. Он не так плох, как ты о нём думаешь. Да? А ты мне: глупости, бред, — возбуждённо визжит она, а я закатываю глаза и слышу вибрацию телефона.

— Он приехал и пригласил меня, пообедали и всё, у нас нет никаких отношений, и не будет, Сара. Он, как бы тебе сказать… Он не тот, кто мне нужен, в этом я уверена, — быстро говорю, беру в руки телефон.

+1 (647) 9466777: «Хорошо, мило тоже сойдёт за комплимент от тебя. Мы делаем успехи. Нет. Снова в твоей голове глупые мысли. Мишель, здоровье — это не шутки или ты снова испытываешь моё терпение?»

— Так-так, ты улыбаешься и даже не обратила внимания на то, что я только что сказала, — громко произносит Сара. Бросаю на неё взгляд.

— Люк пишет, — вру я.

— Твой Люк и рядом не стоит с этим красавчиком, — фыркает она. — Я, вообще, не понимаю, зачем он тебе сдался? Он ничто. Тупая пустышка. Что он даст тебе, Миша? А вот

Николас…

— Хватит, — обрываю я её. — Люк хороший парень и мне нравится. Он честный и добрый, без туманного прошлого, без зависимости и говорит всё прямо в лицо. И мне плевать, что он не подходит мне по положению, для меня это полная ерунда. Ты же меня знаешь. Чего снова начинаешь?

— Потому что меня раздражает это. Вы не смотритесь вместе. Ты сама от него устала. Да, я уверена, что тебе понравилось проводить время с Николасом. Ты никогда не соглашалась так просто пойти пообедать с лицом противоположного пола, а тут легко и непринуждённо. Он зацепил тебя, и ты не хочешь говорить мне чем хотя одной внешности хватило бы, но не для тебя. Значит, этот Николас отличается от всех, кого мы знаем. И ты в нём точно заинтересована. И явно это он пишет, потому что ты не ждёшь так сообщений от Люка. Я права?

— Сара, — с укором смотрю на неё, но она только цокает.

«Мистер Холд, вам незачем беспокоиться о моём здоровье. Я напоминаю, это не ваше дело», — нажимаю на кнопку «отправить».

— Что, Сара? — Возмущается она. — Я тут со скуки помираю, а ты не хочешь даже рассказать мне, как Николас целуется.

— С ума сошла?! — Я закашливаюсь от её слов и смотрю на экран, дабы убить свою подругу за такое предположение. — Мы не целовались. Он был галантным… ну по его понятиям.

— Ладно, — расстроено протягивает она. — Просто ты так нудно живёшь, что я бы уже повесилась. Не отрицаю, что это хорошо… для старичков, но твои родители повесили на тебя слишком много и хотят продать подороже в будущем. Пора сказать им, что ты выросла и твоя голова на плечах не для красоты. Хватит уже потакать им, позволяя укорять тебя прошлым.

— Сара, пожалуйста, прекрати. Я не жалуюсь, меня пока всё устраивает, — вяло говорю ей, потому что знаю, что она права.

— Да, забыла тебе сказать, что в пятницу мы идём в клуб.

— Не получится, у меня же тюремное заключение, помнишь?

— Господи, скажем, что ты переночуешь у нас и придумаем какой-нибудь реферат или работу. Как будто в первый раз обманывать их. Они всё равно ничего не заметят, а ты хотя бы немного развеешься. Без этого Люка.

+1 (647) 9466777: «Мисс Пейн, не люблю повторяться, но всё же. Я забочусь о вас и это стало моим делом с того момента, когда вы бесстыже пялились на меня и позволяли сотворить с вами, всё чего бы я ни пожелал»

— Не знаю, — бросаю подруге, обдумывая ответ.

— Ладно, ты меня не слушаешь, завтра встретимся. Люблю.

Не успеваю оправдаться, как она отключается, а я недовольно поджимаю губы. Во мне просыпается злость. Недолго думая, решаю отыграться именно на том, с кого всё началось.

«Мистер Холд, я не люблю повторяться, но всё же. У меня есть парень и это его дело, но никак не ваше. Было интересно на вас поглазеть и пощупать, но на этом дополнительные опции моего тарифного плана израсходованы. Я не желаю вас больше видеть и слышать. Мне нравится моя жизнь, а вы же лишь мешаете. Займитесь кем-то другим, не мной, потому что ни черта не получите. Всего доброго, мистер Холд, иначе я на вас подам в суд за преследование». — Отправляю сообщение и встаю, бросая телефон на постель.

В планах у меня принять ванну и поговорить с Люком, но сейчас пока не представляю, что ему сказать, поэтому для начала иду в ванную и набираю воду.

Тёплая вода приятно расслабляет тело, что я понемногу отключаюсь от реальности и мысленно переношусь в совершенно фантастичный мир. Перед закрытыми глазами вижу Ника, сидящего напротив и смеющегося над моей фразой. Понимаю, что он затягивает меня куда-то, где я не должна быть. Меня это раздражает, мои мысли никак не могут прекратить крутиться вокруг него. А поддаться ему я не имею права. Не могу. Всё это просто случайность и не более того. Не хочу разрушать свои равномерные будни, не хочу ничего менять, я добивалась этой независимости в решениях слишком долго. А теперь вместо отца, меня пытается строить совершенно незнакомый тип. Странный тип.

— Мишель, ты здесь? — Раздаётся громкий стук в дверь. Открываю глаза, садясь ровнее в уже прохладной воде. Чёрт, я могла уснуть и утонуть! А во всём виноват этот долбанный призрачный Ник!

— Да, — хрипло откликаюсь я Лидии, — да. Что случилось?

— К тебе посетитель и говорит, что это срочно, — сообщает она мне за дверью. Удивлённо приподнимаю брови.

— Выхожу.

Быстро выскакиваю из ванны, обматывая полотенцем тело и волосы.

Кто это? Может быть, Люк? Но он не любит приходить ко мне, а тем более в будни, когда знает, что родители могут быть дома.

Натягиваю трусики и халат, наспех вытираю волосы и выхожу из ванной комнаты. Спускаясь вниз, я не слышу голосов, ничего и недоуменно произношу:

— Лидия.

Женщина выходит из общей гостиной и головой указывает мне, что посетитель там. Киваю ей и безмолвно приказываю оставить нас.

Войдя в комнату, замираю, замечая стоящего у окна Ника в джинсах, футболке и кожаной куртке. Его губы плотно сжаты, а руки сложены на груди. Он кажется намного выше и от него веет враждебностью.

— Что… что ты тут делаешь? — Шокировано спрашивая, я подхожу к нему.

— Тарифные опции израсходованы? Всего доброго? В суд подашь? — Зло цедит он каждое слово, и я начинаю хихикать.

— И ты приехал сюда, потому что я написала это? Боже, ты несколько переборщил с реакцией, — мне действительно смешно, и даже не останавливает опасный блеск тёмных глаз.

Он ничего не отвечает и быстрым широким шагом сокращает между нами расстояние, что я по инерции пячусь назад и упираюсь в стенку спиной. Ник растягивает губы в обольстительной и хитрой улыбке и останавливается так близко, наша одежда соприкасается.

Он снова зол, только в этот раз не понимаю почему. Что его так завело, что он появился в моей квартире по щелчку? Испугался моих слов и угроз?

Осознаю, что стою перед ним практически голая, под тонким шёлковым халатом только трусики. От этого чувствую себя некомфортно, и это же заставляет меня испытать покалывание в ладонях. Он знает об этом и прижимается ко мне ещё ближе, а я сквозь тонкую ткань своей одежды ощущаю его сильную грудь. Его глаза начинают темнеть, сливаясь с чёрными зрачками.

— Что ты делаешь тут? — Шепчу я.

— Проезжал мимо, решил заглянуть на огонёк. Тем более ты обронила в моей машине заколку, — медленно произносит он, насмешливо приподнимая уголок губ.

— Врёшь, — прищуриваюсь я.

— Да. Ты меня научила, крошка. Я же могу обучить тебя иному, — склоняется ко мне, опираясь ладонью справа от моей головы.

— Зачем ты так добиваешься встречи? — Сглатываю от сухости во рту.

— После ванны твоя кожа порозовела, — отвечая, он пробегает глазами по моему лицу и одновременно скользит пальцем по ключицам, что я судорожно выдыхаю. Моя кожа распарена и это усиливает ощущения. — Ты так приятно пахнешь, Мишель, что это сносит крышу. Перестаю разумно мыслить. Чёрт, да, я хочу трахнуть тебя. Не один раз. Часто. Долго. Глубоко трахать тебя. Но пока ты не признаешься себе в том, что чувствуешь то же самое, что ты уже потекла от моих слов, я ничего не буду делать.

— Прекрати, — шиплю, ударяя его по руке, он поднимает голову и предостерегающе смотрит на меня.

— Знаешь, сколько всего хочу с тобой сделать сейчас? — Улавливаю аромат кофе в его горячем дыхании на моих губах, и мурашки покрывают мою кожу. Его рука скользит по моей шее, и он сжимает рукой затылок, немного разминая мышцы.

— Знаешь, что твои глаза сейчас блестят от возбуждения? Да я возбуждён не меньше. Почему преследую тебя? Хочу. А всё что хочу — получаю. Поверь мне, — продолжая говорить, он проводит губами по моей скуле к волосам.

— Ты домогаешься меня, Ник? Из тех, что трахнут и бросят? Из тех, кто обещает и забывает? Меня это не интересует. Ты меня не интересуешь, — я выдавливаю из себя, потому что признаться, насколько его близость приятна, не могу даже себе. Как мои ноги дрожат сейчас, и внутри всё сжимается от желания позволить уплыть в новом направлении, которое закрыто для меня. Но в голове бьётся мысль о том, что родители могут вернуться в любую минуту. И если они застанут нас вот в таком недвусмысленном положении, то… Нет, я даже думать о последствиях не буду!

— Ну что ты, — усмехается он, — всего лишь предлагаю сменить тарифный план, демонстрируя одну сотую возможных опций. Это рекламный трюк, крошка, чтобы зацепить твой интерес и подтолкнуть к решению. Ты ошибаешься, никогда ничего не обещаю. Поэтому не обманываю, ты должна уже знать, насколько я бываю честен с тобой.

Он подносит свою руку ко рту и медленно облизывает большой палец, оттягивая нижнюю губу, следит за сменой моего выражения лица. А я, как заворожённая, смотрю за его действиями, и это выглядит довольно эротично, необычно и невероятно… сладко. Ник подносит мокрый палец к моим губам и одним мазком увлажняет их, что я вздрагиваю от этого.

— А теперь попробуй мой вкус, крошка, и запомни его навсегда. Ты его ни с чем не перепутаешь, как и я не почувствую той же тяги, как сейчас. Будь честна со мной, иного я не прошу. И не стоит пугать меня, это лишь заводит меня с ещё большей силой, — с этими словами он отстраняется на шаг и бегло осматривает меня, пока я стараюсь выровнять дыхание. Я по его глазам вижу, что он доволен тем, что обескураживает меня, выбивает почву из-под ног… наказывает… за чувство юмора?

— Ты совсем обалдел? — Во мне вскипает злость от такой вульгарной сцены, и я толкаю его в грудь.

— Вываливайся из моего дома, я полицию вызову, — отскакиваю от него на шаг, и

запахиваю халат сильнее, цепляясь за ткань, как за броню. — Уходи. Я не хочу тебя знать, Ник! Уходи.

— Мишель, не сопротивляйся этому притяжению. Мы можем общаться, как нормальные люди, а не цапаться. Если примешь тот факт, что ты как минимум испытываешь вожделение, а как максимум я тебе нравлюсь, как и ты мне. Я уйду из твоего дома, но не из твоей жизни. До встречи, крошка. Ты моя, запомни это, — подмигивает мне и спокойно идёт к выходу. Он настолько самоуверен, что это выводит меня из себя. Теряю контроль над ситуацией и над всем происходящим. Теряю контроль над фантазией.

— Я не твоя! — Кричу обиженно ему в спину. Останавливается и оборачивается. Задерживаю дыхание, когда даже на таком расстоянии вижу, насколько ярко блестят его глаза, а губы растягиваются в улыбке.

— Моя, — одними губами отвечает он, выходя из гостиной, и через несколько мгновений хлопает дверь.

Судорожно облизываю губы, на языке остаётся привкус чужой слюны и это словно сильный удар под дых. Моё сердце бьётся рвано, и не могу дышать спокойно, руки отчего-то трясутся, и я ими обнимаю себя, чтобы восстановить равновесие внутри. Но не получается!

Почему я? Что он хочет от меня? Только трахнуть? Так это ему не удастся, никогда не удастся. Я просто буду держаться от него подальше, если надо то… то… не знаю, что предприму. Но он до коликов в животе пугает меня своей откровенностью, животным голодом, преследованием и одновременно возбуждает во мне, распахивая настежь иную дверь. Дверь в темноту, не сулящую ничего, кроме терзаний. Боюсь идти туда, страшусь шагов, которые станут для меня адом. Изнываю внутри и боюсь.

— Мишель? С тобой всё хорошо? — Спрашивает Лидия, входя в гостиную.

— Да… — голос охрип, и я прочищаю горло. — Да, это мой знакомый. Привёз заколку.

— Он положил её на столик. Но, Мишель, ты кричала, и я не помню его, — хмурится Лидия.

— Хм… я… просто забудь, хорошо? Не говори родителям, а то у меня больше проблем будет. А с ним я разберусь. Обещаю. Только молчи, — умоляюще шепчу я, подходя к домработнице.

— Конечно, девочка моя, но будь осторожна. Хотя этот мужчина очень вежлив, но тебе не следует вновь доверять…

— Я всё знаю, Лидия. Пойду отдыхать, — перебиваю её, вымучено улыбаясь.

Срываюсь с места и бегу в свою комнату, как в убежище, потому что гостиная пропахла им, и я чувствую его аромат на себе.

— Надо просто успокоиться и подумать разумно, — говорю себе, садясь на постель.

Замечаю, что мой телефон мигает, это означает, что там пропущенное сообщение. Беру его в руки и вижу два пропущенных от Ника. Выходит, пока принимала ванну, он звонил мне. Решив, что я его игнорирую снова приехал сам. Он маньяк! Долбанный извращенец!

Меня до сих пор потряхивает. Забираюсь в постель, накрываясь одеялом с головой. Боже, это всё настолько сумасшедше, что в голове творится сумбур. Я не могу разобраться в своих ощущениях, и от этого снова меня накрывает паническим страхом.

***

— Миша, — перед моим лицом машет рукой Сара. Моргаю, снимая с себя оцепенение, и смотрю потерянным взглядом на неё.

— Да?

— Ты поговорила с родителями насчёт пятницы? — Интересуется она, когда мы идём к выходу после занятий.

— Нет, забыла, — я мотаю головой и смотрю за её спину.

— Что с тобой происходит? — Нахмурившись, спрашивает она.

— Ничего, просто устаю с этими двумя курсами, тренировками и нет времени, чтобы пофотографировать, — вру я и выдавливаю из себя улыбку.

— Понятно, я, вообще, не представляю, о чём думали твои предки, когда заставили тебя идти на два параллельных курса, — недовольно говорит она.

— Прости, обещала пойти пообедать с Люком, — произношу я.

— Опять твой Люк, лучше бы Николас. Кстати, ты о нём так и не упоминала после вчерашнего разговора по скайпу, — надувает губы она, а я раздражённо передёргиваю плечами.

— Забудь о нём, он больной на голову урод, — зло бросаю я и разворачиваюсь, чтобы встретиться со своим парнем у входа в здание.

Полночи не могла уснуть, ворочаясь, и как только закрывала глаза, то ощущала его палец на своих губах, даже оттереть это прикосновение было невозможно, оно срослось со мной.

— Привет, — меня обнимают за талию, и я от неожиданности подпрыгиваю на месте.

— Привет, — улавливаю лёгкий цитрусовый аромат и беру себя под контроль, поворачиваясь к улыбающемуся парню, расслабляюсь. — Пошли?

— Конечно, — он тянется к моим губам, но я резко отворачиваюсь и делаю шаг назад. Люк озадаченно и недовольно смотрит на меня.

— Заболеваю, не хочу, чтобы ты подхватил заразу, — обманываю, а на самом деле у меня ощущение, что Ник испачкал меня, заклеймил, и я не могу пересилить себя. Не хочу, чтобы Люк целовал меня. Не хочу, словно и правда больше не принадлежу никому, даже себе.

— Господи, Миша, и ты ходишь полуголая! — Восклицая, он смотрит на вырез моей кофты и небрежно наброшенное пальто.

— Ну, ты же знаешь, насколько я не придаю этому значения. А вот заразить тебя в мои планы не входит. Пойдём обедать, умираю от голода, — тяну я и беру его за руку. — Как тренировка?

Люк тут же забывает об инциденте и увлечённо рассказывает о своих успехах, предстоящей игре, заменах, но я слушаю его вполуха. Не понимаю, что со мной творится. Мне кажется, что моя реальность стала чем-то иным, неживой пародией на повседневность.

Мы доходим до кафешки недалеко от университета, и Люк оставляет меня за столиком, когда сам идёт, чтобы купить еду. Я достаю из сумки телефон и кручу его в руках, появляется какое-то больное желание написать гадость Нику, выплеснуть на него своё негодование или же просто написать. Хоть что, только бы разбавить эту серость чем-то ярким. Шоколадным. Им. Поджимаю губы от недовольства на себя и сдерживаюсь, просто откладывая «BlackBerry», не искушая судьбы.

Люк возвращается с подносом и ставит передо мной салат и суп.

— Спасибо, — улыбаюсь ему, и он ласково греет меня своим взглядом, но от него мне становится только холодно. Я притворщица, мне неприятно быть такой, но сделала свой выбор ещё давно, и не могу переступить через страх.

Почему прикосновения Люка не возрождают во мне непонятные чувства? Он ведь красивый, накачанный, сильный, приятный, душа компании, страстный, в нём есть всё для того, чтобы быть идеальным парнем. Но. Это невыносимое «но» изводит меня, заставляя искать недостатки в парне, сидящем напротив меня. И это «но» воскресло с появлением Ника.

Тяжело вздыхая, беру в руку пластмассовые приборы. Я предательница. Предаю себя, продолжая размышлять о другом мужчине.

— Какие планы у тебя на выходные? — Интересуется Люк.

— Я наказана, — бурчу, ковыряясь в салате.

— За что принцессу заперли в башне? — Смеётся он, и я хмыкаю.

— За то, что этот придурок, который был на твоей вечеринке, нажаловался моему отцу о моём неподобающем поведении.

— Миша, ты говорила, что между вами ничего нет, — зло цедит парень и сжимает в руках пластмассовый нож так сильно, что переламывает его пополам.

Ловлю себя на мысли, что мне не страшно от этого действия, а Нику достаточно посмотреть на меня, и я испытываю панику. Что, чёрт возьми, со мной не так?!

— И? Говорила. А ты услышал, что я только что тебе рассказала? — Передёргиваю плечами.

— Тогда какого хрена он лезет к тебе?! — Шипит Люк.

— Не имею понятия, — совершенно искренне отвечаю.

Хотя возможно лгу. Я понимаю, что он хочет от меня. Вчера дал ясно понять это, но я не верю. Даже ему не верю.

Господи, как я устала лгать всем, просто надоело, хочется высказать каждому о своих мыслях и чувствах и послать всех к чёрту. Я обманщица.

— Я могу поговорить с ним, — грубо предлагает Люк и это смешит меня.

— Успокойся. Давай сменим тему? — Кривлюсь я. — Мы же вместе, что ты так завёлся?

— Потому что помню о том, что он делал у меня дома, — с отвращением бросает он обвинение, и я поджимаю губы.

Мой телефон пикает, хватаюсь за него, как за спасительную соломинку, чтобы уйти от того судьбоносного дня.

— Кто это? Сара? — Спрашивает Люк.

— Да.

Ни черта не «да»!

+1 (647) 9466777: «Добрый день, Мишель, как твоё настроение сегодня? Готова вести нормальный диалог и прекратить бегать от меня?»

«Отвали от меня, серьёзно, Ник! Ты вчера перешёл все границы дозволенного!» — Отвечаю и бросаю телефон на стол, со злостью втыкая вилку в салат.

— Что она пишет?

— Неважно, — резко говорю я и, опустив голову, пытаюсь глотать безвкусный салат.

Мой телефон снова пикает. Не желаю даже читать. Просто не желаю, но вспомнив то, что этот урод может спокойно приехать и тогда проблем у меня будет больше с Люком, беру телефон, пока мой парень следит за каждым моим движением.

+1 (647) 9466777: «Ты уверена, что этого хочешь?»

«Чёрт, да! Ты тупой или как? Миллион раз говорила тебе об этом! Задолбал! Хватит

преследовать меня. Ты мне не интересен!»

Не выдерживаю этого напряжения внутри и пыхчу, грудь вздымается чаще, и я хватаю ртом воздух, чтобы прекратить эти мучения. Пусть оставит меня в покое, не хочу… не хочу падать в его темноту, не хочу сладкого, не хочу! Мне только хочется плакать, потому что меня эта ситуация разрывает на несколько частей, не могу ухватиться ни за одну свою жизненную позицию, они ускользают от меня и оставляют одни бархатные глаза. Я грешница.

+1 (647) 9466777: «Тебе по статусу не положено ругаться и дерзить, крошка. Хорошо, будь, по-твоему. Говорят, кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Значит, на моём столе будет вино или виски. Хотя кто знает, что будет завтра. Всего доброго, Мишель»

«Удалить контакт и сообщения», — подтверждаю и откладываю телефон.

Я добилась того, чего хотела, но отчего-то кожа покрывается мурашками и меня знобит, как будто теряю кого-то важного в своей жизни. Но он ведь незнакомец, невидимка для меня, призрак фантазий, фантом чувств. Так почему растрачиваю на него свои эмоции?! Бред. Полный и законченный бред, он заразил меня своим идиотизмом.

— Миша, всё хорошо? Ты побледнела и тебя, по-моему, трясёт, — меня вырывает из раздумий Люк, и я горько усмехаюсь.

Ты ничего не знаешь, буквально ничего, но ты то, за что я ухватилась, и мне придётся продолжать так жить. Иначе предам саму себя.

— Наверное, температура поднялась, — я тру лоб и устало вздыхаю.

— Может быть, не пойдёшь сегодня на вечерние занятия? — Заботливо предлагает Люк.

— Надо. Ничего, приму дома лекарства и всё будет хорошо. Лучше расскажи мне, как твоя работа, — я снова меняю тему, чтобы отвлечься.

И он с готовностью начинает говорить, пока я пытаюсь поесть и не думать. Но всё равно возвращаюсь к этому чёртовому прощальному сообщению. *«Ненавижу тебя, призрачный красавчик!»*

Восьмой шаг

— Мишель, ты великолепна, — снисходительно улыбается мама.

— Спасибо, — сухо отвечаю, пока папа помогает мне надеть белую укорочённую шубу.

— Как восхитительно, что нам наконец-то удалось приобрести билеты в оперу и отправиться туда всем вместе, — продолжает мама, а я хмыкаю и беру в руки клатч.

— Поехали, девочки, а то опоздаем, — папа смеряет нашу троицу оценивающим взглядом, и довольный увиденным открывает перед нами дверь.

Три дня прошли для меня в нормальном ритме жизни, без внедрения Ника в ход событий. И, чёрт возьми, от скуки я начала читать всякую чушь по психологии, зачем-то проводя параллель с собственной судьбой и пытаясь разобраться в Нике. Разочарована. Сильно разочаровалась в себе за это время, потому что мне стало не хватать этого больного урода с его замашками первобытного строя.

Из-за этого мои отношения с Люком стали натянутыми. Даже папа пошёл мне навстречу и предложил, чтобы меня кто-то сопровождал в великий пятничный поход в оперу, но я соврала, что у меня нет такого кавалера. И, к сожалению, по закону подлости, это всё услышал мой парень, ведь я говорила с ним по скайпу, забыв об этом, перелистывая страницы этой губительной психологической книжки. В итоге он не разговаривал со мной уже целые сутки и обижался, считая, что я стыжусь его. Но дело было не в нём, а во мне. Сара только обрадовалась, что Люк от меня отстал, и даже не сильно возмущалась по тому поводу, что ей идти на вечеринку одной.

Сидя в лимузине, смотрю на огни большого и яркого города, пока мои родители бурно обсуждают выход в свет, надеясь встретить кого-то из знакомых. Надоела эта жизнь фарфоровой куклы. Мне хочется поговорить с кем-то, кто примет меня вот такую. Потерянную.

— Мишель, приехали, — меня из моих тяжёлых мыслей выводит мама, и я надеваю на губы холодную улыбку.

Подхватывая шлейф платья, выхожу из машины, и всей семьёй мы идём к центральному входу, где толпятся люди, желающие купить билетик. Обычные люди, жаждущие хоть глазком увидеть Травиату.

Мы ходим среди посетителей, и родители находят знакомых. Я и Тейра киваем им и поддерживаем общие темы, выслушивая комплименты и интерес о наших планах на будущее. Я довольно сухо рассказываю о том, что по горло занятий и от меня отстают, переключаясь на сестру. Наконец-то, звенит звонок, и мы движемся к нашим местам. К родительскому сожалению, места у нас сбоку в партере, но сцену видно отлично, ведь это первый ряд.

Восхищаюсь пением и оперой, проникаюсь жизнью куртизанки и полностью отдаюсь происходящему на сцене. Это непередаваемое ощущение быть там, ты чувствуешь себя как будто ответственной за то, что происходит внизу.

Первый акт рассказывает о знакомстве куртизанки Виолетты с обычным Альфредом, он влюбляется в неё, но она больна туберкулёзом. Она уговаривает его уехать, оставить её, что она недостойна его любви и внимания. Решения Виолетты повторяют мои чувства и поступки, я не могу сдержать эмоций и сжимаю руки в замок, опуская голову и слушая арии. Действие оканчивается на том, что женщина понимает — молодой мужчина затронул в её душе струны, о которых она не подозревала. Она пытается отогнать прочь от себя эти мысли

и отвлекается музыкой.

Громкие аплодисменты, и я встаю, чтобы улыбнуться искренне и поблагодарить исполнителей. Папа предлагает пройти в небольшой ресторанчик, и пока родители с Тейрой обсуждают оперу, плетусь за ними в своём идеальном малиновом платье и с такой же причёской. Идеальная притворщица. Поднимаю голову и пробегаюсь взглядом по людям. Столько яркости, блеска бриллиантов и это всё просто воздух, это ничего не значит в реальной жизни. Они все прячутся за своими деньгами, приходят сюда в маскарадных костюмах и масках, чтобы явить свою значимость и утереть друг другу носы. Отвратительно. Почему я другая? У меня есть ответы, но не желаю углубляться в них. Больно.

— Держи. Папа сказал передать тебе, чтобы ты прекратила выглядеть, как протухший овощ, — сестра вкладывает в мои руки бокал с шампанским, и я отпиваю, стоя в кругу знакомых родителей.

Смех настолько фальшивый, что хочу зажать уши руками и уехать домой. Надо было остаться сидеть на месте, и тогда бы не пришлось бурчать внутри.

— Мишель, поздоровайся, — на ухо шипит мне папа, хватая за локоть и вытаскивая вперёд. Удивлённо моргая, смотрю на него.

— Что?

— Мишель, наверное, под впечатлением от арий, — раздаётся насмешливый и знакомый голос. Резко поворачиваю голову, встречаясь с искристыми карими глазами.

Зал неожиданно начинает кружиться у меня перед глазами, яркие огоньки вспыхивают в голове. Сглатываю от неожиданности и облизываю вмиг пересохшие губы.

— Добрый вечер, мистер Холд, мистер Вуд, — официально произношу я, поочерёдно кивая мужчинам. Замечаю, что на обоих висят украшенные, как рождественские ёлки, спутницы и отвожу взгляд, делая ещё один глоток.

— Занимательный вечер, — щебечет мама, и папа вступает в разговор, восхваляя здание оперного театра, когда я переступаю с ноги на ногу, ощущая на себе цепкий взгляд Ника.

И ведь думала о нём всё это время, вот он здесь. Мурашки покрывают мою кожу, когда исподлобья поглядывая на него, ловлю его взгляд. Он знает о том, что внутри меня. Всё знает, а мне тяжело принять это, как и то, что он готов со мной говорить, не принимая меня за очередную пустышку. Но не только говорить, и это для меня непозволительно. Запретно.

Мужчины поддерживают общение, а я делаю шаг назад, чтобы спрятаться за отцом и допить до конца шампанское. Ставлю пустой бокал на стойку и теперь тереблю свой клатч, молясь, чтобы поскорее прозвенел звонок.

— Это было бы для нас честью. Правда, девочки? — Восклицает папа, а я начинаю хмуриться, не понимая, что тут происходит.

Наконец-то звенит спасительный звонок, и я облегчённо вздыхаю, всё так же игнорируя присутствие Ника здесь.

Он не один. Это предложение бьётся в мозгу и мне становится грустно. Но я ведь должна играть роль, и уверенно поднимаю подбородок, ожидая, когда родители начнут двигаться к нашим местам. Удивлённо озираюсь, потому что идём мы совершенно в ином направлении.

— Куда мы? — Спрашиваю шёпотом сестру, а она смеряет меня раздражённым взглядом.

— Хватит витать в облаках, Миша. Мистер Вуд пригласил нас в его центральную ложу, — фыркает она. Мои ладони потеют, цепляюсь сильнее в клатч, чтобы не показать

волнение и непонимание снова. Я как слепой котёнок, когда Ник появляется рядом. Отрываюсь от мира и теряюсь.

Раздражает. Меня это начинает злить, когда мы проходим в ложу и мне предлагают сесть рядом с ним.

Чёрт! Миллион раз я проклинаю отца, жаждущего получить деньги Вуда. Мне ничего не остаётся, как сесть и знать, что рядом с ним его девушка. Или же одна из миллиона его любовниц.

— Ты прекрасно выглядишь, Мишель, — Ник обдаёт меня знакомым парфюмом, склоняя немного голову ко мне, и я напрягаюсь, не мигая, смотрю на сцену.

— Спасибо, ты тоже, — сухо отвечаю я.

По другую сторону от меня сидит Вуд и у меня ощущение, что я попала в капкан.

Портьеры раздвигаются, теперь могу немного расслабиться, прикрывая глаза. Начинается второй акт, где влюблённых разлучает отец Альфреда и куртизанке ничего не остаётся, как покинуть мужчину, чтобы не погубить его репутацию. Не могу сосредоточиться на представлении, потому что сидящий рядом Ник заставляет меня нервничать. Но, чёрт возьми, я сама этого жаждала, и пора прекратить это издевательство над собой. Да, красивый. Да, в нём есть что-то отличительное от всех моих знакомых. Да, он притягивает меня. Но он больной маньяк, который хочет получить то, что я не готова ему отдать, пора бы это запомнить!

Бал-маскарад заставляет меня усмехнуться, и я сжимаю губы, чтобы, вообще, не быть похожей на помешанную. Спина начинает болеть от прямой осанки, с которой сижу, и я немного делаю круговые движения шеей.

Слышу, что спутница Ника, о чём-то пискляво говорит, и он ей отвечает несколько грубо. Краем глаза замечаю, как он кладёт руку на подлокотник между нами, и снова любуюсь силой в его венах.

Неожиданно все начинают вставать, а я мотаю головой, понимая, что окончился второй акт и теперь надо ожидать третий.

— Мишель, ты спустишься с нами? — Спрашивает мама, но я качаю головой.

— Нет, идите, я посижу здесь. Если это возможно, — бросаю я. Райли Вуд заверяет меня, что скоро все вернуться, и я обратно опускаюсь на сиденье.

Ложа пустеет, могу свободно вздохнуть и закрыть глаза, чтобы пережить ужасные минуты. Восстанавливаю дыхание, и сердце бьётся ровно. Решаю немного размяться и встаю с места, прохожу в угол ложи и прислоняясь плечом к стенке, наблюдаю за людьми внизу.

— Я скучал по тебе, — горячий шёпот обжигает мою шею, и я замираю от неожиданности, судорожно выдыхая.

— Ты с дамой, — грубо напоминаю Нику, стоящему за моей спиной.

— Я со знакомой, — хмыкает он.

— Сочувствую, — холодно отзываюсь, ощущая его так близко, что живот сводит спазмом.

— Мишель, — он смакует моё имя, и его рука обвивается вокруг моей талии, прижимая к нему.

— Ник, прекрати! — Возмущаясь, кладу свою руку на его, дабы оторвать, но он сильнее сжимает меня, и я ощущаю его губы, опускающиеся на мою шею.

— Твоя кожа не даёт мне покоя, — шепчет он, оставляя новый поцелуй на пульсирующей вене, а я закрываю глаза. Волна приятной тяжести проходит и опускается

вниз живота, поясницу начинает покалывать, меня снова это возбуждает.

— Твоя ревность восхищает меня, — трётся губами о мою кожу, поднимаясь к мочке уха. — Как ты стойко держишься, пытаясь обмануть себя вновь. Печаль в твоих глазах говорит больше, чем твои губы.

— Ник, — закрываю глаза, ощущая, насколько он прав. Наслаждаюсь его дыханием, его объятиями. Им.

— Крошка, я хочу шампанского. Я очень хочу выпить шампанского с тобой. Самого лучшего шампанского, что найду в этом мире, — его руки ласкают мой живот, опускаясь на бёдра и сжимая их. Его губы продолжают целовать шею, он дразнит меня, прикусывая зубами вену.

— Ник, — стараюсь прийти в себя, но не могу, разум из-за этих прикосновений просто не отвечает, а тело просыпается, являя всю чувственность в нём.

С моих губ срывается вздох, а он проводит языком по моей шее, поднимаясь вновь к уху и цепляясь зубами за мочку.

— Завтра заеду за тобой в восемь, — продолжает шептать он, а его губы двигаются по челюсти рядом с ухом. Он сжигает мои кожные покровы своими поцелуями. Не могу противостоять его натиску и хватаюсь за его руку на моей талии, чтобы устоять на высоком каблуке.

— Это да? — Спрашивает он и резко поворачивает меня к себе. Смотрю в его глаза, в которых сейчас невозможно угадать ни единой эмоции, потому что он находится в затемнённой стороне, и я вижу только контуры его лица.

— Ну же, Мишель, говори. Я обещал, что ничего не сделаю против твоей воли, — тихо, но уверенно произносит он.

— Ужин, — я слышу свой севший голос, и его губы растягиваются в улыбке победителя.

— Только ужин, — подтверждает он. — Будь в платье, ты в них сногсшибательна.

— О, да ладно, — я закатываю глаза от этого заезженного комплимента.

Ник грубо и властно притягивает меня к себе за талию, впечатывая в своё тело, что я чувствую контуры его члена, сквозь ткань брюк и от этого открытия выдыхаю в его губы.

Чёрт, хочу, чтобы он поцеловал меня. Хочу ощутить этот десерт и запомнить его, даже если вскоре я пошлю его к чёртовой бабушке.

Он, не мигая, смотрит в мои глаза, а я в его. Разряды тока проносятся между нами, хотя нет возможности для выброса этого адреналина, и он забирается под мою кожу, разгоняя кровь. Мои руки проходят по его груди и поднимаются к плечам. Боже, какой он сильный. Моё дыхание нарушено, как и его. Мы находимся под властью сумасшествия и феромонов. Мои губы приоткрываются, ожидая от него первого шага, и Ник переводит взгляд на них, а затем снова на мои глаза. На его лбу появляется складка между бровями, и я сглатываю от страха упустить эту возможность.

Сама делаю движение вперёд, подтягиваясь к нему, но он тут же отстраняется, и его лицо приобретает знакомую холодность. Я чувствую себя безумно глупо, что хочется плакать от обиды. Отвожу глаза, ощущая, как сильно полыхают мои щёки.

— Мишель, — зовёт он, а я, передёрнув плечами, быстро обхожу его, возвращаюсь на своё место.

Не понимаю, что он хочет от меня. Он приглашает на ужин, ласкает меня с такой страстью, что кожа нещадно горит, а сейчас не мог просто взять и поцеловать!

Чёрт! Я зла, зла в большей степени на себя, что позволяю сексуальному влечению взять

вверх надо мной. Это не должно повториться, просто не должно! Я не должна этого чувствовать.

Сжимая в руках клатч, смотрю на сцену, надеясь, что он просто уйдёт, оставит этот момент без комментариев. Отвращение к себе оживает внутри, что я кривлю нос. И чёрт бы побрал эту книгу, где описывается психологическое давление и манипуляция на эмоциональном уровне.

Ник огибает сиденья и опускается рядом со мной.

— Мишель. Здесь не место и время. Видишь, я снова теряю контроль над собой из-за тебя, — он произносит это тихо, но я не слышу в его голосе раскаяния или ласки. Он холоден и отчуждён, это укалывает меня сильнее, чем его молчаливый отказ, потому что я подсознательно чувствую — врёт.

— Думаю, ваша знакомая потеряла вас, мистер Холд, — сухо отвечаю я.

— Не думайте о моей знакомой, мисс Пейн. Думайте обо мне, — теперь извечно любимая им насмешка, и это ещё больше выводит из себя.

— Всё-таки мне нравится ваш румянец, мисс Пейн, — добавляет он уже более игриво, и я поворачиваюсь к нему, чтобы вложить во взгляд своё раздражение.

— Это потому что вы меня раздражаете, мистер Холд, — чётко говорю я, враждебно смотря на него. А Ник просто улыбается, забавляясь моими эмоциями.

— Мне это ещё больше нравится, — тянет он слова и придвигается ближе ко мне.

— Тебя заводит, что я тебе грублю? Почему ты выбрал меня? Почему бы тебе не пойти к своей знакомой и не подарить ей вот всё то, что ты делал несколько минут назад? Почему её не пригласишь на ужин, Ник? — Интересуюсь я с пылом.

— Слишком много вопросов, Мишель. Я отвечу на них, но не сегодня, — он тянется к моим рукам своей и накрывает ладонью мои пальцы, сцепленные в замок.

Перевожу взгляд на это соприкосновение и удивляюсь нашему контрасту. Его загорелая кожа и моя на несколько тонов светлее. Красивое сочетание и я начинаю хмуриться от своих мыслей.

— Это твой стиль игры, Ник? Пробуешь на мне новую партию? — Поднимая на него голову, смотрю в его удивлённые глаза.

— Моя партия кристально ясна, а вот ходы зависят от противника, Мишель. Какую фигуру ты выберешь? — Склоняет голову набок, сжимая пальцами мою руку.

Нервно смачиваю губы кончиком языка, и он ловит моё движение, возвращаясь к моим глазам.

— Не надо, — шепчет Ник, приподнимаю брови в немом вопросе.

— Доверься мне, я не причиню тебе зла, обещаю. Всё будет только с твоего согласия и не более, — он немного сжимает мои пальцы и убирает свою руку.

Должна ему что-то сказать, но не нахожу даже самой обычной реплики и просто вздыхаю. Позади нас раздаётся шум, и я, оборачиваясь, смотрю, как, смеясь, входят моя семья и Вуд, что-то рассказывающий отцу.

— Мистер Холд, а мы потеряли вас, — улыбается ему папа, и я замечаю, что среди них нет крашенной блондинки Ника.

— Устал от шума и вернулся. Мы с Мишель обсуждали оперу, сошлись на мнении, что сегодня действительно потрясающий вечер, а исполнители талантливы, — отвечает ему вежливо Ник.

От новой фразы и раздутия огромного мыльного пузыря из-за этих слов Ника, меня

спасает последний звонок, говорящий о необходимой тишине в зале. Зря он это упомянул, лучше бы соврал, что я его ударила или показала средний палец, или же просто игнорировала. Чёрт!

Третий акт, и я желаю, чтобы он окончился ещё быстрее, но незаметно для себя снова проникаюсь историей. На сцене разворачивается новое действие, в котором двое совершенно разных людей, с различным прошлым мечтают о совместном будущем и строят несбыточные планы. Но реальность бьёт слишком сильно по ним, принося смерть Виолетты на руках возлюбленного. Не могу сдержать слёз от арии, и глаза туманятся. Неожиданно в мою руку вкладывается платок, и я перевожу взгляд на него. Рука Ника лежит на моем запястье, и он успокаивающе поглаживает большим пальцем кожу. Хлюпнув носом, подношу платок к глазам и осторожно промакиваю влагу, пока Ник продолжает передавать мне своё спокойствие. Как это удивительно и странно. Одно прикосновение и мне хорошо внутри.

— Спасибо, после стирки отдам, — шепчу я, смотря на чёрные пятна туши на белоснежной ткани.

— Оставь себе, — так же отвечает он. Он отнимает руку, а я сжимаю в своей его вещь.

Что-то снова происходит, чувствую это. Мне не нужно смотреть на него, я уверена, что он не ожидал такой моей реакции и постарался помочь мне. Это было странно. Обычно он властен, я бы больше поверила, если бы он усмехнулся, а затем обвинил меня в сентиментальности. Ведь мне казалось, человеческие эмоции для него чужды, а на самом деле, я ошиблась.

Свет включается над нами, и мы поднимаемся с мест, хлопая, благодарим за великолепное представление. Я прячу платок Ника в свой клатч от любопытных расспросов и поворачиваюсь к семье, собирающейся уходить.

Выхожу из ложи самая последняя, Ник придерживает мне дверь, и замечаю, что его лицо чем-то омрачено, он обеспокоен. Неужели тем, что я так отреагировала на смерть главной героини? Или он передумал насчёт ужина?

От этих мыслей я хмурюсь, плетясь за компанией, идущей впереди. Неожиданно Ник на долю секунды берёт меня за руку, резко поворачиваю голову на него, и мы встречаемся глазами. Они тёмные, они манящие… и уже холодные. Он так же внезапно, как и схватил меня за руку, отпускает, словно пугается чего-то. Хочу спросить, что это было, зачем и почему. Но Ник немного отстаёт от меня и кому-то кивает. Папа в этот момент оборачивается и прищуривает взгляд, я ловлю его на себе и натягиваю улыбку.

— Напишу тебе, — едва слышно говорит Ник, когда мой родитель отворачивается и отвечает на вопрос Вуда. У меня ощущение, что друг Ника специально отвлёк отца, чтобы дать нам возможность договориться.

— Хорошо, — повторяю его интонацию.

— Я… до завтра, Мишель, — голос Ника меняется и от него становится зябко. Поворачиваю голову, чтобы понять причину, но вижу только удаляющуюся широкую спину в чёрном пиджаке.

Да что, чёрт возьми, тут происходит?! Что с ним не так?

В голове снова миллион мыслей, а я двигаюсь на автопилоте, надевая шубу и кивая Вуду, с интересом осматривающего меня. Этот взгляд неприятен, как и большинство, исходящее от мужского пола. Только закатываю глаза, и первая выхожу на воздух, бросая слова прощания Вуду.

— Я надеюсь, что это приглашение хороший знак, — задумчиво говорит папа в

лимузине, везущем нас, домой.

— Я тоже, Тревор. Я так рада, что мы сходили, и встреча была самой судьбой, — кивает мама.

— Мишель, о чём ты говорила с Николасом? — Интересуется у меня папа, и я уверена, что он хочет слышать о том, насколько Ник восхищён мной и другую чепуху.

— Да в общем-то, ни о чём, — пожимаю плечами, изображая равнодушие. — Об опере.

— Ну да, о чём с ней ещё можно говорить, — насмехается Тейра, дарю ей испепеляющий взгляд.

— Да, ладно, Миша, ты же у нас бунтарка, и я удивлена, что Николас не сбежал от тебя или ты его не придушила своим красноречием, — продолжает сестра. — Или всё же ты его обматерила, и он из-за своего воспитания не стал унижать тебя?

— Тейра, — обрывает её мама, и она поджимает губы, но в голубых глазах продолжает играть насмешка и превосходство.

— Но я заметил, какие взгляды на тебя бросал Вуд, — довольно говорит папа.

— Обычные, — грубо отвечаю и складываю руки на груди. — И он был с девушкой.

— Тогда надо сделать так, чтобы это были необычные, — давит на меня он. — Девушкой? Да у них их огромное количество и на каждый день. Ты должна знать о том, что всегда можно потеснить соперницу.

— Боже, папа, хватит! Я не собираюсь лебезить ни перед Вудом, ни перед Ником, только чтобы они вложили деньги! Ты предлагаешь мне заняться проституцией, и это не гарантирует, что они вложатся в вашу компанию! Это твоя идея, а меня, будь добр, оставь в покое! — Взрываюсь и отворачиваюсь к окну.

— Я всего лишь пожелал, — недовольно цокает он, игнорируя мою агрессию и негодование. — И я не предлагал тебе ложиться под них. Ты взрослая девочка, но должна понимать, что Вуд нашего круга, как и Холд, поэтому было бы неплохо, если бы у тебя, наконец-то, появился постоянный мужчина. И желательно один из таких. Уже пора задуматься о будущем. Пришло время бросить глупости и вернуться в свой круг.

— Всего лишь пожелал… взрослая девочка… фу, — тихо передразниваю его и киплю внутри. Хоть бы не взлететь.

Когда все заходят домой, ни слова не говорю им и поднимаюсь к себе, чтобы меня оставили в покое и, конечно, избежать новой ссоры с отцом, которая обязательно бы состоялась. Я для него всего лишь пешка, которую он хочет правильно разыграть. И меня это не устраивает. Хочу, чтобы со мной считались, я ведь живой человек. У меня есть свои планы на мою жизнь.

Обида просыпается внутри, вешаю на стул платье и распускаю волосы, чтобы сбросить с себя налёт этой ненужной эмоции. Затянув на талии халат, глубоко вздыхаю и немного массирую голову руками. Это меня успокаивает. Снова мой мир перевернут, а всё, потому что встретила Ника.

Ладно, хватит уже убегать от себя и стоит признаться в том, что хочется о нём узнать больше и решить нравится он мне или его горячая «упаковка».

Нахожу в клатче телефон и достаю чужой платок. Задумчиво повертев его в руках, прячу в свою тумбочку рядом с кроватью и решительно открываю сообщения. Хоть и удалила его контакт, но он врезался в мою память.

«Почему ты ушёл?». — Отправляю сообщение Нику и внутри ругаю себя за такой интерес. Но меня гложет это, не могу разобраться в смене его настроения, я не успеваю за

ним.

В моём плане на завтра появляется пункт: сделать психологический портрет Ника снова, чтобы хоть как-то подготовиться морально, что от него можно ожидать.

Он не отвечает, вновь чувствую себя глупо и неправильно. Никогда не писала сама парням, даже Люку, всегда он начинал общение, я подхватывала. А тут… Боже, что я творю?

Встаю с постели и достаю из шкафа шорты и топик. Быстро переодеваюсь и забираюсь под одеяло, подкладывая под спину подушки и оставляя только свет торшера рядом с кроватью. Открываю книгу на странице, где остановилась и продолжаю читать, чтобы это навеяло на меня тоску и сон.

Мой телефон вибрирует, и я отрываюсь от чтения, нетерпеливо открывая сообщение.

+1 (647) 9466777: «Чтобы не искушать тебя»

Сажусь ровнее, и мои глаза расширяются от такой наглости. Не искушать? Совсем обалдел?!

Ну, держись, Ник, я тебе завтра покажу, что такое не искушать!

«Не переживайте, мистер Холд, я всегда держу себя в руках, в отличие от вас. Доброй ночи вам и вашему самомнению»

Я, довольная своим умным ответом, отправляю сообщение, выравниваю внутренние ощущения и своё эго. Мне кажется, мы никогда не сможем говорить с ним нормально, без напряжения и этой игры «кто-кого». Но пока мне интересно, я позволяю себе небольшое отступление от собственных правил.

+1 (647) 9466777: «Предвкушаю наш ужин, мисс Пейн. Приношу свои извинения за несдержанность в ложе, но ничего не мог поделать с собой, вы были без бюстгальтера, это возбудило меня и разозлило. Не стоит испытывать меня»

Откуда… чёрт… откуда он узнал?

«Разозлило? Я принимаю ваши извинения, мистер Холд, за вашу вульгарность и распущенность по отношению ко мне»

+1 (647) 9466777: «МОЮ ВУЛЬГАРНОСТЬ?! РАСПУЩЕННОСТЬ?! Это не на меня пялились мужчины, когда через тонкую ткань платья выпирали возбуждённые соски, Мишель!»

Сообщение приходит мгновенно, и я смеюсь.

«Мистер Холд, у вас кнопочка заела на больших буквах или вы кричите на меня? Хм, было бы странно, если бы на вас пялились мужики… хотя… ещё раз хм. Вы ревнуете?»

Хохочу в подушку, не знаю почему, но приходит лёгкость и …только не это… Сажусь ровно и смотрю впереди себя, неожиданная догадка заставляет меня нахмуриться. Чёрт возьми, я флиртую с ним! Я, чёрт, флиртую с Ником!

Что в этом такого, правда? Обычная девушка бы пищала от радости и прыгала по комнате, что на неё обратил внимание такой мужчина. И флирт — это самое безобидное, чем можно заниматься с противоположным полом. Но для меня это много, сейчас позволяю себе быть искренней в своём отношении, в своих словах и даже мои чувства внутри меняются. Они становятся живыми и реальными. Приходит страх, что я могу увлечься, забуду всё, что планировала и превращусь в бесхребетное создание, какой меня хотят видеть. Но я не они, и мы двигаемся не по сценарию моего отца.

Запуталась, в голове всё смешивается снова, там такая каша, а я не хочу даже распутывать её, хочу отпустить ситуацию.

Телефон вибрирует, и я беру его уже опасливо и с горечью на губах.

+1 (647) 9466777: «Мишель, что означает твоё „хм“?!»

Откладываю «BlackBerry» и желаю, чтобы он решил, что я заснула. На сегодня с меня эмоций достаточно, и адреналина для меня уже слишком много. Если не остановлюсь, то случится передозировка. А завтра вечером я снова увижу его и постараюсь понять саму себя.

Девятый шаг

Стучусь в родительскую спальню и после маминого отклика: *«Входите»,* открываю дверь и вижу её перед зеркальным столиком. Она накладывает макияж, и я улыбаюсь. Она красивая, очень красивая и выглядит довольно молодо для своих сорока трёх лет. И неважно, что это постарались хирурги, она естественна в своём образе. Копна светлых волос, которая передалась Тейре и с большими голубыми глазами, так же подаренными сестре, подтянутой фигурой и нежной улыбкой — у меня шикарная мама. Единственное, что мне досталось — это её овал лица и родинка на щеке.

— Мишель, что-то случилось? — Безынтересно спрашивает она, ловя мой взгляд в зеркале.

— Мам, — захожу в спальню и закрываю за собой дверь, — я хочу пойти с ночёвкой к Саре.

— Мишель, дочь, отец же запретил, — она раздражённо вздыхает и откладывает в сторону губную помаду.

— Мам, но мне девятнадцать, я не сделала ничего ужасного! За что? И пашу в этом университете, как лошадь! Я же человек, девушка, которая желает веселиться. Когда, если не сейчас? Я устала, в конце концов, хочу пойти с Сарой в бар и посидеть там, посплетничать, ощутить себя живой, а не столетним антиквариатом! Я словно долбанная принцесса в замке! — Срываюсь на крик от обиды.

— Мишель. Не повышай голос, я понимаю тебя, — примирительно говорит она, проводя рукой по уложенным волосам. — Хорошо, иди, только, пожалуйста, без эксцессов. От отца нам достанется обеим.

— Спасибо, мама, — я подлетаю к ней и обнимаю. — Обещаю, без алкоголя и буйства. Просто девичник, я соскучилась по подруге.

— Во сколько завтра будешь дома? — Интересуется она, когда я уже выпрямляюсь.

— Не знаю, хочу забежать в спортзал и ещё пофотографировать Сару, — мнусь я.

— Ладно, я поговорю с отцом, к тому же он сейчас сильно перегружен на работе, ты должна войти в его положение, — она смотрит на меня несколько осуждающе, а я цокаю.

— Но и он должен меня понимать, — вторю ей.

— Он просто переживает за тебя, потому что сильно любит и оберегает, — она оправдывает поступки папы, я обречённо от этого киваю.

— Спасибо и пока, — машу ей рукой и выскакиваю из спальни, на моих губах тут же расплывается улыбка.

Зайдя к себе, я первым делом отправляю сообщение Саре о том, что приеду к ней через час, а затем открываю сообщения.

Ник: «Заеду за тобой в 20:00. Надеюсь, ты не передумала и шампанское не выдохнется?»

«Доброе утро, мистер Холд. Не передумала и это всего лишь ужин, только я буду у подруги по адресу: 444 YongeSt.»

Застёгиваю сумку с вещами и спокойно выхожу из спальни, быстро покидая нашу квартиру.

Телефон в кармане пальто пикает, и я с улыбкой сажусь за руль и завожу мотор, доставая «BlackBerry».

Ник: «Ты долго не отвечала, я решил, что снова на меня свалился любимый тобой игнор, Мишель. Хорошо, Майкл заедет за тобой по другому адресу, он отвезёт тебя в ресторан и будет сопровождать, от него не отходи ни на шаг. Поняла?»

Я хмыкаю от этих приказных строчек и закатываю глаза.

«Мистер Холд, вы встали не с той ноги?»

Выезжаю с подземной парковки и двигаюсь в сторону дома подруги, пока краем глаза замечаю новое сообщение. Хихикаю и решаю немного помучить его.

Горит красный, и я беру в руки телефон.

Ник: «Мисс Пейн, не выводите меня из себя. Я не услышал вашего ответа»

Я снова закатываю глаза.

«Мистер Холд, я неглупая, поняла. А вы где в это время будете?»

Мне сигналят сзади и я, держа в руках мобильный, продолжаю движение. Еду специально медленно, чтобы постоять на следующем светофоре, и мне это благополучно удаётся.

Ник: «Я немного задержусь, за что приношу свои извинения. Дал обещание и придётся его выполнить, но будь на месте и жди меня»

«Я могу подождать и дома»

Теперь во мне бурлит недовольство, я провернула такую кампанию для того, чтобы сбежать из дома, а он, видите ли, задерживается.

Ник: «Нет, Мишель! Ты делаешь так, как я говорю. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты с Майклом и в условленном месте. Всё ясно?»

«Ты злой и грубый, Ник! Ещё один приказ, и я пошлю тебя далеко и надолго!»

Я сильнее сжимаю руль и уже давлю на газ, отбросив телефон на сиденье рядом. Сообщение не заставляет себя ждать, но я специально не обращаю на это внимания.

Только когда оставляю машину на парковке и достаю сумку из багажника, открываю сообщения.

Ник: «Прости, крошка, мне жутко капают на мозги родители и это меня раздражает. Я нахожусь сейчас не там, где хотел бы быть»

Ник: «НЕ ИГНОРИРУЙ МЕНЯ! ЭТО МЕНЯ ТОЖЕ РАЗДРАЖАЕТ!»

Я хихикаю и нажимаю на пятый этаж в лифте, понимая, что теперь знаю, у него в Торонто живут родители, и он на выходные ездит к ним. Мило.

«У тебя снова кнопочка заела, Ник, пора сменить аппарат»

Я выхожу из лифта и стучусь в дверь к Саре, через две минуты мне открывает радостная подруга, и я оказываюсь в её объятьях.

— Привет! — Восклицая, она пропускает меня в квартиру.

— Привет, — улыбаясь ей, снимаю пальто и вешаю на вешалку в шкаф.

На экране телефона мигает конвертик.

— Наконец-то тебя твой суровый папочка отпустил. Боже, Миша, у меня такие планы. Значит так, сначала мы поедем в ресторанчик с ребятами. Да, я тут познакомилась с одним и у него есть друг. А потом мы пойдём в клуб, если они нам понравятся… хотя мы и так пойдём в клуб, — она на меня обрушивает поток информации, что я только моргаю.

— А-а…

— Ты взяла что-нибудь другое кроме джинс и блейзера? — Она критически осматривает меня, взгляд цепляется за сумку в моих руках и её глаза начинают возбуждённо и радостно

блестеть.

— Сара, я… ну, в общем, ты можешь меня прикрыть? — Выдавливаю я из себя, и мне жаль рушить планы подруги.

— Что? — Она обиженно выпячивает нижнюю губу.

— Ник пригласил на ужин, а меня бы не отпустили, если бы я сказала об этом. Нет, отпустили бы, да ещё и пожелали счастья, но я не хочу, чтобы это дошло до ушей отца, — виновато объясняю и подруга снова полна энтузиазма.

— Да ладно? — Визжит она и, подхватывая меня за руку, тащит за собой в свою спальню.

— Да, вчера он был в оперном театре, и я согласилась с ним только поужинать, как со знакомым и не более, — я стараюсь оборвать её уже забегающие вперёд фантазии, но она даже не слышит меня.

— И что ты наденешь? Одуреть! Боже, как круто! Ну, он молодец, уломал тебя! — Продолжает она бурно выказывать восторг, мечась из угла в угол по спальне, пока я расстёгиваю сумку и достаю платье, демонстрируя ей.

— «Дольче», — Сара останавливается и довольно кивает. — Ты его ещё никуда не надевала.

— У меня два и я не знаю, какое выбрать, — признаюсь, и достаю второе платье чёрного цвета.

— Оу, давай ты мне продемонстрируешь, и мы решим, — предлагает она, я киваю, и кладу оба платья на постель.

Тут же вспоминаю, что мне пришло сообщение от Ника и беру телефон.

Ник: «Чёрт, крошка, ты заставляешь меня улыбаться даже через мобильную связь»

Господи, и мне нравится это! Меня до идиотизма в голове заряжают его слова!

— Ник? — Сара стоит рядом со мной и хитро улыбается.

Я закрываю сообщение и бросаю телефон на кровать.

— Возможно, — пою, доставая из сумки две пары туфель и аксессуары.

— Миша, ты так… возможно… случаем… не влюбилась? — Спрашивает она, а я поднимаю голову и недовольно смотрю на неё.

— Нет, Сара, я не влюбилась. Он иногда бывает весёлым, — пожимаю плечами и решаю сменить тему разговора. — Садись, я начинаю шоу.

Мне удаётся перебить новые фантазии подруги, потому что она падает на постель и ожидающе смотрит за моей сменой одежды. Мы веселимся под музыку, прыгая, и я чувствую, что живу сейчас… тут. Моё сердце бьётся, и я вдыхаю реальный воздух.

В итоге мы выбираем чёрное платье с оголёнными плечами и красные бархатные лодочки. Сара настолько поглощена моими сборами на «свидание», что я ощущаю себя подопытной, над которой она проводит опыты. Она завивает мои волосы, то поднимает их, то опускает, останавливаясь на обычных локонах. Затем разрисовывает моё лицо. На этом, слава богу, всё заканчивается. И я, на удивление, ещё жива и не опаздываю.

— Миша, там какой-то бугай, говорит, что за тобой, — подруга входит в спальню, когда я критически осматриваю себя в зеркало.

— Это Майкл, шофёр Ника, — бросаю я и, подхватывая клатч, выхожу.

— Ты же мне всё расскажешь, да? — Шепчет она, следуя за мной.

— Да, — вздыхаю я и вижу внушающего своими размерами Майкла.

— Добрый вечер, — говорю ему, и он кивком головы здоровается со мной.

Хм, явно общение не его конёк.

— Удачи, — Сара целует меня в щёку, и я выхожу вслед за мужчиной.

В молчании мы спускаемся и выходим из дома, подходя к знакомому внедорожнику. Он услужливо открывает мне дверь пассажирского сиденья и предлагает руку. Я всё же соглашаюсь на эту помощь, опираясь на него, поднимаясь на ступеньку, и скрываюсь в салоне «Кадиллака Эскалейда». Мы едем в тишине, а моё сердце нещадно стучит в груди. Безумно нервничаю, а ведь это всего-навсего ужин. Обычный ужин с мужчиной. Я стараюсь привести свой внутренний мир в спокойное состояние и, закрыв глаза, делаю дыхательные упражнения, немного расслабляясь под классическую музыку. Машина плавно останавливается, и я открываю глаза, замечая, что мы снова у знакомой башни.

Никакой фантазии.

— Мисс Пейн, у меня приказ подняться с вами в ресторан и быть рядом с вами, пока не приедет мистер Холд. По моим данным, он будет примерно через пятнадцать минут, — сухо сообщает мне Майкл.

— Делайте свою работу, — я безразлично пожимаю плечами раздражаясь. Мог бы быть поприветливее со мной.

Он кивает мне и заглушает мотор, выходя из машины, и через несколько мгновений открывает дверь для меня и помогает спуститься. Заблокировав машину, он указывает мне рукой, чтобы я шла вперёд. Я, сохраняя на лице маску холодности, прохожу мимо него, гордо неся себя. Знакомый путь до тридцатого этажа проходит в молчании. У гардероба Майкл помогает мне раздеться, я сама беру номерок, отчего получаю недовольный взгляд.

Да, я самостоятельная, и нечего так на меня смотреть!

Мы подходим к той самой Шанне, и она, прищурившись, осматривает меня. Я улыбаюсь ей своей самой сладкой улыбкой, показывая, что: «Да, детка, я вернулась».

— Столик для мистера Холда, — раздаётся голос Майкла позади меня, и девушка моргает.

— Добрый вечер, мы рады видеть вас в нашем ресторане, — ей явно не нравится, что Ник пришёл вновь со мной, хотя фактически я одна, но всё же, в её тоне сквозит зависть.

То самое чувство превосходства просыпается во мне, и я больше не нервничаю. Довольна происходящим.

Замечаю, сегодня ресторан полон и надеюсь на то, что тут не будет знакомых папы. Иначе мне шею свернут.

Шанна нас ведёт к тому же самому столику в конце зала, и я ощущаю на себе заинтересованные взгляды. Чёрт, это так приятно, что не могу сдержать улыбку и парю в воздухе. Уже не помню, когда в последний раз ловила на себе столько восхищения, ведь я выбираю последние два года только недорогие кафе и бары. А в данный момент понимаю, что мне нравится быть элитой. Мне нравится соответствовать этому миру, но червячок по имени Люк, тут же появляется в голове и я, хмурясь, сажусь на стул, лицом к залу.

— Мистер Холд сделал заказ, можете исполнять, — приказывает Майкл и присаживается рядом на соседний стул вполоборота ко мне.

— Конечно, — Шанна натягивает услужливую улыбку и удаляется, оставляя нам меню.

Я кладу клатч на стул слева от себя и отворачиваюсь к окну.

Люк не звонил мне, не писал и полностью игнорировал. Я чувствую себя гадко, как будто предаю его, но ведь это только ужин. Всего лишь обычное общение, которое я

разрешаю себе. Не более. Никакого продолжения, утолить свой интерес и на этом поставить точку. Правда?

— Добрый вечер, ваше шампанское, — произносит мужской голос, и я поворачиваю на него голову. Мне демонстрируют бутылку «Дом Периньон Розе», и я кивком головы, подтверждаю заказ.

Сомелье с ловкостью откупоривает бутылку и наливает в один бокал — мой. Положив бутылку в ведёрко на ножке, он отходит в сторону и ожидает, когда я его вновь позову пустым бокалом.

Беру в руки бокал и немного отпиваю, смотря невидящим взглядом впереди себя. Вокруг люди бурно обсуждают прошедшую неделю, где-то раздаются взрывы хохота, и я чувствую себя глупо. Вся восторженность сразу же улетучивается, и обстановка начинает давить на меня, что я отставляю уже пустой бокал. Кажется, что сижу одна целую вечность. Сбоку пара сменяется щебечущими подругами, напротив меня столик тоже освобождается и его занимает семья с родителями. А я одна. До сих пор одна.

— Нам долго ждать? — Недовольно произношу, оборачиваясь к Майклу.

— Ждать, — отрезает мужчина, продолжая смотреть вглубь ресторана.

Хватит с меня. Вырядилась, как последняя дура. А он разыгрывает партию, в которой и меня видит пешкой. Довольно. Ухожу.

Десятый шаг

Неожиданно Майкл подскакивает, удивлённо поднимаю на него голову, он с каменным выражением лица смотрит вперёд.

Больной идиот. Да и я не лучше. Пора встать и уйти. Пора, но отчего-то не могу. До боли обидно, что до сих пор жду.

Вздыхаю, обещая себе потерпеть ещё десять минут, а затем молча сбежать. Перевожу взгляд туда же, куда смотрит Майкл. Мимо столиков идёт Ник, а рядом чуть ли не скачет Шанна с улыбкой. Я замираю, и сердце снова начинает ускорять свой ритм, а ладони потеют. Это он.

Николас Холд действительно эффектный мужчина, в иссиня-чёрном костюме с расстёгнутыми двумя пуговицами и мощной фигурой. Его нельзя не заметить. Нельзя пройти мимо, не обернувшись. Нельзя игнорировать. Для его самомнения есть подходящая почва и в данную минуту я наблюдаю за ней. Сглатываю, когда он подходит к столику, и только сейчас замечаю увесистый букет красных роз на сгибе его локтя.

— Мишель, — в его голосе слышно облегчение, и я улыбаюсь, приподнимаясь со стула. Изгибая бровь, снова смотрю на цветы, а Ник медленно и лениво проходится по моей фигуре и встречается со мной глазами.

— Ник, — произношу я и немного киваю. Мне становится неловко, потому что замечаю, как ближайшие столики наблюдают за нами.

— Приношу свои извинения за такое длительное ожидание и опоздание. Это тебе, — говорит он, указывая на букет.

— Мило, — пожимаю плечами и стараюсь не рассмеяться.

— И опять твоё мило, крошка, — улыбается и поворачивается к Шанне, которая, не переставая, смотрит на него.

— Поставь в воду и подзови официанта, Шанна. После заказа нас тревожить только в крайних случаях. Точнее не подходить, пока не позову, — официально и сухо говорит ей, и она кивает, сдуваясь на глазах.

— Спасибо, Майкл, верни мою машину в гараж и ожидай нас внизу, — Ник передаёт мужчине ключи, он кладёт их в карман, и оставляет нас одних.

Возвращаюсь на место, и Ник, расстегнув пуговицы на пиджаке, опускается на стул, жестом разрешая сомелье налить ему бокал шампанского. Отвожу взгляд от него, но ощущаю всей кожей его. Наверно, я слишком вырядилась.

— Ты очень сексуальна, — низким голосом произносит Ник, и я поднимаю голову.

— Слишком сексуальна, мне это не нравится, — добавляет он уже жёстче.

— Главное, чтобы мне нравилось, — заявляю я.

— А тебе нравится, когда на тебя все мужики пускают слюни, Мишель? — Он берёт бокал шампанского и делает глоток.

— А ты пускаешь слюни? — Нагло спрашиваю и повторяю его движение.

— Нет. Мои слюни при мне, а вот с реакцией своего тела ничего поделать не могу. У тебя есть опция «скорая помощь»? — Он бросает мне вызов, а я чуть не давлюсь шампанским.

От едкого ответа меня спасает подошедший официант, и я благодарственно улыбаюсь ему, но зато Ник на него бросает уничтожающий взгляд, что парень сглатывает.

— Добрый вечер, вы готовы сделать заказ? — Нервно осведомляется он.

— Выбирай ты, — обращаюсь к Нику, — в прошлый раз мне всё понравилось.

— Спасибо за доверие, крошка, — отвечает он и делает другой заказ. Официант быстро записывает всё и ретируется от нашего столика.

— Я прочитала книгу по психологическим образам, которые примеряют на себя люди, — меняю тему, и Ник удивлённо приподнимает бровь.

— С чего такое желание?

— Хотелось разобраться в тебе, — признаюсь я.

— И каково твоё мнение? — Усмехается он.

— Оно не изменилось, — беру бокал с шампанским, делая глоток.

— Интересно. Поделишься? — Интересуясь, он откидывается на стуле.

— Ты пытаешься раскрыть мою сущность, когда скрываешь свою. Много приходится утаивать от себя самого? — Прищуриваясь, перебираю в памяти все умные слова, которые прочла.

— От себя ни капли. А вот от других достаточно, как и тебе. Меня волнует вопрос, — подхватывает бокал с шампанским, приподнимая его и отпивая напиток. Не сводит с меня взгляда, тереблю пальцами ножку своего бокала.

— И? — Нетерпеливо произношу я. Улыбается, медленно отставляя бокал, словно специально выводя меня на эмоции.

— Зачем ты ходила на сеанс фильма, если так красноречиво высказывалась по поводу главной темы, что там представлена? — Чётко произносит он, придвигаясь ко мне.

— Ты слышал всё, — шепча, покрываюсь отчего-то горячей волной стыда за свои комментарии.

— Ты видела, где было моё место. Позади. Так зачем? Интерес или же нечто иное?

— Подруга попросила меня с ней сходить. И да, ты прав, моё мнение осталось прежним. Я не понимаю, откуда такой интерес к боли, когда это ужасно. Только люди, превратившиеся в чудовищ, могут заведомо зная о ней, уверять о том, насколько она прекрасна, — с отвращением кривлюсь, допивая до дна шампанское. Ник кивком головы подзывает сомелье, требуя обновить бокалы, пока я ощущаю, как алкоголь благородно смешивается с кровью и туманит немного окружающий мир.

— Люди порой не представляют, что хотят на самом деле, — подаёт он голос, когда нас оставляют одних.

— Вряд ли нормальный человек жаждет ощутить боль, — качаю головой.

— В практике всё иначе, Мишель. Есть иной вкус боли, который ты можешь испробовать, только перейдя грань, — вглядываюсь в глаза Ника, которые в момент темнеют, а его голос становится сладок, словно шоколад.

— У боли один вкус — гнили. От неё не отмыться и не спрятаться. Я никогда не пойму людей, которые выбирают такой путь. Особенно тех, кто это предлагает, — отрезаю я.

— А как ты, вообще, оказался там? — Добавляю я.

— Райли пригласил с собой. Это был вынужденный поход, — пожимает плечами, и я растягиваю губы в улыбке. Ник вопросительно приподнимает брови.

— А меня Сара. Если они увлечены такими видами кинематографа то, возможно, следует их познакомить друг с другом, — произношу я вслух в момент появившуюся идею. На секунду его лицо вытягивается, а затем он начинает хохотать. Действительно смеяться, проводя ладонью по волосам и откидываясь на стуле.

— Что я такого сказала? — Обиженно выпячиваю губу, и он поднимает голову, ещё смеясь.

— Ничего, крошка. Ты забавная, — прочистив горло, он тянется за бокалом.

— Спасибо, дал оценку как мартышке, — бубню я недовольно и отпиваю алкоголь.

— Мишель, посмотри на меня, — требует он сурово, и я нехотя подчиняюсь. — Ещё раз так скажешь, придумаю тебе изощрённое наказание. В том, что я смеюсь, нет ничего плохого. Наоборот, это означает, что мне нравится быть сейчас с тобой. Поняла?

Он раздражён, и я чувствую это, только кивая на его слова. Ник отводит от меня взгляд и смотрит на скатерть. Алкоголь в крови просыпается и у меня в голове появляются различные отрывки из книги, которую я читала.

— Кто ты, Ник? — Вырывается вопрос. Мужчина резко поднимает голову и его глаза прищуриваются.

— Я не знаю ничего о тебе, а ты обо мне всё. Ты изучил меня, а я не могу. Ты не даёшь, — поправляю себя.

— Что ты хочешь узнать? — Спокойно спрашивает он.

— Твои родители живут в Торонто?

— Да.

— Чем ты занимаешься?

— Всем.

— Где ты родился?

— Берлингтон.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь, родился восемнадцатого декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

— Ты женат?

— Нет, — он изгибает губы в улыбке.

— Ты гей?

— Что? — Выдыхает он, а я закрываю рот рукой, не понимая, как такое вырвалось вообще.

— Ох, прости…

— Нет, Мишель, я не гей, — он подавляет в себе желание рассмеяться, а я чувствую себя неловко. — И разве был бы я здесь, если бы предпочитал мужчин? Наслаждался бы твоим присутствием?

— Вы с Райли похожи, родственники? — Я перевожу тему, покусывая губу, чтобы не расплыться в самодовольной улыбке.

— Нет, мы росли вместе практически как братья, — отвечает он.

От следующего вопроса его спасает официант с нашим заказом, и я улыбаюсь, смотря на изысканное блюдо из крабов, которое ставят передо мной.

— Спасибо. Ты угадываешь каждый раз мои предпочтения, — обращаюсь к Нику и беру в руки приборы.

— Всегда, пожалуйста, Мишель. Мне приятно знать и наблюдать, как ты краснеешь, — он склоняет немного голову и расправляет на коленях салфетку.

— Почему ты зовёшь меня полным именем? — Интересуясь, я отрезаю кусочек аппетитного блюда.

— Потому что Миша, как называют тебя, это неподходящее прозвище. Мужское имя, а

ты более чем женская особь, — поясняет он.

— А почему…

— Ешь, крошка. Сначала поешь, а потом продолжишь свой опрос, мы никуда не спешим сегодня, — перебивает он меня и указывает взглядом на тарелку.

Я принимаюсь за еду, краем глаза, замечая, что Ник не особо-то и голоден. Он не спускает с меня своего изучающего взгляда. Ощущаю себя на каком-то шоу, где будут оценивать мои манеры. Это меня нервирует, но я не желаю этого ему показывать и, не обращая на него внимания, доедаю блюдо.

— Вчера ты меня удивила, Мишель, — неожиданно произносит Ник, откладывая приборы и отодвигая от себя тарелку.

— Чем? — Удивляюсь я.

— Тебя сильно впечатлила любовь на сцене, — подсказывает он, и я вновь ощущаю неловкость за свою эмоциональную сторону.

— Меня не это тронуло, — тихо отвечаю, опуская взгляд на живые цветы в центре столика. — Когда умирает человек на твоих руках, ты чувствуешь потерю, и неважно кем он был для тебя. Это человеческая особенность и только у сухарей не возникает чувства сострадания и жалости. К тому же ария была красивой.

Ник хмурится, обдумывая мои слова. А я тереблю салфетку на коленях, ожидая новой усмешки.

— В любовь я не верю, — торопливо произношу я.

— Не веришь? Почему? — В его голосе нет удивления, а обычная заинтересованность.

— Потому что любовью люди называют сексуальное притяжение, гормоны, зрительное наслаждение человеком. Они хотят быть необходимыми и придумывают эти чувства себе, а затем интерес гаснет. Никакой глубины, никакого продолжения, как вспышка от фотокамеры. Она есть и тут же исчезает, не оставляя в тебе ничего, кроме ярких точек перед глазами. Безысходность, в которую люди хотят верить, — произношу я задумчиво.

— А влюблённость? Есть ли между этими словами хоть какое-то различие? — Интересуется он.

— Не верю. Та же химия в организме, всё можно объяснить научно, но приятней для слуха возвышенные слова, хотя на самом деле это просто обман. Обман всего, во что ты хочешь верить. Влюблённость, как пишут, психологическое расстройство головного мозга, а любовь зависимость. Тот же самый наркотик — отвечаю я, и это поселяет в душе грусть.

— Это тебя расстроило, Мишель. Почему? — Он с лёгкостью читает меня, отчего я горько усмехаюсь.

— Потому что мир чёрный и белый, иногда хочется красочности, а её нет. Не бывает, только вот так. Ты или падаешь, или балансируешь на неустойчивом склоне, чтобы не сорваться вниз, — честно отвечаю я.

— Нет, Мишель, ты ошибаешься в этом. Мир не делится на плохое и хорошее. Он делится на фантазию и реальность. Но всегда можно раскрасить свою жизнь, следуя истинным желаниям. Только они помогут понять, во что ты веришь на самом деле, — голос Ника мягок и ласкает меня с противоположного конца стола. Это отзывается во мне неким спокойствием. Смотрю на него и слабо улыбаюсь, отмечая насколько мне комфортно сейчас быть с ним.

— А ты следуешь своим реальным желаниям? Ты знаешь, чего ты хочешь? — Интересуюсь я.

— Да. Мой режим и ритм жизни налажен до мельчайших внедрений. Но порой случаются непредвиденные обстоятельства, вроде родителей, которые заставляют тебя не показывать себя настоящего. Зачем растрачивать минуты на то, что пошатнёт душевное равновесие? Лучше этого не начинать, — уверенно произносит он.

— А если нет выбора?

— Выбор всегда есть, Мишель, только большинство под чувством страха и навязанных понятий, двигаются в неправильном направлении, не хотят принимать очевидного и сливаются с массой, — мягко отвечает Ник.

Я замолкаю и понимаю, что мы не называем имён, но говорим обо мне и моей семье. Горло сдавливает, и я моргаю, чтобы не портить настроение.

— Мишель, — зовёт меня тихо Ник, и я концентрирую на нём туманный взгляд.

— Да?

— Тебе не нравится твоя жизнь?

— С чего ты взял?

— Ответь. Постарайся ответить честно, ведь я честен.

— Нравится, у меня всё есть: деньги, стабильное будущее, семья, друзья. Да и мы не выбираем свою жизнь, она такая, какая есть, — я натягиваю улыбку и допиваю шампанское, принимая непринуждённый вид.

— Врёшь, но я не виню тебя. Принимаю. Почему ты не хочешь впустить меня в неё? — Этот вопрос обескураживает меня, и я недовольно отворачиваюсь к окну, где располагается город с мерцающими огнями.

Но желание докопаться до его истинных мыслей берёт верх, и я резко поворачиваюсь и спрашиваю:

— Зачем тебе это? Тебе плохо в твоей тайной жизни?

— У меня не тайная жизнь, крошка. Я её не демонстрирую каждому встречному, это личное пространство, в которое не допускаю посторонних.

— Зачем тебе я? Ты сам сказал у тебя всё прекрасно, размерено, и, уверена, девушки за тобой толпами бегают. А я не собираюсь с тобой спать, у меня есть парень, — заявляю и удерживаю его холодный взгляд.

— Заметь, не я упоминаю о сексе, Мишель, — усмехается он, а я скриплю от злости зубами. — Но ты не можешь отрицать, что между нами существует больше, чем общение, — парирует он и пытается вытянуть из меня душу. Это ещё больше выводит меня из себя, до яростно бьющегося сердца возмущает меня его уверенность.

— Не могу понять тебя, — тихо произношу я.

— Тебе и не надо понимать меня, ты должна просто расслабиться рядом со мной и дать мне возможность заботиться о тебе. Ты должна быть в первую очередь женщиной, а не бороться со мной. Это только заведёт тебя в тупик, из которого нет пути. И в данный момент ты именно туда и идёшь, лишь из-за страха отвергая саму себя. Это глупо, — цокает он и щёлкает пальцами, официант тут же реагирует.

— Счёт, — бросает Ник без предисловий, и парень, собирая со стола тарелки, уносится вглубь ресторана.

Одиннадцатый шаг

Откидываюсь на спину стула и беззастенчиво смотрю на него. Красивый и холодный. Я чувствую, что он одинок. Для меня он загадка, тайна, которую невозможно раскрыть, но я хочу этого. Возможно, сейчас я рассуждаю под действием алкоголя, но желание понять его не отпускает меня. В то же время заторможенное сознание доносит до меня его слова, которые он бросил мне и обвинил в глупости. Но он ничего не знает. Ни капли не представляет, чего я опасаюсь. Его. До жути боюсь узнать вкус падения.

Эти мысли вызывают ледяное покалывание на коже, и мне необходимо себя чем-то занять. Открываю клатч и достаю телефон, где мигают пропущенные звонки и три сообщения.

— Положи обратно, — резко говорит Ник.

— Да пошёл ты, — шепчу я и назло ему просматриваю входящие.

— Мишель, не выводи меня. Ты здесь со мной, чёрт возьми, так веди себя вежливо хотя бы эти минуты, — яростно произносит он.

— Ник, отвали, я всего лишь проверяю пропущенные звонки, — поднимаю голову и вижу, что он просто кипит. Его грудь поднимается чаще, и он режет меня острыми краями горького шоколада глаз.

— Как же я хочу заткнуть тебя, Мишель. Ты намеренно выводишь меня из себя, только ничего не пройдёт безнаказанно. Я никому не позволяю так со мной разговаривать, а тем более неуверенной в себе вульгарной девице, которая бежит от себя. Но я не собираюсь наблюдать за этим, поэтому вспомни всему, чему тебя должны были обучить и стань настоящей. Прекрати играть, ты не пешка, а выглядишь именно такой. Управляй сама своей жизнью, сейчас же ты лишь воск, — грубо говорит он, от его слов я задерживаю дыхание.

Я чувствую, что к горлу подкатывается комок, и пытаюсь сглотнуть его, но ничего не выходит, и я просто опускаю голову, чтобы побороть туман в глазах. Никто так со мной не говорил. Открыто. Чётко. Больно. Обидно. А он… всё позволяет себе. Буквально всё, надавливая на мои плечи и опуская меня вниз.

Мои руки крепко сжимают телефон, я готова бежать.

— Крошка… чёрт, Мишель, только не плачь. Не заставляй меня чувствовать себя уродом, но ты заслужила это. Ты специально делаешь то, что я ненавижу. Я требую, чтобы ты была честна со мной. Но прячешься. А я всё вижу, Мишель, буквально всё, потому что понимаю тебя. Ты играешь со мной, но этого не стоит делать. Это может плохо кончиться… для тебя, — я не могу понять ни одной эмоции в нём, это ещё больше усугубляет моё положение.

— Я не собираюсь плакать, Ник, — поднимаю голову и вкладываю в слова как можно больше презрения. — Ты мне никто и не имеешь права отчитывать меня или же унижать. Следи лучше за собой и своей великолепной жизнью. Я буду делать то, что считаю нужным, а твои вспышки ярости меня тоже раздражают. Обратись к психологу, это необходимо лечить, а то на людей начнёшь бросаться лишь потому, что на тебя не так посмотрели. И не угрожай мне, это не в твоей власти. Ты ни черта не видишь, кроме себя. Я тоже требую, чтобы ты оставил меня в покое. Это была ошибка прийти сюда.

Заканчиваю свою гневную тираду, хочу вскочить и уйти. Но понимаю, что это будет выглядеть по-детски и незрело, поэтому стойко сношу его молчаливое негодование.

Официант с аппаратом для кредитной карточки появляется вовремя, и всё внимание

Ника переходит на него. Я ему искренне сочувствую, потому что парень явно вторит моему внутреннему миру.

Я всё же опускаю глаза, назло ему, чтобы доказать себе — он не прав. Я другая, а он ничего не знает обо мне. А весь этот фарс я лишь ощутила под действием алкоголя. Не более. Читаю сообщения.

***Люк*: «Привет. Я понимаю, что ты не хочешь меня показывать друзьям и родителям. Я, правда, понимаю, Миша. Может быть, завтра погуляем?»**

Эти слова трогают мою душу, напоминая мне, что не одна я, а Ник всего лишь пытается давить на меня, использовать меня.

«Привет, я тоже соскучилась по тебе. Завтра для тебя я свободна, прогуляю тренировку, возможно, получится уговорить папу отпустить меня вечером. Но в первой половине дня я свободна», — нажимаю на «ответить» и отправляю сообщение.

— Если ты закончила демонстрировать мне, насколько отвратительно тебя воспитали. То мы можем идти, — холодно заявляет Ник, и я поднимаю голову. Он смотрит на меня с нескрываемой дикостью. Уверенно вскидываю подбородок и встаю. Хочу показать ему, что я не боюсь его ни капли. И пусть сердце разрывает грудную клетку, а дыхание ускорено. Пусть это не так, но он никогда об этом не узнает.

Ник хватает меня за руку, отчего я сжимаю губы, позволяя меня вести за собой. Не закатывать сцену среди множества людей, дабы не привлекать внимания.

— Цветы, — вспоминаю я, а мой мучитель зло поворачивается.

— Я отдал приказ, чтобы их забрала Шанна. Для тебя это всего лишь мило, — язвительно отвечает он.

— Так можешь остаться тут, и пусть она ублажит тебя за них. Ты ведь потратился, — ядовито произношу я.

Он резко дёргает меня за руку и буквально тащит за собой. Мы пролетаем мимо растёкшейся по полу от восхищения выкрашенной швабры-Шанны и подходим к гардеробу.

— Отпусти, мне больно, — шиплю я, делая попытку освободиться.

— Будет больнее, — фыркает он. — Где твой номерок?

Я кручу перед его лицом клатчем, и он вырывает его из моих рук. Совершенно разумно не соображаю, а надо было, потому что я бы поняла и уловила тот момент, когда вошла в клетку с опасным зверем. И самое глупое, что я играю с ним, распаляя его с каждой секундой всё сильнее.

— Прекрати, чёрт возьми, так себя вести! — Возмущённо говорю, но он смеряет меня таким же взглядом и отпускает.

Растираю своё запястье, пока Ник с суровым видом забирает моё пальто, а затем насильно поворачивает к себе спиной и принудительно надевает его на меня.

Пытаюсь отскочить от него, но он не даёт и снова моя рука в его хватке.

— Ник, мне больно, — я ударяю его по плечу, но он даже не двигается. Его губы плотно сжаты, желваки бегают на скулах, он смотрит на дверцы лифта. Я уже готова хныкать от страха, но изо всех сил держусь.

Лифт открывается, выпуская новых гостей ресторана, и мы входим в него.

Он нажимает на первый этаж, и разворачивает меня к себе, прижимая к стенке лифта руками, сжимая до хруста плечи.

Я слышу своё громкое дыхание, и моё тело предаёт меня и начинает дрожать от его безумного взгляда. Глаза потемнели настолько, что едва не сливаются с расширенными

зрачками.

— За что ты так со мной? — От напряжения теряю голос.

— Я хочу задушить тебя за твои слова, за твоё поведение, за твоё издевательское отношение. Это ты мне скажи, за что ты так со мной? Тебе нравится общаться со швалью, которая только использует тебя? — Он рычит, и его голос разносится эхом по маленькому пространству.

— Ты не имеешь права так обзывать незнакомых тебе людей. Кем ты возомнил себя? Ты не уважаешь никого кроме себя! Но и я тебя не собираюсь уважать. А люди достойны этого, — обвинительно отвечаю я.

— Достойны? — Он уже срывается на крик, что я вздрагиваю и жмурюсь. — Ошибаешься, Мишель, люди ничего не достойны, пока не проявят себя. Вот тебе ещё одна правда жизни: каждый человек использует другого себе во благо превращая его в пешку, которой тебе быть удобно!

От злости и обиды я толкаю его в грудь, что он от неожиданности делает шаг назад. Мне хочется ударить его ещё раз.

— Кто так тебя обидел, Ник? Кто тебя использовал, что ты стал таким монстром? У людей хотя бы есть сердце, а в тебе один лёд. Но когда-нибудь он растает, и ты сгоришь! Сгоришь один именно с такими суждениями. Лучше я буду пешкой, но не в твоих руках! — Кричу я, и дверцы раскрываются.

Вылетаю из лифта, задевая его плечом. На тонкой шпильке сложно идти быстро, и я ненавижу себя за то, что испытывала к этому человеку симпатию. Моё тело бьёт крупная дрожь от адреналина, я ни разу в жизни не испытывала такую встряску.

Оказываюсь на улице, судорожно ища варианты как добраться до Сары. Такси, самый верный способ. Но я не успеваю сделать шаг, меня хватают за руку, затаскивая обратно в тёмное здание. Вскрикиваю, и уже прижата к стене, а надо мной нависает Ник.

— Не оканчивай этот вечер так, Мишель. Я планировал всё иначе, но ты просто разломала всё своим показным характером. Зачем? Неужели, твой обман намного важнее настоящей тебя? — Я слышу горячий шёпот прямо в моё лицо, делая попытку вырваться. Но он придерживает меня за талию.

— Оставь меня… чёрт бы тебя побрал, Ник! — Ударяю его по плечам, а губы трясутся, как и голос. — Ты самый ужасный человек, самый чёрствый и агрессивный в этом мире. Ты пытаешься залезть в мою душу, разбирая мою жизнь. Зачем? Это ты ответь, в чём твоя выгода? Ты обижаешь, не замечая этого.

— Да, я такой. Я не притворяюсь в отличие от тебя. Я прошу прощения за то, что могло обидеть тебя, крошка. Уверен, что ты переписывалась с твоим Люком, и это раздражает. Ты прячешься за ним, хотя разумом понимаешь, что это конец. Ваш конец. Ты была со мной. Со мной, чёрт, но унизила меня, показав, насколько тебе я неприятен. И врёшь, но врёшь только себе, — Ник продолжает держать меня, а я дышу рвано, пытаясь угомонить сердце внутри. Слишком глубоко. Страшно от его правды.

— Слова нельзя удалить из памяти. Отпусти меня, Ник, потому что ты мне действительно неприятен. Но я не хочу устраивать сцен и всего лишь желаю отправиться отдыхать. Я совершила глупость, подумав, что ты можешь быть человечнее, — стараюсь сделать всё, чтобы мой голос звучал холодно и, чувствую, что он подчиняется мне.

Я на секунду закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Мне необходим кислород, воздух вокруг спёрт и пронизывает меня иголками.

— Мистер Холд, — сбоку от нас появляется из ниоткуда Майкл и смотрит попеременно то на него, то на меня.

— Мишель, я отвезу тебя домой, как и полагается, — беспрекословно говорит Ник, отходя от меня на шаг.

— Хорошо, — сухо киваю я.

Внутри меня словно пронёсся тайфун, и я теперь ощущаю усталость во всём теле. Мы идём к машине, где передо мной Майкл открывает дверь и помогает мне сесть. Ник самостоятельно забирается и не делает попыток никак воздействовать на меня более.

— Майкл, по тому адресу, откуда вы забирали меня, — командую я, и шофёр, обернувшись, ждёт подтверждения от босса, и тот кивает ему.

Машина начинает плавное движение, а из колонок раздаётся Вивальди. Я кладу голову на подголовник и смотрю на пробегающие пейзажи.

— Почему ты ночуешь у Сары? — Слышу тихий и спокойный голос Ника.

— Потому что благодаря тебе я наказана, а чтобы встретиться с тобой, мне пришлось соврать, что пойду с подругой в бар. И я чертовски сожалению, что ложь не оказалась реальностью, — грубо отвечаю я.

— Хочу тебя видеть завтра, — он удивляет меня своей решимостью добить меня до конца, что мне становится смешно.

— Твои проблемы, — равнодушно произношу я и через секунду добавляю. — У меня свидание с моим нежным и замечательным парнем.

Моя кожа покрывается мурашками от смены атмосферы в салоне автомобиля, я уже мысленно ругаю себя за эту нелепую попытку показать ему, что он мне не нужен. Я подставляю под удар Люка, зная, что у Ника неконтролируемые вспышки ярости, и от него можно ожидать всего, что угодно.

— Ты хочешь узнать, кто я такой? Почему так веду себя и что хочу от тебя? — Стальным голосом спрашивает он, и я поворачиваю голову в его сторону.

— Мне это больше неинтересно, — вру я.

— Если передумаешь, то — вот, — он роется в кармане переднего сиденья и достаёт лист и ручку, что-то быстро пишет и протягивает мне.

— Это адрес моей квартиры, где я проживаю. Завтра с семи вечера буду ждать тебя. Если ты не придёшь, то больше не стану мешать тебе жить в твоём выдуманном мире.

Он бросает мне на колени лист, потому что я не двигаюсь и ошарашенно смотрю на него.

— Сколько трупов оттуда вывезли? — Язвительно произношу я.

— Не паясничай, Мишель. Никто не знает о ней, кроме нескольких лиц, которым доверяю. Ты первая девушка, кому я даю пароль от своего местожительства, — он отворачивается к окну. Я перевожу взгляд на чёрные чернила и беру в руки лист, сворачивая вчетверо.

— Почему? — Хмурюсь, совершенно сбитая с толку.

— Потому что я выбрал тебя, — едва слышно отвечает Ник.

Кладу его адрес в карман пальто, но точно знаю, что никуда я не пойду. В мои планы не входит смерть в девятнадцать лет.

Остальную часть пути мы проводим в мрачном молчании.

Мои мысли путаются, давление скачет так резво, что в ушах стоит шум, а виски давит. Я желаю только поскорее добраться до квартиры Сары и встать под душ, чтобы смыть с себя

этот ужасающий вечер.

Машина останавливается там же, где и забирала меня.

— Майкл, выйди. Оставь нас, — отдаёт приказ Ник.

— Я…

— Две минуты, Мишель, — он поворачивается ко мне, и я слышу в его голосе просьбу, что уже ново.

Шофёр послушно выходит, оставляя нас в темноте и наедине. Я боюсь его, боюсь так сильно, что сжимаю руками свой клатч, словно оружие. Я не знаю почему, но в голове мигает только единственная мысль: *«Беги. Спаси свою жизнь!»*

— Я не тот, кто ты думаешь. У меня на всё есть объяснение. Завтра, если ты придёшь, то я отвечу на любой твой вопрос. Я не могу контролировать себя, потому что ты противишься мне и себе. Тебе необходима ясность. Ты ошиблась, меня не заводит противостояние, наоборот, я человек, который не заставляет, а лишь предлагает. Я всегда контролирую свою жизнь. А с тобой всё рушится, как карточный домик. Ты хотела узнать меня, я готов рассказать тебе всё, но не могу это сделать в данный момент. Тебе необходимо всё обдумать и осмыслить. А сейчас я ещё раз приношу свои извинения.

Он оканчивает свою речь, я жмурюсь от переизбытка информации.

— Ты меня так путаешь, Ник, — шепчу я.

— Ты меня тоже, — отзывается он.

— Ответь мне на один вопрос, который не даёт мне покоя, — прошу я его.

— Хорошо.

— Почему вчера ты не поцеловал меня?

— Потому что… — замолкает, и я слышу его глубокое дыхание. — Потому что я не целуюсь, Мишель. Я не целую девушек в губы. Никогда. Для меня это табу, это неприемлемое и нерушимое правило.

— Я рассчитывала на честный ответ, ведь ты так гордишься этой своей чертой, — фыркаю от такой глупой лжи.

Разворачиваюсь, чтобы открыть себе дверь, но он хватает меня за руку и обнимает за талию, притягивая к себе.

— Я ответил честно, крошка. Как бы я ни хотел, чтобы ты пришла ко мне завтра, не стану трогать твои губы своими. Никогда.

Он опаляет горячим дыханием моё ухо, а до меня доходят его слова, но принять их было нереально.

— Почему? — Выдавливаю из себя.

— Я не могу тебе сказать этого сейчас. Но, Мишель, буду надеяться на встречу и тогда поделюсь с тобой.

— Новый рекламный ход? — Хмыкаю я.

— Нет. Я уже говорил, что оберегаю свою жизнь и не доверяю никому, кроме Райли. Даже тебе я не могу верить. Ты не даёшь мне возможности этого сделать.

Я жмурюсь так сильно, что это приносит боль, и глаза начинают гореть. Ник до сих пор держит меня за талию и в этот раз не делая никаких попыток соблазнить меня. Он просто ждёт.

— Мне надо идти, — одними губами говорю, и он отпускает меня.

— Доброй ночи, Мишель. Спасибо тебе, что согласилась поужинать со мной, — мне в спину говорит Ник.

Быстро выскакиваю из машины, что чуть не падаю, но удерживаю равновесие. Не смотря назад, закрываю за собой дверь, не прощаясь с ним. Я не могу ему ответить, не могу больше ничего сказать и быстрым шагом иду к центральному входу в дом. Как только забегаю в закрытое пространство, останавливаюсь и прислоняюсь к стенке, чтобы позволить себе дышать.

— Господи, — шепча, поднимаю голову.

Что с этим мужчиной не так?! Что, чёрт возьми, мне делать?! Откуда он взялся, свалился на мою голову?

Голова кишит вопросами, которые я могу завтра с лёгкостью узнать, приехав к нему. Пытаюсь не упасть от дрожи в теле благодаря новым эмоциям. Неужели это и есть реальность, о которой я ничего не знаю?

Грудь давит, и я зажимаю руками голову, чтобы прекратить шум в ушах.

Стою на бесцветной полосе и мне надо шагнуть или вперёд, или назад. Только я не могу сделать ни единого движения. Мне холодно. Мне страшно. Я хочу быть невидимкой в этом мире. Но… чёртово «но» никогда мне не помогает…

Двенадцатый шаг

Сквозь дремоту ощущаю, как на меня кто-то смотрит. Хотя глаза плотно закрыты, но уверена, что за мной наблюдают. Хмурюсь и переворачиваюсь на бок, чтобы прогнать от себя неприятное восприятие. Раздаётся раздражённый вздох рядом, а затем бурчание не самых приличных выражений.

— Боже, Сара, ты издеваешься? — Хныкая, накрываюсь с головой одеялом.

— Миша, чёрт! Я уже не могу ждать, — подруга срывает с меня одеяло, но я ещё сильнее закрываю глаза и накрываю голову подушкой.

— Нет, уже половина одиннадцатого, а вчера я из тебя ничего не вытянула. Ты только сказала, что сегодня. Полночи не спала, а сейчас взорвусь от интереса и ожидания, — подруга трясёт меня на кровати, подпрыгивая вместе со мной. Приходится открыть глаза и сесть, оттолкнув её руки.

— Что ты хочешь? — Несколько раз моргаю, чтобы окончательно проснуться и обречённо вздыхаю.

— Что хочу? Хочу всё с детальными подробностями! Он поцеловал тебя? Какой он? Он теперь тебе больше нравится? Люк в прошлом? — Она быстро перечисляет вопросы, отчего я закатываю глаза и сползаю с постели.

— Сара, отвечаю раз, больше не повторяюсь, и на этом мы забудем вчерашний вечер. Итак: нет; больной придурок; нет; нет. Удовлетворена? — Сухо произношу я.

— Мда, что же он сделал такого, раз твоё отношение к нему настолько отрицательно поменялось? Ведь я помню вчера…

— Прекрати, — обрываю её. Чтобы занять себя чем-то и выплеснуть живущее в теле раздражение за недосып, начинаю собирать свои вещи по полу и пихать их в сумку.

— Оу, ладно, какие мы сегодня нервные. Молчу, — подруга поднимает руку, но хитрый прищур зелёных глаз говорит о том, что разговор этот мы ещё не окончили.

Приняла решение за эту бессонную ночь — оставить всё как есть. У меня есть парень, моя жизнь выстроена по часам, и я должна знать, где буду завтра. Глупость была согласиться на этот ужин, моя глупость, потому что мне страшно. Сейчас ужасно страшно понимать, насколько интересно узнать больше о нём. И чтобы не было соблазна написать, удалила все сообщения Ника, запретила себе даже думать о нём, как о человеке.

Николас Холд — психически больной человек. Один из его диагнозов — филемафобия[1], если он не соврал насчёт его нелюбви к поцелуям, и тянется она из детства. А мне своих расстройств психики достаточно, чтобы познавать чужие. Нет, я не хочу проблемного мужчину. Не могу больше участвовать в новой драме, которая преследует меня.

Убеждаю себя, что это не должно меня касаться, пусть его расстройствами занимаются «знакомые» или Шанна. Да хоть кто, но не я. Никогда в жизни не испытывала такого страха, как вчера. Мне казалось, что можно умереть от переизбытка адреналина.

Всю ночь, когда мне, наконец-то, удалось немного расслабиться, мне снились его налитые кровью тёмные глаза с ярким костром внутри, которые манили к себе, а затем сжигали снова и снова, причиняя боль мне. Я не видела кошмаров настолько реальных уже давно, что просыпаешься в поту и пытаешься снова уснуть, а ничего не выходит, потому что картинки возвращаются, не отпускают тебя.

Попрощавшись с подругой, я договариваюсь встретиться с Люком в парке «Джесси

Кетчум» и забираюсь в машину. Чувствую себя разбитой, как будто из меня выпили всю кровь. Эмоционально выжатой, потому что до сих пор не смогла пережить этот вечер. Постоянно в голове то и дело появляются обрывки фраз, жесты, улыбка, мои ощущения. Всё это пугает и страшит, одна из моих реальных причин не идти по этой дороге.

Мне необходима доза кофеина, и я быстро паркуюсь у ближайшего «Старбакса».

Отгоняю от себя мысли, они лишние, слишком интересные и глупые. Необходимо сконцентрироваться на Люке.

— Привет, — улыбаясь, подхожу к парню в чёрной куртке.

— Привет, — он отвечает тем же и это помогает вернуть часть себя прежней. Ведь всё, как обычно, ночь сменилась днём, и я такая же, как и раньше.

Замечаю, насколько Люку не комфортно сейчас. Не знает, как дальше продолжить общение, он смущён. Беру его за руку, и парень заметно расслабляется.

— Пройдёмся? — Предлагаю я. Кивает.

— Как выходные? — Спрашивает он.

— Нормально, была у Сары, — пожимаю плечами.

— Я нашёл место в одной компании, они берут меня на полставки, придётся как-то совмещать работу, учёбу и тренировки, сезон уже на носу, — делится Люк.

— Очень рада, дорогой. Ты достоин этого, — стараюсь ободрить и немного сжимаю его руку.

— Я хочу быть достойным тебя, — тихо отвечает.

— Люк, — с укором смотрю на него. Упрямо сжимает губы. — Я сказала так отцу, потому что не хочу, чтобы ты чувствовал себя не в своей тарелке. Там куча пафоса и мне самой это не нравится, ты же знаешь. И ты не любишь подобные вещи.

— А он это любит? — Неожиданно спрашивает Люк и останавливается.

— Кто? — Недоуменно смотрю на него.

— Тот, кто забрал тебя. Тот, с которым ты обнималась, — уточняет он.

— Боже, Люк! — Возмущаюсь и, вырывая руку, опускаю в карман, где тут же нащупываю бумагу с адресом Ника.

— Просто, если он нравится тебе и твой отец хочет… я пойму, — он смотрит за мою спину. Хочу разреветься оттого, что позволила себе вчера пойти на этот ужин с Ником. Чувствую себя отъявленной лгуньей… снова. И это разрывает меня.

— Посмотри на меня, Люк, — требую я, и он подчиняется, но его голубые глаза полны тревоги и печали. — Ник мне не нравится, он больной человек, это я знаю точно. Не хочу больше возвращаться к нему и к этим разговорам.

— Прости, Миша, но у меня ощущение, что этот урод здесь… сейчас… с нами. Как будто следит за тобой…

— Хватит, — резко обрываю я, но все же быстро оглядываюсь и не замечаю подтверждения его слов.

— Довольно, Люк. С каких пор ты стал таким параноиком? Что за фобии? За мной и раньше бегали парни, но ты не вёл себя так. В чём проблема? — Я взмахиваю руками от негодования.

— Он другой, Миша. Совершенно другой. От него несёт грязью и интересом, — говорит парень и хмурится.

— Поцелуй меня, — грубо прошу и хватаю его за куртку, смотря решительно в удивлённые глаза.

— Что?

— Поцелуй меня и обозначь свою территорию, раз тебе кажется, что Ник всё видит, — с силой встряхиваю его.

— Я… Миша, — Люк начинает заикаться и отрывает от себя мои руки.

— Не могу, — тихо говорит он.

— И что тебе мешает, чёрт возьми? То ты хочешь трахнуть меня, то требуешь большего, то ещё что-то, а теперь не можешь всего лишь поцеловать?! Я что, прокажённая какая-то?! — Зло шиплю.

— Твою мать, — трёт руками лицо и поворачивается ко мне. — Я не могу, потому что он трогал тебя! Не знаю почему, но обдумав всё, не могу. Ведь ты ничего не делала! Раньше бурно реагировала на любое прикосновение, а тут ничего! Ничего! Он изменил тебя с той ночи, я не понимаю как, но изменил!

Люк кричит, а я стою посреди тропинки и моргаю, понимая, что он прав. Ник меняет не меня, пытается сломать мою жизнь. И я пожинаю плоды, которыми он накормил меня.

Не хочу говорить больше. Мне просто нечего ответить, и делаю шаги назад от парня.

— Прости, — шепчу, разворачиваясь и срываясь на бег.

— Миша! — Кричит Люк, но я не останавливаюсь и несусь к тому месту, где бросила машину.

Внутри меня ком, и он с каждой минутой увеличивается. Это вызывает слёзы, которые уже катятся по щекам. Я не понимаю, почему всё получилось так неправильно. Что произошло с моим миром?

Торопливо забираюсь в машину и стираю тыльной стороной ладони слёзы, чтобы видеть, куда еду. Не могу поехать домой, не хочу туда. Хочу побыть одна, разобраться в себе. Но ведь я всё решила и мои уверения не изменились. Я окончила знакомство с Ником.

Мой телефон вибрирует в кармане пальто, но не отвечаю, даже не смотрю на входящие, потому что предполагаю, что это Люк. Но он начинает меня раздражать из-за его слов. Он не имел права так говорить, высказывать мне. Никакого долбанного права! Это не моя вина, что так всё вышло. Я лишь пешка в их руках, всего лишь фигура на доске, которой они двигают. Устала. Снова ощущаю в груди знакомую пустоту, которая родилась в шестнадцать, когда поняла окончательно, какую роль мне отвели в этой жизни.

Товар, и меня выставляют на аукционе, но я ведь живой человек. Играют с моей жизнью, словно я бездушная. И никто не хочет этого видеть, даже понять не желает, потому что всё в моём мире изгажено. Это подтолкнуло меня к решению изменить круг общения и друзей, места, которые посещаю и планы на будущее. Единственный человек, оставшийся рядом, — Сара. Мне осталось потерпеть только до окончания, а потом… первый раз за всю жизнь задумываюсь уехать из страны, исчезнуть и больше не быть частью своей семьи. Я иная, разительно отличаюсь от них. Не нахожу радости в развлечениях богатых, это меня душит. Лишь желаю быть обычной, не держать себя под контролем. Хочу чувствовать, а не запирать душу под замком, потому что это не поможет мне выжить среди акул, готовых сожрать меня.

Купить полную версию книги

---

notes

Примечания

1

Психологическое отклонение, когда человек боится поцелуев.